

Исповедь ворона Королевской горы

Евгений Пащенко

18+

Евгений Пащенко

**Исповедь ворона
Королевской горы**

«Автор»

2025

Пащенко Е.

Исповедь ворона Королевской горы / Е. Пащенко — «Автор»,
2025

События происходят в довоенном Кенигсберге, во время войны и после нее, а так же , в Германии и Франции. Немецкий писатель Рихард Вернер и его возлюбленная Эрна Борле, оказываются в нескольких исторических промежутках, проходят через непростые, порой жестокие испытания, в своем стремлении быть вместе. Лейтмотив - всепобеждающая сила любви. Другой главный герой - кенигсбергский Ворон, который через призму своего взгляда на человеческую жизнь, разнообразные события, обстоятельства, оценивает их и является в них невольным участником.

© Пащенко Е., 2025

© Автор, 2025

Евгений Пащенко

Исповедь ворона Королевской горы

Светлой памяти моей жены Лоры посвящается

Главный редактор журнала светской жизни и новостей Жерар Дюваль – человек, обладающий профессиональным чутьем и хваткой, находился в состоянии некоторого замешательства в принятии необходимого решения. За долгие годы руководства журналом ему многое доводилось видеть и через многое пройти. И, как правило, тщательно взвешенные решения позволяли достойно находить пути выхода из непростых ситуаций и оставаться на плаву. Однако нынешняя ситуация, которую предстояло разрешить, вызывала определенные опасения. В случае удачи, рейтинг журнала, несомненно, взлетел бы вверх на зависть конкурентам. В противном же случае, тем же конкурентам представится отличный повод от души повеселиться и поёрничать, а это уже стало бы профессиональной пощёчиной. Поэтому требовалось понять, что является более благоразумным – пойти на риск или отказаться? Дюваль, ещё какое-то время наполнял кабинет ароматом трубочного табака и барабанил костяшками пальцев о столешницу, прежде чем решил нажать кнопку и вызвать секретаршу.

—
Вот что, – задумчиво произнёс главред, – Выясните, где сейчас находится э-э-э...

—
он бросил взгляд на лист бумаги, лежащий на столе, – Лорена Девис. Вам известно, кто это?

Секретарша неуверенно кивнула. Она видела, что шеф сегодня заметно нервничает или явно не в духе.

—
Кажется, это новенькая из отдела... Я уточню в службе персонала.

—
Кажется?! Казаться может скорая прибавка к жалованию или нежелательная беременность.

А

У

себя

здесь

я

хочу

видеть

конкретику, чёткость, определённости и минимум галлюцинаций! Так вот, немедленно её ко мне! Если она на редакционном задании или ещё где, то пусть бросает всё и живо сюда! Немедленно!!

Примерно через десять минут в большом светлом кабинете появилась невысокая молоденькая женщина с перепуганным лицом и бледная как мел. Бледность её лица особенно сильно выделялась в обрамлении густых золотистых волос, перехваченных на затылке и спадающих

вниз почти до поясницы «конским хвостом». Путь от своего рабочего места до кабинета главного редактора показался ей восхождением на Голгофу. Её – начинающую сотрудницу срочно требовал к себе шеф влиятельного парижского глянцевого журнала, который даже

никогда не видел её в глаза. Напрямую с ним контактировали лишь начальники отделов или именитые, матёрые журналисты, которые на своём поприще давно съели всех собак. Пока она поднималась на лифте и шла по коридорам, прокрутила в голове все возможные варианты того, за что её сейчас уволят. И только возле самой двери вдруг промелькнула разумная мысль: «Не льсти, девочка, и успокойся. Кто ты такая, чтобы сам Дюваль снизошёл до того, чтобы лично указать тебе на дверь? Нет, здесь что-то другое...»

—

Добрый
день,
месье
Дюваль,

—

едва
слышно
промолвила
сотруд-
ница.

Тот вскинул голову и жестом пригласил сесть. После чего каким-то странным сверлящим взглядом в течение четверти минуты просвечивал её, словно рентгеном. От сильного смятения она не знала, как вести себя. Сразу захотелось машинально и виновато опустить глаза в пол и признаться во всём. Неважно, в чём. И даже неожиданно захотелось в туалет.

—

Вы
догадываетесь
о
причине,
по
которой
я
пригласил
вас?

—

Нет,
месье
Дюваль,

—

ответила
девушка,
слегка
мотнув
головой.

И снова пронизывающий взгляд погнал стайку мурашек по её спине.

—

Хорошо. Пусть так. У меня нет ни времени, ни желания играть
в
какие-то
игры,
поэтому
я

спрашиваю
прямо.
Вы
знакомы
с
Рихардом
Вернером?

На лбу у девушки появились складки, она мучительно силилась понять, что от неё хотят. Однако явная нетривиальность всей ситуации не позволяла молниеносно сообразить, а тем более изречь что-то внятное. И она снова растерянно повела головой из стороны в сторону.

—
Я-я-я...
не
знаю
такого
человека.

—
Поразительно!
Вы
не
знаете
писателя
Рихарда
Вернера?

—
Писателя?
Писателя,
конечно,
знаю.
Но...

—
А лично его вы откуда знаете? Девушка испуганно захлопала глазами.

—
Кем он вам доводится?

—
напористо продолжал главный редактор, – Троюродным дедушкой? Соседом? Знакомым знакомых?

В руке Дюваля появилась трубка, которую он принялся раскуривать.

—
Простите,
но
здесь
какая-то
ошибка,
меся
Дюваль.

Я
совершенно не понимаю, о чём идёт речь.

Главред поднялся из своего кресла и с нескрываемым раздражением принялся вышагивать возле широкого панорамного окна, за которым вдали виднелся тёмный пенал башни Монпарнас.

—

Я

тоже

пока

мало

что

понимаю,

если

честно!

Поэтому,

раз

уж

вы работаете

здесь,

я

вправе

требовать

ясности.

Спрошу

ещё

раз.

Знакомы ли вы лично с Рихардом Вернером?

—

Конечно,

нет.

Откуда

у

меня

могут

быть

такие

знакомства?

—

И я о том же. Но, тем не менее... Если вы лично с

ним не знакомы, как вы можете тогда объяснить, что он знает вас?! И это выглядит определённо и достаточно убедительно!

Бедная девушка совершенно перестала что-либо понимать. Ну да, этот день с самого начала как-то не заладился. Закончился кофе, подгорела яичница с беконом, а в почтовом ящике обнаружилось уведомление о повышении арендной платы за жильё. А в качестве апофеоза — нежданно и негаданно она сейчас находится в кабинете небожителя, который высказывает претензии и подозрения в несуществующем знакомстве с другим, ещё более известным небожителем! Сущий бред, возведённый в квадрат!!! В куб!!!

—

Меня-я?!

—

Именно

так,
мадмуазель!
Лорена Девис собрала в кулак всё своё самообладание.

—

Месье
Дюваль,

я
по-прежнему
ничего
не
могу
понять.

Явно,
что здесь какая-то нелепая ошибка. Если я в чём-то виновата, пожалуйста, скажите
об
этом
прямо.

Прошу
прощения,
но

у
меня
такое
чувство,

что я нахожусь на допросе, и меня подозревают в шпионаже!

«А она, похоже, не из робких и не лишена достоинства», — подумал Дюваль.

—

Простите мою излишнюю напористость. «Как давно вы у нас работаете и чем занимаетесь?» — чуть более доброжелательно спросил главный шеф.

—

Я

подбираю
материал

о
домашних
питомцах
знаменитостей

и состоятельных людей, а так же об особенностях ухода и кормления. Я на испытательном сроке. Работаю три месяца. Почти три месяца.

—

А я почти в восторге! Гениально! — с заметным сарказмом воскликнул главный редактор.

—

А как же мне в нём не находиться?! Вернер — один из последних живых классиков литературы двадцатого века. Человек, который ведёт, по сути, закрытый образ жизни. Он уже уйму лет не общается с прессой, и не даёт интервью. И вдруг возжелал встретиться для беседы с милой особой, которая рассказывает на последней странице нашего издания о шиншиллах, лоснящихся кош-ках, корме для попугайчиков и прочей ерунде! Вам не кажется это, по крайней мере, чем-то странным, мадмуазель Девис?!

—
Я...я
не
знаю,
что
вам
ответить.
Всё
это
вообще
более
чем
странно. Это просто безумие какое-то...

—
Вам
нравится
ваша
работа?
Только
честно.

—
На
данном
этапе
нравится.

—
Хорошо.
Если
предположить...
чисто
гипотетически,
что
вы и
вправду
ни
сном,
ни
духом,
я
бы
тоже
не
знал,
что
ответить.

Но в это как-то очень слабо верится. Впрочем, всякая случайная ошибка исключена. Его секретарь, помощница, нянька или кем там она ему приходится, несколько раз подтвердила информацию о его намерениях. Признаюсь, что я сперва не придавал всему этому особого значения. Скорее всего, подумал о какой-то схеме шарлатанства, махинации по выуживанию

денег
и
тому
подобное.
Но
вчера
он
связался
со
мной
лично. Вернеру уже далеко за девяносто лет. У любого человека в таком возрасте,
даже
у
самого
выдающегося,
чаще
может
происходить
общение
с
болезнью
Альцгеймера
или
деменцией
в
обнимку
с
Паркинсоном, чем
с
музой
или
жеребцом
по
прозвищу
Пегас.
У
писателей
или
поэтов, тем
более.
Этот
народ
даже
в
общепринятом,
адекватном
состоянии

всё равно живёт в своём особом мире и в общепринятом понимании считается лишь условно нормальными. Спасибо, конечно, им за это. Без них этот бестолковый мир был бы

вдвойне бестолковее. Да, впрочем, при личном общении я не услышал и не почувствовал ничего такого, чтобы меня как-то насторожило. Он настойчиво и внятно подтвердил своё

желание

иметь

дело

именно

с

вами

и

ни

с

кем

более.

Как

вам

это?! А когда я напрямую спросил, чем обусловлен такой категоричный выбор,

то

он

ответил

настолько

уклончиво,

что

не

ответил,

можно

сказать, ничего, мол, не ваше дело. Хотите, соглашайтесь, а хотите – нет.

Разговор, который и впрямь больше походил на процедуру дознания, продолжался ещё минут сорок. За это время главный редактор почти уверовал в непричастность Лорены Девис в какой-либо интриге или про-вокации. Его – человека, до мозга костей прагматично мыслящего, подх-лёстывало и неудержимо влекло желание сыграть с фортуной в рулетку. Сыграть не просто очертя голову, но имея за своей спиной многолетний опыт, особый нюх на подобные дела и команду профессионалов.

—

И всё же совпадений слишком много, чтобы считать вашу полную неосведомлённость за чистую правду, – сказал Дюваль, невольно наблюдая, как солнечный свет играет в волосах девушки медно-золотыми отблесками. – Вы читали что-нибудь из Вернера?

—

Да,

конечно,

читала.

—

А что можете сказать о его последнем, недавно вышедшем романе?

—

Пока ничего. Как раз его я ещё не читала, а может быть, и читала. А последний... это какой?

—

С

ума
сойти,
ей
Богу!
Оказывается,
о
самом
любопытном
вы и
не
в
курсе!

—
ухмыльнулся
Дюваль,
качая
головой.

—
Представьте
себе, издательство
«Галлимар»,
которое
издавало
и
печатало
этот
роман,

насколько мне известно, приложило немало усилий, чтобы заполучить интервью, организовать презентацию и прочее, прочее. Он отказал всем. И, как теперь выясняется, ради вас. Можете себе представить?

—
Больше,
чем
не
могу!

—
И если вы, действительно, не читали, то самое время это сделать,
ибо
главную
героиню
романа
зовут,
как
и
вас,
а
описание
её
внешности

точь-в-точь
совпадает
с
вашей!
Как
такое
возможно?!

—

редактор эмоционально вскинул вверх руки.

—

Мне кажется, я схожу с ума, — промолвила девушка, подперев ладонью голову.

—

И всё, о чём я сейчас слышу

—

это какой-то сюрреализм или чья-то злая шутка. Но почему-то не смешно.

—

Возможно.

И
точно
не
смешно!
Однако
и
перст
судьбы
так
же
не исключается,
хотя
я
и
не
фаталист.
Во
всяком
случае,
для
вас
это
могло бы
стать
замечательным
трамплином,
о
котором
многие
могли
бы

только мечтать. Сенсация на обложке и первых страницах журнала! Игра стоит свеч, не правда ли, мадмуазель Девис?

В глазах девушки внезапно вспыхнул огонёк решимости. Это было свидетельство того, что ощущение собственного достоинства и пресло-вutoй справедливости взяло верх над первоначальным страхом и не-уверенностью.

—

Месье

Дюваль,

мне

нет

никакой

необходимости

искать

оправданий ни перед вами, ни перед собой. Я знаю и понимаю обо всём этом не больше, чем вы и...

—

Ладно, ладно,

—

Дюваль выставил ладони перед собой, давая понять,

что

тема

разговора

исчерпана.

—

Меня

теперь

другое

больше

зани

мает.

В

его

возрасте

«родить»

настоящий

бестселлер

—

вот

что,

пожалуй,

удивительно. Такое ощущение, что он долгие годы где-то прятал его, потом забыл, куда спрятал и вот случайно отыскал на дальней полке, чтобы

удивить

всех

напоследок.

Справедливости

ради,

роман

действительно

того
стоит.
И
название
более
чем
оригинальное.
Вернее,
его
просто нет. На обложке лишь открытые кавычки и многоточие, ни единой буквы.
Такие
выкрутасы
могут
себе
позволить
именитые
люди
творче
ства. Представьте себе, к примеру, Ван Гого, который просыпается утром
после
хорошей
пьянки
и
от
нечего
делать
швыряет
в
чистый
холст
кисти,
выпачканные краской. И, конечно же, спустя время, об этом шедевре, так
сказать,
будут
спорить
искусствоведы,
искать
и
находить
в
нём
некий тайный и неимоверно глубокий смысл. Однако вернёмся к нашим
баранам.
Я
не
спрашиваю,
готовы
ли
вы

рискнуть.
Слово
«готовы»
к
вам
априори
не
применимо.
Вам-то
как
раз
особо
и
нечем
рисковать.
На
са-

мом деле это я рискую своей репутацией, влезая в авантюру. Я спрошу так: хотелось бы вам рискнуть? Ответить вы должны, прежде всего, себе и предельно честно. Перебьёт ли это авантюрное желание все страхи, неопытность и сомнения? Если да, то мы думаем и решаем, как быть дальше. Если нет, то вам разумнее будет прямо сейчас вернуться к своим виртуальным зверушкам, уткнуться в компьютер и забыть про этот разговор. Встреча назначена на послезавтра, и времени на долгое обдумывание, как вы понимаете, нет. Ваш ответ, мадмуазель Девис? У вас есть время что-то решить пока нам готовят кофе.

В её голове в одночасье разыгрались вихри, цунами и прочие сти-хийные бедствия. Сам мэтр Дюваль собирается за чашкой кофе обсуждать с ней нечто важное! Почему-то очень захотелось сейчас очутиться дома на диване перед телевизором с мирно урчащим персидским котом на коленях, в привычной и понятной атмосфере. Но это был лишь сию-минутный посыл, который подсознательно пытался увести её в сторону от внезапно навалившихся треволнений. Вместо кофе она попросила стакан воды.

—

Месье Дюваль, — сказала она, сделав несколько больших глотков, — я не знаю, как это всё воспринимать, как всё это назвать — насмешка судьбы или счастливый билет, но я хочу рискнуть и сделаю

всё от меня зависящее. Если это и правда, шанс, то я не собираюсь его упускать.

Шеф тяжело опустился в кресло. Пыхнув трубкой и глядя в широкий створ окна, прищурился.

—

Ну, что ж... В таком случае, не будем терять времени. У нас его мало, а работы много. Разумеется, мы всё обсудим. Не обольщай-тесь, что это будет вашей сольной партией. Вы получите подробный инструктаж, список вопросов и тем для беседы. Но, в любом случае, если возникнут какие-то отступления, любые внезапности, вы должны будете действовать по обстоятельствам. Именно в этом случае вам и надлежит показать себя как профессионала своего дела. За оставшееся

время
вы
должны

не
просто
прочитать
его
последний
роман,
но и разобрать его по косточкам, как запечённого карпа. Завтра я жду вас с
утра
просветлённой
и
целеустремлённой.

А
заодно,
может
быть,
в

вашей памяти всё же всплывет что-то важное, что мне было бы крайне необходимо знать.
Удачи.

* * *

Тяжёлый бомбардировщик британских Королевских ВВС «Лан-кастер», в момент второго захода на цель неожиданно попался в перекрестье мощных лучей, как муха в паутину. Ведомый по небу снопами

света самолет надрывно ревел всеми четырьмя моторами, стремясь вырваться из губительных объятий прожекторов. Ощетинившиеся зенитки, в истерике, плевались в пространство с земли, гвоздили снарядами черноту августовской ночи. В мирное время всё это могло бы напоминать фейерверк, если бы осколки от близких разрывов не осыпали фюзеляж, дырявя местами обшивку, как банку сардин; если бы не обмякшая фигура радиста с поникшей, мотающейся из стороны в сторону головой... Радиостанция сбилась с рабочей частоты и теперь, вместо позывных в наушниках жестокой насмешкой звучал зажигательный фокстрот, как издевательское напоминание, что где-то «там» есть иная жизнь. Радист, безвольно мотая головой, уже будучи смертельно раненным, как бы не соглашался с таким положением вещей, отрицая всё и, в первую очередь, собственную смерть.

Тяжело поднимаясь, словно насосавшийся нектара шмель, облепленный с ног до головы пылью, «Ланкастер» рвался ввысь. Сейчас, как никогда, требовалась концентрация сил, внимания, профессионального мастерства, а более всего – удачи. Нервы экипажа были натянуты до предела. Весь этот кошмар длился приблизительно четверть минуты, но растянулся в целую вечность. И, тем не менее, это была малая толика того, что сейчас испытывали те, кто находился внизу, на земле...

Низкая облачность с 29 на 30 августа 1944 года, которая предшествовала налёту, к полуночи постепенно рассеялась, обнажив город для второго за минувшие три дня и самого страшного удара с воздуха. Удара, от которого Кёнигсберг уже никогда не оправится. По мере того, как гул приближающейся армады сливался с воем сирен воздушной тревоги, над центром города зависли на парашютах десятки осветительных ракет. Вероятно, с земли это выглядело даже красиво, если можно было бы не думать об истинном назначении «китайских фонариков». Подсветка предательски выхватила из темноты тесные кварталы Аль-тштадта¹, шпили и башенки, величественную громаду Королевского замка, невероятной плотности жилую застройку и кафедральный собор острова Кнайпхоф² в объятии двух рукавов реки. Для летчиков собор служил прекрасным ориентиром. Из кабин бомбардировщиков город выгля-

дел, как размытый, бледный игрушечный макет, безжизненный и чужой, уместившийся в одно краткое, неодушевлённое понятие –

«цель».

¹ Исторический район Кёнигсберга (ныне – Калининград), поселение немецких колонистов, возникшее у стен рыцарского замка Кёнигсберг.

² Историческое место в центре Кёнигсберга, расположенное на реке Преголя. Ранее известный как самостоятельный город до 1724 года.

Не делая особых акцентов на уничтожение именно военных объектов, сотни самолётов прошли фронтом от Нордбанхоф ³ до Хауптбан-хоф ⁴. Крылатые сеялки «ковровым методом» вбивали фугасные и за-жигательные зёрна в самую старую и уязвимую историческую часть города – в то, что создавалось веками и многими поколениями. Не требовалось особой военной хитрости, изощрённой тактики, чтобы спалить дотла средневековые улочки, где дома с деревянными перекрытиями и тростниковой начинкой внутри стен глазели окнами друг на друга с расстояния десяти шагов. Фугасы сносили крыши, вышибали двери и окна в радиусе нескольких сотен метров, а фосфорные зажигалки (ми-лейшее человеческое изобретение, впервые опробованное в Кёнигсберге) вкупе с бочками напалма, не оставляли шансов ни строениям, ни их обитателям, которые искали спасения в подвалах своих обречённых чертогов. Огненный смерч, как гигантский пылесос, всасывая в себя кислород, разрастался с неистовой силой и скоростью, пожирая дом за домом, улицу за улицей. Город на глазах сгорал заживо. Если бы дома могли кричать от боли и отчаяния, как люди, то разноголосый вопль достиг бы самих небес! Ах, это вечное сослагательное «если бы»! А если бы атмосферный фронт затянул тучами небо на пару недель? А если бы британское командование удовлетворилось тем первым, уже состоявшимся три дня назад налётом? И эти, и многие другие «если бы», могли спасти город, тысячи душ гражданского населения, но Кёнигсберг волей судьбы стоял первым в списке обречённых немецких городов.

«Ланкастер» неожиданно вздрогнул, словно натолкнулся крылом на невидимое препятствие. Правый ближний двигатель поперхнулся и тотчас задымил. Последующий ощутимый толчок пришёлся в хвостовую часть самолёта. Машина стала плохо слушаться штурвала и постепенно кренилась на искорёженное взрывом крыло. Командир бомбардировщика прилагал невероятные усилия, чтобы удержать горизонт, увести самолёт в сторону, к окраинам Кёнигсберга, где можно было воспользоваться парашютами и не свалиться напрямик в огненный клокочущий ад, который они сами так грамотно и старательно организовали. Максимально снижая вес, «Ланкастер» открыл бомболюки и опорожнил свою утробу от остатка фугасных бомб, которые упали в respectableм районе Амалиенау ⁵ и «пролетарском» Растхофе ⁶. Один из фугасов угодил между двух домов на Харденбергштрассе ⁷.

³ Северный вокзал.

⁴ Главный вокзал.

⁵ Район улицы Кутузова.

⁶ Район проспекта Победы.

⁷ Ул. Пугачева.

* * *

Эрна с трудом открыла налитые свинцом веки. И хотя сознание понемногу возвращалось к ней, но эти первые минуты не давали ровным счётом никаких ощущений – только глаза

отстранённо нащупывали тусклые, расплывчатые очертания, которые не могли пока вернуть чёткого понимания того, что произошло и где она находится. Вдобавок ко всему не получалось сконцентрировать взгляд. Всё, на чём она пыталась сосредоточиться, тут же смещалось в сторону, двигаясь хаотично. Вверху, практически над головой, виднелся фрагмент бледного неба, а на его фоне – стропила и перекрытия крыши, которые торчали в стороны, как сломанные рёбра в зияющей ране. Возле двери, ведущей к лестнице, лежало на боку разбитое пианино с оторванной крышкой. Клавишный ряд вывалился наружу, как вставная челюсть. Часть деревянной лестницы обрушилась. Весь пол был устлан слоем пыли,

засыпан штукатуркой, кирпичом и кусками черепицы.

Первое, что она почувствовала, стал сильный шум в ушах и тупая боль в области затылка. Затем Эрна ощутила боль уже в запястье левой руки. Всё тело казалось каким-то чужим и неимоверно тяжёлым. Было очень трудно дышать – в горле колом стояла мучительная сухость, на зубах скрипело, словно в рот насыпали песка. Пыль осела на лице и стянула его ото лба до шеи, как посмертная маска. Сколько времени она так пролежала? Утро сейчас? День? А может быть, вечер? Вернулось обоняние. Эрна стала отчётливо слышать едкий запах гари. Её уши теперь различали и звуки, что доносились извне. Это была странная какофония, в которой смешалось множество оттенков известных уже и совершенно новых. Но все они в отдельности и в сочетании означали нечто страшное. Наверное, именно так должен звучать хаос. всё это происходило в отдалении. Там же, где она сейчас находилась, один единственный звук, который шёл сверху: приглушённый, спокойный, мерный и очень домашний, мгновенно включил сознание и оживил память. Часы, старинные, огромные напольные часы, те самые, что стояли в гостиной возле камина, со старческой хрипотцой отбили полный час. «Как это возможно? Словно ничего не произошло...» – мелькнуло в её тяжёлой голове. Эрна пошевелилась и сделала попытку приподняться, опираясь на неповреждённую руку.

Теперь она увидела, как ей, в сущности, повезло. Массивный деревянный брус углом навис прямо над ней, один конец его упёрся в стену, другой – в пол. Сильно закружилась голова и затошнило. Эрна снова откинулась на спину. Поплыли цветные круги, часто зарябило в глазах, точно от облака мошкары. Через какое-то время, она попыталась позвать на помощь. При этом она злилась на свою неестественную

немошь, на слабость голоса, на боль в затылке при малейшем напряжении голосовых связок.

Ещё один, едва различимый звук во много крат усилил страдания. Определённо слышалось журчание воды. Сначала Эрна решила, что у неё галлюцинация, как возможное последствие удара головой, но, чтобы не происходило за разрушенными стенами дома, больше всего на свете ей сейчас хотелось пить. Она непроизвольно сделала глоток; облизнула иссушенные губы. Чуть влажный язык смахнул пылевую взвесь, отчего стало ещё мучительнее. С улицы послышалось урчание мотора, и машина (видимо, тяжёлый грузовик) проехала мимо дома. Под её шинами хрустел битый кирпич. Женщина инстинктивно крикнула «Помогите!», но вместо призывного крика получился лишь шипяще-свистящий выдох, и спазм тут же сковал обручем горло.

Эрна вновь собралась с силами и перевернулась на бок. Обхватив здоровой рукой балку, встала на четвереньки. Голова по-прежнему кружилась, но необходимо было выбираться из осквернённого войной жилища на улицу, где ей могли оказать помощь.

Она медленно стала пробираться вдоль стены, опираясь о неё руками. Вот вешалка, на которой висит под серым слоем штукатурки её лёгкое бардовое пальто, стеллаж для обуви и огромное зеркало от пола до потолка в тёмной резной раме. Эрна мельком взглянула на своё тусклое, запylённое отражение. Даже в этой ситуации подсознательно сработал основной женский инстинкт. Образ, который на секунду появился в треснувшем паутиной зазеркалье,

не имел к ней никакого отношения. То было приведение, мумия, восставшая из древнего саркофага...

Эрна впилась пальцами в бронзовую ручку в виде львиной лапы, щёлкнула замком и потянула на себя тяжёлую входную дверь. Утренний свет на секунду хлестнул по глазам, после чего она увидела то, к чему были устремлены все её мысли и чаяния. Буквально в каких-то пятнадцати-двадцати метрах от крыльца из повреждённого пожарного гидранта хлестала вода. Импровизированный ручей свободно бежал по брусчатке, огибая фрагменты разбросанного кирпича и мусора. В целом мире не было ничего удивительнее этого завораживающего действия! Точно сомнамбула, ничего более не замечая и не слыша вокруг, шатаясь, словно пьяная, она направилась к волшебному источнику. Холодные резкие струи били в лицо, в открытый рот, потоками стекали под одежду, а Эрна всё припадала к ним, не чувствуя насыщения.

Наконец она плюхнулась на сухое место и привалилась спиной к кованой ограде. Случайно оперлась на повреждённую руку, вскрик-нула и бережно прижала её, словно куклу, к груди. Теперь можно было перевести дух и, по мере своего состояния, оценить обстановку. Жен-

щину мучило не только от явных признаков сотрясения мозга, но ещё и оттого, что воздух был отравлен стойким, удушливым запахом гари. Ветер периодически приносил тёплые воздушные потоки, что было совершенно неестественным для раннего утра конца августа. Над крышами домов летал пепел, и совершенно не было видно в небе птиц.

Эрна огляделась по сторонам, но Харденбергштрассе была практически безлюдна. Лишь там, где она примыкала к Хаммервег⁸ наблюдалось какое-то движение людей и, реже, автомобилей. Следуя всем канонам благочестия, Эрна должна была воздать хвалу Всевышнему за то, что родилась заново. Она имела все основания через какое-то время быть обнаруженной в бездыханном виде командой по расчистке завалов. Но сейчас для высоких откровений неоставало сил и ясности сознания. Отрешённо, с видом стороннего наблюдателя, с кажущимся равнодушием, она смотрела на дом, из которого чудом выбралась. Угловая часть двухэтажного особняка частично обрушилась, в результате чего сокровенное нутро его было выставлено на всеобщее обозрение. Ещё вчера такая уютная гостиная с добротной мебелью и классическим интерьером, остатками стен и полным хаосом внутри глядела во внезапно открывшееся пространство с немим стыдливым укором. И только старинные часы, самым непостижимым образом, остались стоять на месте. От ударной волны их защитил изразцовый камин. С привычной меланхолией и монотонностью в них продолжал работу винтиково-шпунтиковый организм, казавшийся в высшей степени загадочным, неподвластным ни обстоятельствам, ни времени. Дому, что находился рядом, повезло значительно меньше. Прощальный «подарок» от падающего на землю «Ланкастера» сдул с него крышу и оставил лишь дымящуюся коробку с торчащими трубами дымоходов, лишённую окон.

Возле ног Эрны плавно приземлился обгоревший бумажный фрагмент. Это была обложка школьной тетради, на которой значилось имя.

«Марта Груббер», – машинально прочитала женщина. Груббер. Да, когда-то она училась в лицее с девочкой, носящей фамилию Груббер, но та была не Марта, а, кажется, Кристина или... Зачем это всё сейчас?

События, которые предшествовали всему, вдруг явились в гудевшей, тяжёлой голове с полной отчётливостью, выпрыгнули внезапно, точно разбойник из-за угла. Это произошло против воли и желания, с какой-то требовательной настойчивостью, что при таком физическом состоянии не должно было случиться вовсе. Отрезок жизни пронёсся галопом, вспыхивая, как сигнальный прожектор значимыми событиями и переживаниями последних лет, в которые много чего уместилось: радость, расписанная по часам, тайная боль, сомнения, поступки

⁸ Часть проспекта Мира.

и внутренняя противоречивая борьба. Память именно сейчас зачем-то кинула этот плотно скрученный клубок; он покатился, стремительно разматываясь, словно с горки, чтобы закончиться возле неё, сидящей в нелепой позе на плитке тротуара возле полуразрушенного дома её любимого человека.

* * *

Эрна обожала делать большие и маленькие сюрпризы. Это было неотъемлемой частью её эмоциональной и немного взбалмошной натуры, что, однако, немислимым образом, сочеталось в ней с практической и рациональным подходом в повседневной жизни и делах. Около двух лет назад, после продолжительного и нервотрепочного развода, истребовав с бывшего мужа законные деньги за часть дома в пригороде Кёнигсберга, уехала к сестре в Париж. Она просто в какой-то необъяснимой панике сбежала туда от всего и от всех; от зашкаливающего «нервного градуса», от своей прошлой жизни, сорвалась очертя голову, как с обрыва, в надежде окунуться в иную действительность, разобраться с мыслями, чувствами и дальнейшими планами на жизнь. Впрочем, когда идёт такая война, довольно наивное и неблагодарное занятие строить планы. И всё же, вопреки всему, нельзя не делать попыток думать о будущем. Младшая сестра Эрны уже много лет была замужем за французом – инженером путей сообщения. Грета, её муж Марсель и восьмилетняя дочь Мари занимали три миниатюрные комнаты на втором этаже небольшого дома. Вдобавок ко всему, Грета держала вблизи Монмартра галантерейную лавку. Оккупированный немцами Париж всё равно оставался Парижем. Городом, который, не изменяя себе, своим привычкам, статусу и устоям, подстроился под непреодолимые пока обстоятельства, обуздав на время размах и свой огромный потенциал.

Невзирая на все трудности и проблемы, Эрна всё же обрела там новое, динамичное состояние, впрочем, если это было и не совсем так, то ей ничего иного не оставалось, как думать, что так оно и есть. Сама обстановка была иной, но она с готовностью и рвением взяла на себя основную часть забот по содержанию и функционированию галантерейной лавки. Попутно овладевала французским и весьма недурно преуспевала в этом деле на удивление себе самой, так как считала себя совершенно неспособной к изучению языков. Эрна старалась вникать во все тонкости и довольно скоро со знанием дела общалась с поставщиками, оценивала и отбирала образцы, новинки, чтобы угодить постоянным покупателям, за которых в это тяжкое время приходилось просто хвататься зубами. Сестру это вполне устраи-

вало, так как у той появилось больше времени для дочери и домашних дел. Их семейный бюджет не претерпел очень серьёзных изменений. Марсель был хорошим знатоком в своём деле, а грамотные технические специалисты ценятся всегда и везде при любой власти и режиме. Возможно, Эрна желала бы большего – утратить мысленную и духовную связь с городом, где долгое время была счастлива, где узнала боль и опустошение от разочарований. Хмурый, дождливый и подчёркнуто воинственный Кёнигсберг не мог, как французская столица, дать ей желаемого эмоционального наполнения, ощущения перевернутой страницы и новизны жизни. Может быть, воспоминания о прошлом постепенно затухли бы в её душе, высвобождая место для иных чувств

и отношений, если бы не одно весомое обстоятельство...

Она познакомилась с Рихардом шесть лет назад солнечным воскресным днём в одном из павильонов Ostmesse⁹. Такие встречи никак нельзя отнести к воле случая. Случайно можно подвернуть ногу на ровном месте или обронить кошелёк, опустив его мимо кармана, а натолкнуться взглядом в многоликой толпе зевак на родные глаза – это уже воля Провидения. Есть в жизни события, которые застают врасплох, которым надлежит случиться в отведённый для этого день и час. Человека об этом заранее не ставят в известность, впрочем, как и не предупреждают о возможных последствиях.

За два года до этой встречи случилось так, что для неё внезапно рухнул безоблачный, вполне счастливый мир, когда она с достоверной точностью узнала об изменах мужа, которому доверяла безгранично. Не поняла, не приняла обстоятельств и не простила. Супруги продолжали жить вместе под одной крышей, визуально для всех оставаясь идеальной, счастливой парой, и лишь очень немногие знали правду. Впрочем, они оба осознали, что прежних отношений не вернуть, не реанимировать былой теплоты и доверия. Носить в душе прогрессирующую пустоту Эрна больше не могла и не хотела. Она неосознанно искала общения, утешения, поддаваясь потребности снова чувствовать жизнь, душевное тепло и равновесие, кому-то нравиться, быть нужной и желанной.

В павильоне, где находилась выставка-продажа посуды, всяческой кухонной утвари, изделий из стекла, керамики и фарфора, Эрна сосредоточенно рассматривала вазы. Не то чтобы ваза была ей особенно нужна. Многие женщины имеют природный терапевтический дар – в моменты скуки, меланхолии, тревоги, тяжких мыслей или чудесного настроения разгружать своё неустойчивое сознание тем, чтобы без видимой цели бродить по магазинам, разглядывать витрины, толкаться в примерочных и заниматься иными, бесполезными на первый взгляд,

⁹ Восточно-прусская ярмарка

вещами. Находясь примерно в таком состоянии, внезапно, Эрна почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, словно лёгкое пощипывание на щеке. Она повернула голову и без труда вычислила пару выразительных гипнотизирующих глаз. На мгновение её взгляд встретился с глазами совершенно незнакомого человека. На лице женщины появилось лёгкое смущение и такой же едва заметный румянец. Ловить на себе мужские взоры ей, разумеется, приходилось и раньше, но в данном случае это ощущалось как-то иначе, необъяснимо и по-новому. Когда она снова мельком бросила взгляд в ту сторону, там уже не было высокого, импозантного мужчины, который таранился на неё. Чем-то очень странным для неё самой в эту минуту показалось чувство досады и даже лёгкой паники. Эрна снова с наигранной рассеянностью покрутила головой. «А вдруг он сейчас со стороны наблюдает? – испуганно пронеслось в мозгу. – А почему тебя это должно вообще волновать?!» – тут же, с лёгким протестом прилетело вдогонку. И, чтобы не выглядеть несуразно, она сделала первое, что пришло в голову:

—
Будьте
любезны,
—
обратилась
она
к
продавцу,
—
покажите,
пожалуйста,
во-он
ту
вазу.
И
вот
эту
ещё
...

Да-да,
ближе
к
краю.
Благодарю.

Продавец поставил перед ней на прилавок обе вазы. Одна была из тёмного богемского стекла спиральной формы, а другая ваза – ке-рамическая, почти круглая, покрытая белой эмалью, на которой были изображены мелкие и некричащие пестротой цветы.

—

На вашем месте я бы остановил выбор на этой вазе. Она очень подходит вам, – раздался мягкий, негромкий голос возле самого уха женщины.

Эрна вздрогнула от неожиданности и подняла голову. Снова лёгкий румянец предательски окрасил щёки. Незнакомец вырос непосредственно перед ней, словно из-под земли. Более того, он явно пытался

«навести мосты».

—

Спасибо
за
подсказку,
—
произнесла
Эрна,
глядя
в
лицо
мужчине.

И она была бы просто не она, если бы не добавила то, что само собой спрыгнуло с языка, чем заметно обескуражила этого человека:

—

Ваза, вероятно, подходит мне под цвет глаз или под форму голубы.

Это прозвучало не как вопрос, не как утверждение, но с язвинкой.

—

Нет,
нет!

—

скороговоркой
выпалил
специалист
по
вазам.
—Я
имел
в
виду,
что
изящество
и

красоту
нередко
подчёркивает
простота
исполнения.

Эрна ухмыльнулась, покрутила туда-сюда белую вазу и задумчиво произнесла:

—

Вот-вот,
простота
исполнения
нас
с
ней
и
объединяет.

Выпиши-те, пожалуйста, чек! – обратилась она громко к продавцу.

Эрна рассчиталась за покупку в кассе, забрала упакованное изделие и с гордо поднятой головой покинула павильон, оставив незадачливого повесу в объятиях растерянности и досады. По пути к выходу с ярмарки, она заглянула в ресторан, выполненный в форме двенадцатиугольника¹⁰. Креманка с тремя шариками мороженого под шоколадом и чашка кофе должны были поднять настроение. Она тоже испытывала некоторую досаду и ругала себя за свой острый язык, благодаря которому в три секунды язвительными выпадами «отшила» приятного, в общем-то, человека. «Ты сама не знаешь, чего хочешь! – говорила она себе. – Да. Не знаю. И что с того?!» – вызывая себе же и отвечала. Эрна задумчиво выуживала ложечкой кусочки шоколада из под-таявшего мороженого, как вдруг перед ней на столе оказался небольшой букет, составленный из ромашек с вкраплениями васильков и ещё каких-то полевых цветов. Когда она подняла голову, то с откровенным удивлением обнаружила, сидящего за её столиком уже «знакомому не-

знакомца».

—

Простите, но мне подумалось, что вам должны нравиться ромашки, – произнёс мужчина,

делая
попытку
улыбнуться

раскованно и непринуждённо, что выходило у него откровенно плохо. Его глаза выдавали внутреннее напряжение.

Вместо предполагаемого ответа Эрна медленно зачерпнула ложечкой мороженое и, глядя в глаза своему визави, так же медленно отправила его в рот. Затем повторила это ещё несколько раз. Пауза затянулась.

—

Вы меня преследуете? – спокойным, ровным тоном спросила женщина.

На лице незнакомца появилось просветление, словно тот счастлив был услышать в свой адрес хоть что-то.

—

Откровенно
говоря,

да.

—

С

какой

целью,

можно

узнать?

—

Можно. Позвольте, я представлюсь для начала. Меня зову Рихард Вернер. Видите ли...
Как бы это сказать... Наверное, прозвучит всё

банально

и

приторно,

но

мне

просто

безумно

хочется

познакомиться с вами. Бывает же такое с людьми. Со мной вот сейчас произошло. Мимолётный взгляд отобразил в сознании ваш облик, сердце встре-пенулось,

душа

отозвалась

и...

В общем,

всё

достаточно

схематично и «грабли» на все века одни и те же. Так что, в целях моего преследования нет ничего сверхъестественного. Всё просто.

Эрна слегка улыбнулась, с едва угадывающейся грустинкой.

—

Не

столько

банально

и

просто,

сколько

бесцеремонно

и

цинично.

Не находите?

¹⁰ Спортзал «Динамо», ул. Профессора Баранова

—

Нахожу!

Стыжусь!

Но,

что

делать?!

Вы
сейчас
допьёте
кофе и
упорхнёте
в
неизвестном
направлении.

И,
может
быть,
другого
шанса у
меня
не
будет.
Так
что,
не
до
церемониала.

Сам
себе
поражаюсь,
ведь я человек по натуре не наглый, вроде бы...

—

Неужели?!

—

Эрна подняла брови домиком и тут же добавила:

—Шанс познакомиться с женщиной, которую вы фактически обозвали простушкой, действительно невелик.

Человек, назвавшийся Рихардом Вернером, испуганно прижал рас-топыренную ладонь к груди, символизируя искреннее недоумение или раскаяние.

—

Вы
меня
неправильно
поняли.

А
скорее
всего,
это
я
выразился
так
коряво.
Простите
за
косноязычие.

У
меня
писать
получается
лучше,
чем говорить. Так уж сложилось.

—

Тогда делайте то, что лучше получается. Пишите письма изысканным и незамужним женщинам.

—

А вы, значит, замужем, — с досадливой ноткой констатировал мужчина.

—

Значит.
«А
что
в
этом
удивительного?»
—спросила
Эрна.

—

Как
мне
показалось,
у
вас
глаза
одинокого
человека.

—

А
в
свои
глаза
не
пробовали
заглядывать?

—

Разумеется.
Потому
и
знаю,
как
выглядит
внутреннее
одиночество.

—

«Внешнее»

всегда
равно
«внутреннему»,
даже
если
это
тщательно скрывается, – произнесла Эрна.

Женщина пристально посмотрела в лицо собеседника. Мороженое было съедено, а кофе допит. Эрна решительно поднялась из-за стола, давая понять, что трапеза и беседа окончены.

–
Всего
доброго,
–
бросила
она.
Однако,
сделав
три
шага
к
выходу, неожиданно
вернулась
и
взяла
в
руки
букет.

–
За
цветы
спасибо.
Пусть у
простой
женщины
в
её
простой
вазе
будет
стоять
ваш
простой
букет. А с ромашками вы и, правда, угадали. Обожаю их!

По пути к трамвайной остановке она несколько раз замедляла шаг и словно невзначай оглядывалась, выясняя, нет ли за ней слежки. К счастью, а может, к сожалению, слежки не обнаружилось. Дома Эрна поставила букет в вазу и поразилась преображению комнаты. Тому, как этот невычурный тандем (ваза и букет) мгновенно создали вокруг тёплое, уютное настроение и придали всей обстановке очаровательную живинку. Она призналась себе самой, что ваза не просто нравится, но и подходит ей, как утверждал... «Как же его зовут-то? Он же предста-

вился вроде, Райнер? Рональд? Странно. Совершенно не помню. А что, должна была запомнить?!»

В течение дня Эрна по какой-то надобности или без всякой причины постоянно заходила в гостиную, чтобы ещё раз бросить взгляд на

угол комода, где стояло новое приобретение. И, когда это случалось, то почему-то вместе с композицией перед глазами проявлялся образ человека, которого за несколько минут общения она, в сущности, и рассмотреть не успела толком. А ещё навязчиво вспоминалась их внезапная встреча, несколько фраз из несостоявшегося знакомства и в чем-то необычная манера поведения этого типа. И всё это вкупе раздражало и одновременно вызывало интерес.

«Рихард! Ну да, кажется, Рихард, – пронеслось в голове, проснувшейся ранним утром женщины. – Станный он какой-то. Скорее... необычный. Не от мира сего, как и ты сама. Что он там такое говорил об изяществе и красоте?» Эрна с необычайной лёгкостью, как это бывало в детстве, спорхнула с кровати и принялась в ночной рубашке, как в бальном платье, изображать перед трюмо танцевальные па. «Изяществе и красоты, хоть отбавляй! – пришла она к выводу, созерцая своё отражение. – А, что?!»

Она улыбнулась широко и непринуждённо, поймав себя на том, что давным-давно не находилась в таком лёгком, необъяснимо-загадочном настроении. На минуту она вообразила себя сказочной принцессой, которая случайно выглянула из окна кареты и поразила своей красотой проезжавшего мимо принца. Или что-то в этом роде... Женское самолюбие тешила мысль о том, что мимолётное виденье исчезло, а сражённый в самое сердце принц мечется теперь в поисках предмета своего поклонения по городам и странам. Красиво. Сказочно. И столь же маловероятно.

Тем не менее, в следующее воскресенье ноги сами привели её на территорию восточно-прусской ярмарки. Было немногочленно и довольно скучно из-за скверной погоды. С насупившегося неба периодически срывался мелкий дождь. Она бесцельно бродила из одного павильона в другой, не обращая особого внимания на то, что было представлено в них для глаза и кошелька. Единственная вещь происходила помимо воли – если вдруг среди немногочисленной публики возникала фигура какого-нибудь высокого мужчины, то в её душе происходило странное движение, похожее на лёгкий приятный испуг.

В известном уже ресторанчике было практически пусто. Присев за тот же столик, Эрна заказала кофе и творожный десерт, обильно посыпанный марципановой крошкой. И вновь какие-то детские фантазии явились неожиданно, чтобы разбавить акварелью пасмурный день и пасмурное настроение. Ей подумалось, что стоит только закрыть глаза, медленно сосчитать до десяти и на столе снова появится букет из ромашек. Или любой другой, неважно... И, как ожидаемый финал истории с принцем (тем, что озадачен поисками принцессы), ей безумно захотелось, чтобы её сейчас же... сию же минуту нашли!

Букет на столе так и не появился. А по оконным стёклам, хаотично переплетаясь, сбегали вниз тоненькие дождевые ручейки.

Под куполом зонта Эрна неторопливо брела в сторону Штайндам-ма¹¹. Глядя под ноги и огибая лужи, она в очередной раз укоряла себя за то, что с годами так и не приобрела необходимый иммунитет, – реально видеть и чувствовать этот мир таким, какой он есть, без своих книжных образов и детских придумок. Обидным было то, что в свой нереальный мир всем остальным (даже близким людям) вход был категорически geschlossen¹², из-за страха быть непонятой или ненамеренно осмеянной, а не потому, что не хотелось этим поделиться. Ей так порой хотелось найти в ком-то непритворное созвучие своим замысловатым ощущениям! И справедливо нужно отдать должное мужу, который в своё время периодически совершал попытки в познании внутреннего мира супруги. Эрна видела это и с благодарностью принимала

потуги при-землённого, делового человека постичь её женскую фантасмагорию. Но это было раньше, а не сейчас. Сейчас же, в силу сложившихся обстоятельств, она мало нуждалась в его понимании и участии, хотя муж по-прежнему оставался близким человеком, но теперь относившийся больше к категории «родственник». Разочароваться в человеке – это было, пожалуй, самым страшным. Разочарование оказалось сильнее чувств, здравого смысла, многолетней привязанности, и ничего поделать с этим было решительно невозможно.

«Кстати, по поводу книги...», – Эрна оживилась, оказавшись перед витриной большого книжного магазина. Она давно уже собиралась заглянуть сюда и купить что-нибудь из литературных новинок.

–
Могу
я
вам
помочь?
Ищите
что-то
конкретное?

–
обратилась к Эрне продавец.
Та неопределенно пожала плечами.

–
Конкретного ничего, просто хотелось почитать что-нибудь новенькое.

–
Из относительно нового могу кое-что порекомендовать. Вот, например...

С этими словами продавец достала со стеллажей несколько книг, называя авторов и делая краткие пояснения.

–
Как вы сказали, зовут автора? – встрепелась Эрна, выхватив из
краткого
списка
имён
и
фамилий
то,
что
неожиданно
резануло
слух.

–
Рихард
Вернер.
Это
наш
местный
автор,
очень
рекомендую.

С каким-то необъяснимым смятением Эрна взяла в руки книгу и открыла обложку. На первой странице была фотография человека с уже знакомым пытливым, но тёплым взглядом. Женщина почувство-

¹¹ Район ул. Житомирской

¹² Закрытый (нем.)

вала, что краснеет лицом, и лёгкий холодок от волнения бежит по спине. «Да, что с тобой такое!!!» – мысленно прикрикнула она сама на себя, словно стыдясь неблагоприятного поступка.

Каждая прочитанная страница не просто подогревала интерес к сюжету произведений, но и к тому, кто эти сюжеты выдумал и описал события, имевшие место быть настолько живо и органично. В процессе чтения Эрна невольно представляла себе всё происходящее, словно смотрела кинофильм. А подобное случается не так уж и часто.

Был уже поздний вечер, когда, захлопнув книгу, Эрна непроизвольно вторя Кипплингу, подумала: «Похоже, что мы с ним «одной крови»». Она потушила ночник и, лежа в постели, ещё долго смотрела в тёмный квадрат окна, за которым порывы ветра раскачивали остроко- нечные верхушки туй. Сюжетные линии и новые образы, с которыми состоялось книжное зна- комство, переплелись в сознании воедино и не торо-пились отпустить.

Из соседней комнаты иногда доносились негромкие звуки, похожие на шорох. Это муж копался в своих деловых бумагах или занимался тем, на что не хватило у него времени днем. Эрна сейчас пыталась понять, уловить в себе нечто зыбкое, едва только зарождающееся в мыс-лях и в душе – какое-то неосознанное предчувствие будущих событий и перемен. Она прак-тически не сомневалась, что такие события грядут, что рано или поздно они предстанут перед ней в качестве выбора, или чего-то уже свершившегося, а может, откроются подобно гори-зонту во всей своей непредсказуемости. Оставались вопросы, на которые пока не было осо-знанных, сформировавшихся ответов, да и не могло их быть. Каких именно перемен бы ей хотелось? Как смело и далеко она готова зайти в этой лотерее? Чем она готова пожертвовать и во имя чего? Страх неизвестности бежал впереди тумана из грёз и фантазий. Следующая встреча состоялась спустя примерно полмесяца. Произошёл непредсказуемый поворот бытия, который в один прекрасный день (если говорить точнее, то ближе к вечеру) ля чего-то выгнал их из квартир на улицы города, снабдив каждого своими вполне опреде-лёнными целями, заче-м-то усадил в один трамвайный вагон и заставил сойти на одной остановке на Кайзер-Виль-гельм-плац. Да ладно бы просто сойти. ... Как раз, во время выхода из трамвая, Рихард нечаянно носком ботинка наступил миниатюрной даме на краешек плаща. Женщина едва не навернулась с подножки. Не подхвати он её за руку и за талию, именно так бы всё и вышло. Неуклюжесть ситуации мгновенно сконфузила обоих. Оторопь, растерянность, крайнее изумление – всё это, несомненно, присутствовало. Вот и долгожданный финал сказочной пьесы! «Принц» всё-таки нашёл свою «принцессу»! Застал врас-

плох, стреножил и заключил в объятия! В итоге...

—

А вы не просто меня преследуете, – глядя широко открытыми глазами произнесла Эрна, – но ещё и покушаетесь на мою жизнь. Вы маньяк, Рихард Вернер?

Она совершенно не собиралась произносить имя, но оно как-то само собой сорвалось с языка. Изумлённый нелепостью ситуации или тем, что в таком контексте произнесли его имя, мужчина принялся беспомощно размахивать руками, словно собирался взлететь и не мог, как баклан, перепачкавшийся мазутом.

—

Я-я, уже сам не знаю, кто я! В ваших глазах определённо выгляжу как... Я очень извиняюсь. Я не намеренно. Правда. Вот со мной всегда так! Я очень неуклюжий от природы. Наверняка испачкал или испортил ваш плащ. Позвольте, я взгляну, что там с ним.

—

Бог с ним, с плащом, — «принцесса» отступила на шаг в сторону. — Вы меня чуть не испортили!

—

Ну

я

же

успел

вас

вовремя

поймать.

В

смысле...

придержать.

Может быть, это меня хоть как-то реабилитирует?

Эрна изобразила на лице гримасу удивления, мол, с чего бы это вдруг? При других обстоятельствах она, скорее всего, надменно бы фыркнула и удалилась прочь. Но всё это уже произошло тогда, на ярмарке. Зачем нужны неуместные повторения? Иная ситуация навязывала иное развитие этой истории. Тем более, она имела неоспоримое преимущество. Если для Рихарда она оставалась сплошь белым пятном на карте познания то, благодаря прочитанной книге, ей кое-что удалось узнать о внутреннем мире этого человека. Определённые симпатии уже сложились, и отрицать это было бы глупо. Чего греха таить, время от времени она с некоторым сожалением возвращалась к воспоминаниям о той встрече in Ostmesse, как к сюжету без продолжения.

—

Я не нуждаюсь в том, чтобы меня кто-то «ловил». Просто, к несчастью, рядом иногда оказываются субъекты, распространяющие вокруг себя хаос, — сделала Эрна категоричный вывод.

—

Как

хорошо,

в

самом

деле,

что

это

не

про

меня,

правда?

—

сказал Рихард с широкой, непосредственной улыбкой. — И всё же, позвольте вас немного сопровождать. Или знаете... а давайте лучше...

Эрна жёстко прервала его фразу, словно пальнула из ружья в утку на взлёте.

—

А

зачем?

Чтобы
вы
по
пути
случайно
отдавили
мне
ногу
или
так же нечаянно толкнули под трамвай?
—???

—

Оно вот там,

—

Эрна неопределённо кивнула, указывая на что-то за спиной Рихарда, — на углу вон той улицы.

—

Кто?

То

есть,

что?

—

Кафе, разумеется. Вы же сейчас судорожно пытаетесь сообразить, куда меня можно завлечь без лишнего пафоса, и чтобы это было поблизости. Существенно облегчаю вам задачу.

Рихард с улыбкой и удивлением покачал головой, не скрывая восхищения такой проницательностью и откровенным сарказмом.

—

Звучит

цинично,

не

находите?

—

адресованный

когда-то

ему

кол-кий вопрос отлетел бумерангом в обратную сторону.

—

Зато

правдиво,

—

отрезала

Эрна.

Похоже, что словесная дуэль не просто забавляла обоих, но становилась каким-то очередным шагом.

—

В

конце

концов

это
вы
меня
чуть
не
угробили,
а
значит,

повинны во всех грехах, – продолжила она, – поэтому с вас кофе и интересная, содержательная беседа о чём-нибудь интересном и содержательном. Если вы на это способны, тогда ведите меня, таинственный и опасный незнакомец!

Рихард не успел опомниться, как Эрна сама взяла его под руку, и они пошли, не спеша по тротуару к обозначенному месту. Со стороны они смотрелись вполне пристойно – интересная, симпатичная пара не-молодых уже людей. Ещё десять минут назад никто не мог помыслить о таком крутом вираже в их судьбах – петляющем повороте, который начался, скорее, как интрижка, как игра.

Разве кому-нибудь дано предугадать, до чего можно «доиграться»? За довольно короткий срок Эрна и Рихард совершили множество волшебных открытий, о которых сначала даже и не мечтали. О том новом, что со временем наполнит их устоявшуюся жизнь, переместив в иные чувственные измерения. Эта связь постепенно переросла в тяжёлую форму счастливого помешательства, именуемого любовью, в паталогическую взаимную необходимость, в то банальное и вечное человеческое, во что, порой, нелегко поверить и принять, а после невозможно от этого отказаться.

Итак, Эрна обожала сюрпризы и неожиданности. Её внезапные появления, после пяти-шести месяцев отсутствия, неизменно вызывали бурю эмоций. Она с наслаждением наблюдала в глазах любимого счастливый детский восторг и чувственную нежность, а он хватался за эти несколько дней, что она была рядом, как утопающий за соломинку, чтобы потом, после её отъезда, долгое время жить теплом воспоминаний, словно палкой, отгоняя от себя наступающее на пятки одиночество; хранить в себе зыбкую надежду и её, такие же неопределённые, зыбкие обещания – когда-нибудь вернуться, что называется, насовсем. А в итоге: снова долгое время мучительно собирал себя по частям, злился на неё и на себя, искал и находил ей оправдания, любил и ждал вопреки всему, что кричало здравым смыслом ему в уши, а более

всего – боялся прозрения. Хотя однажды к нему пришла мысль, которая, засела в голове занозой, словно пронзительный ночной звонок от того же здравого смысла: «Эта женщина будет с тобой всегда и везде, но только не рядом».

Её нынешнее появление было чистой воды авантюрой. Эрна с величайшим трудом покинула Париж, буквально за несколько дней до того, как городом окончательно овладели англо-американские войска. На улицах была слышна стрельба. Появились баррикады и окопы. Отряды французского Сопротивления и немецкие части противостояли друг другу с нарастающим ожесточением. Однако в исходе этого противостояния уже никто не сомневался, так как англичане и американцы находились уже на самых близких подступах к столице. Поэтому она смутно представляла себе, а скорее, не представляла вовсе, как будет возвращаться обратно и сможет ли это сделать вообще или в каком-то отдалённом будущем. Ведь, как ни крути, она имела национальную принадлежность к оккупантам и вполне могла попасть под, так называемые «чистки», которые без сомнения последуют в скором времени. Но твёрдо знала, что обязательно должна приехать, чтобы повидаться, пусть, даже и в последний раз. Она добралась до Берлина, где почти сутки проторчала на вокзале в ожидании возможности сесть на прямой

поезд до Кёнигсберга. Поезда теперь ходили не так, как это было некоторое время назад. Преимущество всецело было отдано военным перевозкам, и расписание корректировалось в зависимости от изменчивости обстоятельств.

Около полудня двадцать шестого августа Эрна сошла на перрон под стеклянные своды «хауптбанхофа». Сильное и противоречивое волнение всколыхнуло душу, когда после длительного отсутствия она вышла на привокзальную площадь и наполнила лёгкие воздухом родного города. С чемоданом в руке она направилась к остановке трамвая, огибая стороной военный патруль, который проверял документы у щуплого пехотинца, совсем ещё мальчика с худым прыщавым испуганным лицом. Весь путь, от вокзала до Амалиенау, Эрна глазела по сторонам, подмечая свежим взглядом какие-то новшества и изменения. Но, более всего, она разглядывала людей вокруг – лица тех, с кем ехала в трамвае и те, что были на улице, их одежду и манеры держатся.

«Провинция...», – невольно пронеслось в голове новоявленной фрау из Парижа. Впрочем, это была лишь констатация без клейма ехидства или высокомерия. Но то, что выражение лиц многих кёнигсбержцев стало иным, Эрна подметила в первую очередь – в них отчётливо угадывалась озабоченность и тревога. Озабоченность, разумеется, читалась и на лицах парижан, но... это было как-то иначе. А здесь... Куда подевалась бывшая бравада, уверенность, оптимистический задор от оглушительных

успехов и предчувствия ещё более выдающихся побед немецкой армии и нации в целом? Она заметила, что и на неё обращают внимание, особенно мужчины, возможно, из-за более выразительного макияжа, который не был присущ большинству немецких женщин. Эрне сейчас нравилось чувствовать себя иной, обновлённой и загадочной, и она внутренне светилась. Трамвай пересёк Адольф-Гитлер плац¹³, взвизгнул, как старая уключина на повороте и остановился напротив здания Земельного Суда¹⁴. Эрна хитро улыбнулась и подмигнула бронзовым зубрам, которые по-прежнему на своём постаменте выясняли отношения, сцепившись рогами. Она сошла на остановке «Луизенваль»¹⁵. Часы на кирхе королевы Луизы приветствовали беглянку привычной, умиротворяющей мелодией. Сердце от волнения рвалось наружу, готово было выпрыгнуть и нестись вперёд налегке, без поклажи. Глаза светились счастьем, предвкушением того, что через каких-то пять минут она надавит на кнопку звонка. Как будет жадно ловить каждый шорох, прислушиваться в ожидании шагов по лестнице, а когда откроется дверь, то, не дав опомниться и вымолвить слово, бросится к любимому и повиснет у него на шее.

—
Эрна!
Дорогая,
это
ты?!
—
внезапно
кто-то
схватил
её
руку.

Та, вздрогнув от неожиданности, внутренне сконфузилась. В голове промелькнула досадная мысль: «Ну, почему именно сейчас?» Габи, её давнишняя приятельница – неугомонная трещотка, охотливая до житейских сплетен и новостей, натолкнулась на неё в самый неподходящий момент. Хотя и были приложены усилия к тому, чтобы сократить общение, но всё же

пришлось минут десять отвечать на шквал вопросов и давать какие-то пояснения. А минуты тянулись, как часы. Звонок дребезжал долго и настойчиво, но окрылённая чувствами женщина так и не дождалась желанных шагов. Вместо этого открылось окно первого этажа и в проёме показалось знакомое морщинистое лицо. Соседка по дому (столь же любопытная, как Габриэлла, только преклонных лет) сообщила, что господин Вернер вчера на несколько дней уехал в Кобленц к дяде, который совсем плох. А ей поручил вы-

нимать из ящика корреспонденцию.

Вот и сюрприз! Более всего стало обидно за украденные обстоятельствами дни, за то золотое время, которое они должны были провести вместе. Эрна порылась в сумочке и достала свой комплект ключей. Когда-то Рихард сделал ей подарок с недвусмысленным намёком, отправив в Париж на адрес её сестры посылку, в которой обнаружился белоснежный домашний халат, а на пояске – ключи «от дома и от сердца».

¹³ площадь Победы

¹⁴ технический университет

¹⁵ парк «Центральный»

Она навсегда запомнила ту минуту, когда радость и боль вспыхнули одновременно, как улыбка сквозь слезы.

Она вошла в прихожую, щёлкнула выключателем, огляделась и за неимением рядом любимого, обняла его серый плащ на вешалке. Достала с полки шляпу, нахлобучив себе на голову, состроила смешливую гримасу и показала зеркалу язык. Дом принял её как свою, но чего греха таить, каждый раз по приезду Эрна (как и всякая бы другая женщина на её месте) искала и до смерти боялась найти, почувствовать, хотя бы малейший намёк на чужое женское присутствие. Поразитель женский эгоизм! От брошенного, по сути дела, на долгие месяцы мужчины женщина имеет (как ей кажется) законное право требовать всего того, что была бы вправе ожидать, отлучившись из дома на четверть часа в бакалейную лавку или кондитерскую. Вот и теперь она ревниво осматривала квартиру, касаясь руками и взглядом знакомых и дорогих её памяти предметов. Перед глазами оживали и проносились картинки, фрагменты особенно радостных событий и ощущений, которые она узнала здесь – и всё это жило, витало, продолжая незримо и бережно хранить ауру этого места. Воспоминания, словно ласковый живительный поток обдавали душу и в то же время сквозняком задували в сердце холодок.

Эрна знала и чувствовала вину за свой скоропалительный отъезд, за всю нелепость ситуации, когда два свободных, любящих друг друга человека по-прежнему не вместе и сама вероятность этого союза теперь весьма призрачна. За то, что практически не нашла слов и смелости объясниться с Рихардом перед тем, как покинуть Кёнигсберг, оставив его в неопределённом, томительном ожидании, как привязанную собачку возле магазина, за то, что уехать оказалось куда проще, чем вернуться.

Париж и та «другая жизнь» стремительно поглотили её, не встретив сопротивления, так как именно подобного состояния она желала на тот момент более всего. Она всецело отдалась этому чувству, как порыву ветра, что понёс её лодку по неизвестному маршруту. Конечно, это пугало, но и давало силы не бояться, а действовать.

«Я веду себя как собака на сене», – иногда говорила она Рихарду и чаще самой себе. «Ты ничего мне не обещала», – отвечал он, чувствуя в эту минуту, как всё его существо сжимается до размеров атома.

«Ты только знай одно: я очень люблю тебя!», – этой фразой, произносимой со слезами на глазах, Эрна хотела сказать о многом, но снова выходило нечто размытое и ни о чём конкретно. В разговоре или переписке она всякий раз пыталась найти в себе силы и смелость

открыть правду. Когда ей казалось, что уже решилась, что наступил подходящий момент, вдруг внезапно ощущала сильный испуг, обрывала себя

на полуслове и в очередной раз оттягивала неизбежное. Рихард давно чувствовал и понимал, что любимую женщину захлёстывает некая тайная, тяготившая душу недосказанность, которая, как петля, всё сильнее и сильнее сдавливает неопределённостью их отношения. Сейчас Эрна приехала, чтобы отчасти или полностью разрешить эту затянувшуюся неопределённость, покаяться и предоставить любимому самому решать теперь их дальнейшую судьбу.

Практически сразу по приезду в Париж, в тайне от всех она совершила отчаянный шаг – купила крохотную квартирку в далеко нереспектабельном районе города, ветхую и обставленную более чем скромно. В общем, на что хватило средств. В тот момент она слабо представляла, что делает, двигаясь в противоречивом русле своих эмоций и порывов. Ей казалось тогда, скорее она была уверена в том, что именно с этого шага должно начаться то самое «хорошее и необратимое», которое волшебным образом притянет к себе, словно магнитом, всё ожидаемое от настоящего и будущего. Пытаясь создать новую себя, найти покой и свой тихий уголок, она постепенно обрела не внешнее, но какое-то внутреннее затворничество. Тем более странным могло показаться теперь, что этот покой она искала не на плече любимого мужчины и не в его доме. Возможно, тогда у неё не было уверенности ни в ком и ни в чём, а в первую очередь, в себе.

Эрна, спасая себя работой, научилась многому, о чём раньше не имела представления. Выбирать особенно не приходилось. Чтобы как-то сводить концы с концами, не сидеть на шее у сестры и её мужа, не оставлять свободного времени для тяжких мыслей, она маниакально хваталась за всё, из чего можно было выудить хоть малейший доход, вдобавок приходилось постоянно штудировать французский. Она откладывала деньги, ущемляла себя порой в самом необходимом, чтобы через несколько месяцев снова увидеть счастливый блеск в глазах любимого мужчины.

По мере возможности Эрна постепенно обустроивала своё новое жилище, делая всё сама. В первую очередь, она содрала со стен выцветшие от времени обои, от которых несло старьём и чем-то давно отжившим, как от трухлявого пня, выбросила на мусорку колченогий стул с продавленным сиденьем и другой хлам, который не подлежал восстановлению. Обои, что приглянулись ей в магазине, стоили по меркам её кошелька баснословно дорого, но эта печаль неожиданно и легко разрешилась. Буквально в двух кварталах от дома был «блошинный рынок», который существовал здесь чуть ли не со времен Людовика Шестнадцатого, где Эрна торговалась с одним тучным месье и приобрела по сходной цене три рулона разных обоев, а также мешочек с костным клеем. Она скомпоновала различные по структуре и рисунку

обои таким образом, что комната чудесным образом преобразилась, появились какие-то радостные, озорные нотки в стиле лёгкого импрессионизма. Часть стены, для которой не хватило последнего рулона, Эрна задрапировала куском потёртой материи, вырезанной из видавшего виды кресла. Получилось что-то вроде старинного гобелена. И не беда, что основным сюжетом «гобелена» стала округлая, годами создаваемая чьим-то фактурным задом потёртость. Она побелила мелом потолок и деревянные перекрытия, отскоблила и покрасила полы, заменила рукомойник, выкрасила оконные рамы в бледно-розовый цвет, в унисон своему внутреннему настроению, которое пыталась перенести в осязаемые формы. На том же «блошином рынке» Эрна позволяла себе иногда приобретать какие-то недорогие горшочки, шкатулочки, керамические вазочки, нехитрые бытовые аксессуары и т. д. За окнами в ящиках она высадила цветы и, в сочетании с вечнозелёным плющом, который карабкался вверх по стенам дома, ярко красные и сиреневые соцветия необычайно радовали глаз. Так, понемногу, день за днём у неё формировалось чувство дома, своего угла, непрезентабельной, но по-своему уютной норки, в

которой она чувствовала себя защищённой. Это не было психологическим трюком или самообманом (если не считать психологическим трюком сам факт её отъезда) ибо в то, что следует относить к необдуманым, ошибочным действиям, досадным недоразумениям, впоследствии не вкладывают душу, старание, любовь и фантазию. Это не терпит диссонанса с внутренним ощущением и потому – является истиной.

Даже незначительными приобретениями: какой-то, на первый взгляд, пустяшной мелочью, безделушкой, оригинальной придумкой, ей всё равно безумно хотелось поделиться с Рихардом, пусть и мысленно. Она представляла, рисовала себе картинки, как они где-то ходят вместе, что-то выбирают, примеряют, спорят, ссорятся, соглашаются... Но... проклятое состояние, умноженное на время и неопределённость, охлаждали сознание, словно ледяной струёй из брандспойта. Может быть, поэтому всё чаще и чаще случалось так, что, когда приходила ночь, вместе с тусклым фонарным светом, с глухими шагами редких прохожих или военного патруля за окнами, в её миниатюрную комнату, где ещё слышны были чужие звуки и запахи, где на стенах вдруг оживали и двигались хаотично размытые тени, как духи некогда живших здесь людей, просачивалось одиночество, а следом – досада и злость на саму себя и на роковые обстоятельства. Эти чувства являлись бесцеремонно и так привычно, с такой завидной пунктуальностью, с которой добросовестный клерк ходит по утрам в контору или старая дева выгуливает перед сном свою мальтийскую болонку. Она уже заранее боялась этих ночных терзаний, и неуютные, тревожные предчувствия

накрывали с головой, как только последний солнечный луч покидал парижские улицы. Воображение и память рисовали любимый образ: глаза, каждую знакомую чёрточку на лице, сдержанную, немного грустную улыбку и, обращаясь к этому образу, снова и снова уткнувшись во влажную подушку, она просила прощения.

Эрна определённо знала, что не вернётся жить в Кёнигсберг. Её сознание и душа отторгали от себя этот город, как нечто атрофировавшееся, отжившее в ней навсегда. Случается порой, что именно так, решительно и бесповоротно, рвут всяческую связь с некогда близким человеком. Это решение пришло к ней в её первый визит из Парижа, пришло мгновенно, в самый неожиданный, совершенно неподходящий для этого момент – в ту минуту, когда они с Рихардом говорили о будущем, о своих мечтах, совместных планах. Обнявшись, они сидели возле камина, Эрна вдруг отпрянула испуганно и растерянно, как мышь забилаясь в угол, где зашлась надолго слезами. Испугав не на шутку Рихарда, она так и не смогла объяснить толком того, что с ней произошло. Она слишком хорошо знала, свой стойкий, упрямый характер, понимала, что отыграть назад против воли, переломить себя не получится, и воспротивиться такому решению она не сможет. Она сделала свой выбор. Хотя в голове это решение ещё до конца не угнездилось, но в одну секунду она ощутила весь ужас сложившегося положения. И не только своего... Да, она ничего не обещала Рихарду, но разве от этого становилось проще и легче обоим?

Эрна открыла дверцу буфета, достала из коробки горсть кофейных зёрен и, вращая ручку кофемолки, подошла к письменному столу, на котором покоилась печатная машинка. Стопка вскрытых конвертов и кипа газет были аккуратно разложены в разных концах стола. Один из конвертов был смят, а рядом в таком же состоянии лежало его содержимое. Эрна отставила в сторону кофемолку и развернула скомканную бумагу. Это был отказ какого-то издательского агентства в напечатании новой книги – вежливо-лаконичный и сухой, как лист из гербария, со-державший ссылки на неактуальность темы произведения и отсутствия в настоящее время финансовых и иных возможностей. Эрна грустно улыбнулась. То, что Рихарду удавалось в жизни лучше всего, никому теперь было не нужно и прожить таким ремеслом не представлялось возможным. Немецкий писатель, который не шёл в ногу со временем и чаяниями великого рейха, «не отражал», «не восхвалял» и «не призы-вал», был обречён на забвение, и это

самое безобидное, что с ним могло произойти. Давно прошло время, когда его книги стояли на полках не только кёнигсбергских лавок, но и успешно продавались в магазинах Берлина, что говорило о статусе, востребованности и о сносном доходе. Когда, начиная с марта тридцать третьего года, на площадях немецких

городов запылали «книжные пожарища», Рихард ощутил великий стыд за помешательство великой нации. Как человек относительно известный, он имел неосторожность публично, хотя и в мягкой, завуалированной форме высказаться о своём отношении к происходящему. Плакала бы по нему тюрьма, если бы не высокие связи его младшего брата Дитмара, который, вопреки всякому пониманию со стороны брата старшего, с головой окунулся в национал-социалистическое движение и, благодаря природной хватке и напору, делал заметные успехи в восхождении по партийной лестнице. Рихард отделался тем, что ему пришлось проредить свою домашнюю библиотеку. По настойчивому требованию брата, он удалил с полок всю запрещённую литературу. Правда, на свой страх и риск, припрятал в укромное место роман Ре-марка «На западном фронте без перемен» с дарственной надписью автора. Впоследствии Рихарда практически перестали печатать. Он перебивался тем, что писал статьи и заметки в газеты и журналы на тему истории и культуры народностей, населявших в разное время Самбийский полуостров, и давал частные уроки по истории будущим студентам «Альбертины». Позже он делал попытки получить место преподавателя в этом университете, но по обстоятельствам разного рода это так и не удалось. Скорее всего, университетское начальство осторожно начало и не хотело брать на себя смелость связываться с литератором, имеющим в прошлом «туманные взгляды». Впрочем, Рихарда всё же пригласили в качестве почётного гостя на празднование четырёхсотлетия Альбертины, которое отмечалось 17 августа 1944 года.

Разумеется, теперь, когда в ходе военных событий наметился конкретный перелом, когда русские наступали по всему фронту и вплотную приблизились к границам Европы, официальной прессе нужны были статьи и заметки иного рода, которые бы поднимали дух армии и нации. Над этим трудилось целое полчище направленных в нужное русло корреспондентов и писак. Как-то раз заместитель редактора еже-недельника – старый приятель Рихарда, сделал ему выгодное предложение – написать серию коротких рассказов о героических буднях простых солдат и о том, как их гордые родители, преданные жёны и невесты ждут и верят в неизбежность победы великой Германии. Если бы он подсел на эту жилу, имелся бы шанс снова оказаться на коне и получить некий гонорар. Несколько дней подряд автор произведений, в которых в основном превалировали сказочные и фантастические сюжеты с часто наивным, детским взглядом на мир (недаром Эрна в шутку называла его «правнуком Гофмана»), стучал по клавишам своего «ундervуда». Он извёл уйму писчей бумаги, наполнил доверху пепельницу окурками, но так и не родил ни одной строчки. Его всё время уносило в сторону от заданного направления. В итоге выходило

нечто крамольное, не соответствующее необходимым параметрам и целям, где между строк, описывающих персонажи и сюжетные линии, читалось, что любая война – это битва человечества с собственным разумом. Снова испытывать судьбу было и впрямь неразумно.

Эрна ещё несколько лет назад неоднократно делала осторожные намёки на то, что есть смысл переехать жить в Париж. Просто сбежать туда вдвоём, пока есть возможность. Пока наглухо не закрыты границы и старушку Европу в очередной раз не окутал погребальный саван войны. Там тоже жизнь не сахар, впрочем, как и везде, но всё же иначе. Во многом иначе, чем в стране, народ которой поразила раковая опухоль извращённого самосознания и самовыражения. Теперь имелось достаточно веских оснований жалеть о недосказанности, о страхе открыть правду, всего лишь, об одном решительном шаге, что мог бы изменить всё. И как знать, может, именно там они были бы счастливы, постепенно обретая ту самую «лодку для двоих». Быть

может, там у него откроется новое творческое дыхание, появятся какие-то возможности, связи и наконец-то – забытое и желанное ощущение востребованности. Она делала намёки без особой надежды, ведь то, к чему Эрна стремилась и чего пыталась достичь, было её осознанным выбором, её жизнью, но не его. И, тем не менее, крохотная надежда всё же теплилась в душе, как щепка, за которую она хваталась в потоке безысходности. Впрочем, это было тогда, но не сейчас. В любом случае, время для откровений и последующих действий было упущено. Двадцать пятого августа официально объявили об освобождении Парижа от немецкой оккупации. У неё имелась крыша над головой, работа, её «новая жизнь», но воспользоваться этим самой и разделить с любимым теперь было невозможно.

Когда началась война, немецкие эмигранты и все те, кто являлся обладателем немецкого паспорта, находившиеся на территории Франции, автоматически становились объектом преследования, как граждане враждебного государства. Тогда хватали всех подряд – и тех, кто бежал от нацистского режима, и тех, кто был к нему благосклонен. В любом случае, реальный шанс оказаться в тюрьме лишь по национальной принадлежности был как никогда весомый. В сороковом году, с началом оккупации, ситуация значительно ухудшилась, когда к поискам данного контингента, помимо жандармерии, подключилось гестапо. Кто мог бежать, бежали из Франции в Америку, в Канаду, в Мексику. Остальных депортировали на родину или отправляли в лагерь, в зависимости от субъективной оценки тех, кто оценивал. В своё время Эрне удалось во французском посольстве в Вене заполучить визу. Это случилось в последний год перед войной. Уже тогда начались проблемы с получением разрешения на выезд за пределы Тысячелетнего рейха. В очередной

приезд имелся большой риск остаться на родине в принудительном порядке, а вдобавок – оказаться под пристальным вниманием гестапо. С началом войны у неё была возможность вернуться в Германию. Для этого достаточно было явиться в префектуру и сделать письменное заявление. Хотела ли она этого? Пожалуй, меньше всего на свете, как ни уговаривала себя, какие бы веские аргументы не призывала к своей совести и чувствам. Судьба благоволила. Благоволила в том смысле, что до сих пор никто на неё не настрочил донос. И даже тот факт, что Эрна являлась собственницей квартиры, для репрессивного бюрократического аппарата остался почему-то в тени.

Стремление быть вместе с любимым мужчиной перехлёстывало порой всё. Но что-то внутреннее и сокровенное настойчиво подсаживало – лишь стоит вновь оказаться в Кёнигсберге, начнётся мучительная ломка, которую испытывают зависимые люди при отсутствии морфия или кокаина. Ежедневно, капля за каплей, эта ломка будет высасывать желаемое мироощущение, мечту и травить душу не только ей, но и Рихарду. Капли постепенно превратятся в ручеёк, в стремнину, в водопад... Это станет во сто крат большим испытанием, чем разлука и расстояние. Как бы парадоксально это не выглядело, но инстинкт самосохранения предлагал до поры до времени «быть и любить» на расстоянии, оберегая их связующие нити от приумножения ошибок и взаимных противоречий.

Рихард не мог не чувствовать это нежелание, как и понимал, что попытки удержать и подчинить своей воле не принесут желаемого. Любые разговоры, которые, так или иначе, касались возвращения, Эрна мягко переводила в иное русло. Он просто заставлял себя верить обещаниям.

Рихарду удалось сделать невозможное – разрубить, пусть и на время, гордиев узел, что позволило и дальше им видеться. Для этого пришлось наступить на горло своим принципам и гордости. Однажды он снял телефонную трубку и позвонил брату. Между братьями давно уже возникла взаимная неприязнь, которая, хоть и не переросла в ненависть, но свела на нет всяческое общение. Писателю-пацифисту и идейному нацисту, приближённому к высшим кругам СС, разговаривать было особо не о чем, а неуместные, в данном ракурсе, родственные узы,

заставляли дистанцироваться друг от друга. По телефону он сообщил брату, что хочет встретиться и поговорить лично. В тот момент Рихард живо представил самодовольную ухмылку на лице Дитмара.

Через два дня Рихард уже был в Берлине. Он приехал в шикарный особняк Дитмара вблизи Потсдама, где тот жил с супругой и семилетней белокурой дочерью Урсулой. После сухих приветствий, совмест-

ного завтрака на террасе, ничего незначащих взаимных фраз, вопросов и ответов братья вышли во двор дома, откуда начиналась узкая липовая аллея, ведущая к небольшому пруду, в котором между зарослями кувшинок сновали утки со своим выводком. Дитмар даже не пытался скрыть взгляд, каким смотрел на старшего брата. Взгляд «сверху вниз» – человека, к которому явились просить о чём-то жизненно необходимом, и лишь от его желания и возможностей мог зависеть исход всего дела. Впрочем, именно так это и было на самом деле.

—

Хорошо у тебя здесь, – оглядываясь по сторонам, произнёс Рихард.

—

Хорошо.
Полагаю,
ты
приехал
сюда
не
утками
любоваться.

Что-то случилось, раз ты здесь?

Рихард, лаконично изложил ситуацию и суть проблемы, после чего, озвучил то, в чём именно собирался просить содействия. Дитмар, не перебивая, выслушал всё от начала и до конца. При этом на его лице возникла и застыла гримаса, похожая на брезгливость.

—

Н-н-д-а-а... В своём постоянстве ты неизменен, как и безнадежен.

—

И
в
чём
же?

—

сдерживая
в
себе
волну,
спросил
Рихард.

—

Да, всё в том же. Ладно, оставим. Это всё та же женщина, которая... с которой ты...

—

Да.

—

Ингрид,
кажется.

—

Эрна.

—

Ну
да,
Эрна.

—

В
самом
деле,
она
для
тебя
так
много
значит?

—

Всё. Она значит для меня

—

всё!

—

произнёс Рихард, в упор глядя брату в глаза.

И снова ухмылка, сдобренная неприкрытым сарказмом, проявилась на лице Дитмара.

—

Женщина, которую возносят до самых облаков, сама искусно устраивает

всё
так,
чтобы
оказаться
в
облаках.

А
по
сути,
просто

дурит кому-то голову, выискивая выгоду. Так уж они устроены – эти женщины. Все до
единой, поверь. Всегда и во всём. Хочешь узнать, как обстоит всё на самом деле, лиши жен-
щину на время того, к чему она привыкла,

и

увидишь,
как
скоро
проявится
вся
её
скользящая
сущность

—ногти станут когтями, а изо рта высунется раздвоенный язык. И тогда придёт понимание, что ты – одураченный слепец.

—

Это
однобокое
суждение.
Не
находишь?
Или
суждение
человека, которому
катастрофически
не
везло
в
жизни
с
чувствами.
Хотя
в
твоих словах тоже есть доля правды, но, слава Богу, всего лишь некоторая
её часть.

—

Ты всегда был идеалистом, Рихард. Это твоя главная беда, которая однажды тебя и погубит. А по сути – слепец, как и во многом другом. И это жутко портит тебе жизнь, но ты и этого стараешься не понимать или не замечать. Подумай хорошенько о том, что же нужно ей

от
тебя
на
самом
деле.
Может
быть,
у
неё
есть
умысел

—

посредством тебя
получить
возможность
беспрепятственно
пересекать
границы? А это не может не настораживать. Тебе не кажется? В любом случае, всякая
нормальная
немецкая
женщина
должна

быть
сейчас
здесь

—

вместе со своим народом и со своим мужчиной, если таковой имеется.

—

Мне уже давно ничего не кажется. Если ты способен отбросить на миг мысли о шпионских играх, о заговорах и потенциальных по-кушениях на жизнь фюрера и устои Третьего рейха, то представь себе обычных

людей,
которые
просто
любят
и
живут
друг
другом.

Пусть и не всё у них гладко на сей момент складывается, как того бы хотелось обоим.

Это
же
так
просто,
старо
и
вечно.

А
по
поводу

подозрений и злых умыслов... Человек, который принимает и с благодарностью использует данные ему возможности, не может не осознавать и вероятный тотальный контроль со стороны тех, кто такие возможности предоставляет. Или я не прав? Я могу гарантировать...

—

Ты-то,
как
раз
ничего
не
можешь
гарантировать.

Гарант
из
тебя

—

ноль!
Потому
что,
апеллируешь
не

разумом,
а
чувствами,
поэтому,
даже
не
понимаешь,
о
чём
просишь.
Словно
речь
идёт
о
контрамарке
в
театр.

—

Я никогда тебя ни о чём не просил, Дитмар. И вряд ли когда-нибудь к этому ещё раз прибегну.

—

Знаю. Оттого и жаль, что свои усилия тратишь на всяческую блажь и пустые хлопоты. Когда ты позвонил, у меня, честно признаюсь, промелькнула шальная мысль, мол, а вдруг одумался и решил заскочить

в
последний
вагон,
чтобы
успеть
сделать
хоть
что-то
для
себя и своего будущего. Но, нет... — развёл руками Дитмар.

—

У
нас,
по
счастью,
разные
суждения
и
понимание

настоящего, а с будущим вообще всё сложно. И, слава Господу, что о будущем не дано знать никому.

—

Не обольщайся. Ближайшее будущее, как раз более чем очевидно. И не нужно быть для этого провидцем. Но тебе и таким, как ты, проще избрать путь жертвы, чем признать слабость и неправоту своих домыслов и принципов перед лицом истины.

—

Дитмар, мы сейчас снова лезем в бесполезную риторику. Я уже предвижу заранее, что каждый из нас, помимо личных воззрений, станет призывать на помощь и в свидетели мудрость великих: Сократа, Сенеку, Платона, Библию наконец... В результате: снова ни к чему не придём.

Априори
бесполезно
дискутировать,
когда
обе
стороны
слепо-глухонемые.
Каждый,
возделывая
своё
поле,
при
нём
же
и
останется.

Нас рассудят не здесь и не сейчас. Я, пришёл искать содействия у брата, а не у идейного противника.

—

Вот как!

—

самодовольная ухмылка тенью обозначилась на лице Дитмара.

—

А разве не идейная сторона вопроса нас разводит по углам боксёрского ринга? Вот что, Рихард... Если мы появились на свет из одного

чрева,
это
ещё
недостаточный
повод,
чтобы
потакать
прихотям очарованного
женщиной
кретина!
К
тому
же
не
ты
ли
в
своё

время
сказал,
что
не
хочешь
иметь
никакого
отношения
и
никаких
дел
с
«жадной до крови волчьей стаей?» Твои же слова?

—
От своих слов не отрекаюсь. И горько сожалею о том факте,
что вынужден был сказать их своему родному брату, чьи жизненные идеалы представи-
теля «вышей» расы заставляют его перешагивать через

горы
страданий,
кровь
и
реки
слёз
ни
в
чём
не
повинных
«непол-ноценных»
людей.
Как
и
сожалею
о
многих
других,
обладающих
умом и
образованностью,
кто
однажды
кинулся
в
этот
мутный
поток
и
теперь распространяет вокруг себя зловонную, смертельную инфекцию!

—

Прибереги
свои
писательские
обороты
и
образы
для
тех,
кто

ещё способен ими впечатляться! – резко парировал Дитмар.

По его виду читалось бескомпромиссно, что братское общение тяготит и уже слишком затянулось. Рихард, пренебрегая тем, что находится в роли просителя, неожиданно для самого себя позволил смелый выпад, который неожиданно и помог.

–
Уж
прости,
но
до
сих
пор
загадка
для
меня...
Терзаюсь
мыслью.

–
Какой?

–
А почему, как это нередко принято в вашей стае, ты до сих пор не скормил меня своим идейным соплеменникам из гестапо? Видимо, всё же из соображений, что мы вышли из одного чрева? Я же у тебя как кость в горле, господин оберфюрер! Живёшь с оглядкой. Тебе же лишь пальцем стоит пошевелить и...

–
Хватит! Хватит, чёрт тебя подери!!! – взорвался Дитмар, – Довольно нести
эту
чушь,
Рихард!
То,
о
чём
ты
просишь,
может
обойтись мне очень дорого! И не только мне. Это ты понимаешь?!

–
Понимаю.

–
Ни черта ты не понимаешь! Твоя дамочка

—
тот ещё фрукт, чувствуется. И вообще, неизвестно каким воздухом она дышит, выража-
ясь

фигурально.

В

тебе,

мягко

говоря,

уверенности

тоже

нет.

В

общем, так,

—

отрезал

Дитмар,

подводя

черту

дискуссиям

и

общению

в

целом,

—я тебя понял и просьбу услышал. Сейчас мы возвращаемся в дом, и ты напишешь

все

её

данные.

А

там

посмотрим...

Ничего

не

буду

обещать. Если что, сообщу тебе сам. И ещё ...

—

Дитмар резко повернулся к Рихарду лицом и впился в него жгучим взглядом.

—

Даже если всё получится,

в

чём

я

не

уверен,

то

всё

равно

запомни,

как

молитву

перед
сном:

ты и твоя «Джульетта» – всего лишь пылинки на подоконнике, которые просто смахнут тряпкой при малейших подозрениях в чём-либо. А моё участие в этом будет иметь самый активный характер. Крепко запомни. И давай, пойдём уже обратно, нас ждёт кофе и десерт.

В глаза Рихарда сейчас смотрел не столько его младший брат, сколько оберфюрер СС, что могло и должно было быть воспринято именно так, и никак иначе.

Прошло больше недели, прежде чем в квартире на Харденбергштрассе раздался телефонный звонок, на который Рихард уже особенно и не рассчитывал. Брат в сжатой, деловой форме сообщил, что на указанный в Париже адрес выслано извещение, в котором значится время и адрес, по которому следует Эрне явиться для получения необходимого документа. У Рихарда отлегло от души.

—
Благодарю
тебя,
Дитмар!
Благодарю
от
всего...

—
Не стоит благодарности, – сухо прервал брат, – пересечение не должно случаться чаще, чем три-четыре раза в год. А главное, нужно помнить, что...

—
Я
помню,
Дитмар.
Всё
помню.
Пыль
на
подоконнике,
тряпка и всё такое...

Через короткую паузу в трубке раздалась короткая гудка. Так Эрна стала обладательницей «охранной грамоты».

* * *

Господин Вернер, в отличие, например, от своего брата, был связан крепкими узами с родным городом и его историей. Куда бы он ни уезжал, желание вернуться было неизменным, так как дома он чувствовал себя только здесь, в привычной для него атмосфере и обстановке своей квартиры, доставшейся в наследство от родителей. Как моллюск, который покидает на время свою раковину, он безошибочно находил дорогу назад, в свои родные пенаты, что отнюдь не свидетельствовало о нерешительности, слабости характера или иных комплексах. Нельзя ставить в укор человеку тот факт, что у него от рождения очень большие уши или нос. Так и Рихард не был повинен в том, что не принадлежал к типу «людей-кочевников» или лёгких на подъем, обожающих крутые жизненные повороты. На осторожные послы любимой женщины он, не имея понятия об истинных масштабах проблемы, отвечал то, в чём был искренне уверен. В том, что энер-гетическую связь с этим местом невозможно будет подменить чем-то иным, пусть и более удобным, и приемлемым в настоящий момент. Он чувствовал, что едва ли сможет

прижиться на новом, чужом для него, месте. «Даже ради меня?»: с замиранием сердца однажды спросила

Эрна. Рихард задумался. «Ты так спрашиваешь, словно ставишь меня перед выбором. Или действительно ставишь?» Эрна стушевалась и тут же сменила тему разговора. Перед выбором она поставила его уже давно, а он об этом ещё не знал.

Когда языки пламени в камине стали осторожно облизывать поленья, гостиная мгновенно преобразилась. Эрна нарочно оживила камин, чтобы создать уютную атмосферу и не чувствовать себя одной. Она на минуту опустила в кресло и стала рассеянно смотреть на огонь. Господи, сколько времени они с Рихардом провели здесь вместе, глядя на мерцающие угли, сколько тем и вопросов обсудили, сколько спорили, ссорились, целовались! Какое это было замечательное время! И как теперь нелепо всё... Отчего же так вышло, по каким прихотям судьбы или чего-то там ещё, что они оказались разделены? Обстоятельства. Да какие к чёрту обстоятельства! Их разделила не война, не горе и не болезнь. Внутренние душевные войны, помноженные на эгоизм, порой сильнее; случается, что их разрушительная сила превосходит все внешние воздействия. Эрна практически была уверена – как только она откроет перед любимым все карты, обнажит свою застарелую ложь, то потеряет его навсегда. Чашка с кофе на блюде задрожала в руке. Она в сотысячный раз обратилась к себе с прямым вопросом и получила в очередной раз прямой, непримиримо-жесткий ответ. Нет, она не сможет быть здесь, не сможет вернуться сюда, даже в эту бесконечно дорогую для её памяти квартиру. Существует действительность, а память... Память – это архив. Даже теперь, в этой неразберихе, Эрна упрямо верила в то, что время изменчиво, а потому всё ещё может и должно поменяться к лучшему. Она снова окажется среди того, что было создано её мыслями, старанием и мечтами. Только без Рихарда это возвращение было бы горьким или практически невозможным.

Эрна отвела в сторону взгляд и влажными глазами посмотрела на бронзовую голову какого-то римлянина или грека, что была водружена на дубовой каминной полке. В моменты задумчивости, поиска решения или ответа она всегда прибегала к этому действию, – словно спрашивала совета или просила помощи у этого великого философа, императора, полководца или негодяя. Кто именно был увековечен посредством нескольких килограммов бронзового сплава, она не знала, а спросить об этом Рихарда всё время забывала. Неужели нет никакого выхода? Бронзовая голова смотрела надменно и безмолвствовала в этот раз особенно красноречиво.

Она испытала подлинное блаженство, когда наконец погрузилась в горячую воду – в этот момент небеса, казалось, опустились на землю. Усталость и дискомфорт от дороги и томительного ожидания на вокзале постепенно покидали её тело, уступая место умиротворяю-

щей, убаюкивающей неге. В её парижской квартире не было ванны, точнее говоря, была одна ванна на весь дом, на четыре семьи, которая находилась в цокольном небольшом помещении прямо напротив окна, где то и дело мелькали ноги прохожих или вдруг появлялась любопытствующая физиономия какого-нибудь мальчугана. Для пользования этим благом цивилизации были отведены определённые дни для каждой квартиры. Эрна, пользуясь тем, что живёт одна, позволяла себе роскошь – по целому часу ощущать себя русалкой. Иногда она принимала ванну поздно вечером во внеурочное время, когда жильцы уже отходили ко сну. Это почему-то очень раздражало вдову – мадам Буше, что жила с двумя детьми и старухой матерью в квартире по соседству. Однажды Эрна с чалмой из полотенца на голове поднималась к себе на этаж, и та произнесла с любезной извинкой: «Вы так себя, милочка, до дыр затрёте. Блещете прямо, как бляха на ремне пехотинца у триумфальной арки». Это был прямой недружелюбный посыл в сторону её национальной принадлежности и периодических маршей немецких подразделений на Елисейских полях. К слову сказать, Эрна лишь наполовину была немкой.

Их с сестрой отцом был бельгиец – сумрачного вида крупный мужчина по фамилии Борле, которого они больше побаивались, чем любили. Однажды он просто исчез из их жизни. Куда подевался папаша, девочки не отважились допытываться у матери, и та унесла эту тайну с собой в могилу за несколько лет до начала войны. Правда, после развода Эрна взяла назад свою девичью фамилию. К тому же она намеренно распространила информацию, что родилась и выросла в Эльзасе, что вполне объясняло её акцент. Это сильно выручило после того, как началась война и французская жандармерия открыла «охоту» на немецких эмигрантов.

В отношении соседей, в принципе, повезло. С ними сложился некий паритет. Парижане, впрочем, как и французы в целом, отличались снисходительным восприятием чужеземцев и иноверцев на территории своей республики. Правда, это не помешало им активно и зачастую в совершенно непринудительном порядке сдавать оседлых евреев оккупационным властям, что называется «со всеми потрохами». Она понимала, что «своей» никогда не станет и особо к этому не стремилась, согревая себя надеждой – обзавестись со временем кругом знакомств интересных ей людей.

В подруги ей, не слишком назойливо, навязывалась одна молодая женщина по имени Агнис. Она жила в доме напротив и тоже на втором этаже. Их окна смотрели друг на друга. Агнис, являлась представитель-ницей свободной профессии. Точнее, двух свободных профессий. Днём она плела панно из макраме, которые без особого успеха пыталась продавать на блошином рынке по выходным. А с наступлением вече-

ра, частенько отправлялась в окрестность бульвара Клиши, где иной род деятельности приносил куда более весомые доходы. К её попыткам как-то сблизиться Эрна относилась без какого-либо высокомерия. Скорее, снисходительно. Она видела в Агнис малоприспособленного к жизни человека – простого и обезоруживающе открытого, чья природная доверчивость и простота обходились с ней, порой, довольно жестоко.

Как-то раз, собираясь утром на работу, Эрна выглянула в окно и увидела Агнис. Та шла по улице, еле передвигаясь, какой-то пьяной походкой, с безвольно опущенными руками, рас-трёпанная, в перетяну-том кое-как на поясе плаще, а на её ногах отсутствовали чулки. Эрна сразу заподозрила что-то неладное. Когда женщина подошла ближе к подъезду своего дома, то не осталось сомнений, что с ней, точно, не всё в порядке. Эрна распахнула окно и позвала её. Агнис обернулась, и стало видно, что левая сторона её лица – сплошной кровоподтёк. В тот день Эрна попросила сестру выйти за неё на работу и провела весь день со своей непутёвой приятельницей.

—

Представляешь, этот толстый пьяный боров сначала чуть меня не раздавил, а потом едва не уснул на мне. Я ещё подумала, что вот повезло. Будет дрыхнуть до утра. Какое там! – жаловалась Агнис, прижимая к щеке компресс, смоченный в растворе бадяги. – Часа не прошло, очнулся... сволочь! Будто и не пил. Злой как чёрт! Заставил меня голой влезть на стол, надеть на голову трусы и петь «Марселье-зу».

А
я
виновата,
что
у
меня
от
рождения
ни
голоса

нет,

ни

слуха?! В детстве родители мечтали, чтобы я в церковном хоре пела. Скажи, ну не идиоты?! Я ему всё равно отомстила. Знаешь как? Он ключ от номера в замке оставил и перед тем, как выбежать, я метнула со всей силы зонт в зеркало. Теперь ему за зеркало придётся платить, никуда не денется, гад!

—

Господи!

—

всплеснула

руками

Эрна

—

А

кто

заплатит

за

твоё

разбитое

лицо

и

ушибленную

голову,

в

которой

и

так

с

мозгами

всё

швах?!
—

—

И зачем меня только таким именем назвали,

—

всхлипывала по-терпевшая соседка.

—

А

с

именем-то

что

не

так?
—

—

Агнис

означает

святая,

непорочная.
—

—

Успокойся.

Святая
простота

—

это
как
раз
про
тебя.

Но, Агнис нужно было отдать должное. Был момент, когда она очень помогла. В то время, когда парижская жандармерия особенно тщательно шерстила город в поисках «людей из третьего рейха», Агнис предложила Эрне пожить у неё, пока всё не утихнет. И та, в конце концов, этим воспользовалась.

* * *

Эрна заставила себя вылезти из ванной, когда почувствовала, что ещё немного и попросту уснет в этой чугунной ёмкости. Она слегка покрутилась нагая перед зеркалом, придирчиво разглядывая себя со всех сторон. Влажные каштановые волосы небрежно рассыпались по плечам. Точёная фигурка с годами практически не претерпела изменений, разве что небольшого размера грудь немного потеряла былую форму и упругость. В целом, Эрна осталась довольна собой. Она с великим удовольствием облачилась в свой «дежурный» махровый халат, что всегда висел на крючке рядом с халатом Рихарда.

Ещё какое-то время после отъезда и халат, и ванная комната, и вещи, к которым Эрна прикасалась, хранили тонкий, едва уловимый аромат духов; была иллюзия её повсеместного присутствия, словно, она вышла куда-то и вскоре должна вернуться. Но даже на фоне собственных терзаний она не могла до конца представить, что творилось потом с любимым мужчиной, которому невыносимо тяжело было находиться дома. Особенно мучительна была первая неделя после расставания, когда внезапно попадались на глаза забытые мелочи, скомканный платок или заколка для волос. Ему приходилось бороться с фантомами, если случайный шорох в квартире вдруг создавал обманчивое наваждение, давая повод усомниться в рассудке. А душа его в очередной раз проходила уже знакомый путь — переживала состояние, когда её закрытую, заиндевевшую на короткое время будто бы извлекали из морозильной камеры, заботливо отогревали неподдельной радостью и лаской, мимолётным, призрачным ощущением счастья семейного очага, а затем... вектор обстоятельств снова жестко указывал в сторону морозильной камеры.

«Так, завтра с утра займусь уборкой, — подумала Эрна после того, как провела ладонью по книжной полке, столу и подоконнику. — Хорошо бы ещё окна успеть вымыть, а то скоро и светомаскировка не понадобится». Она ещё какое-то время бродила по квартире, оценивая взглядом хозяйки предстоящий объём работы, а заодно предвкушая момент, когда любимый вернётся в свой преобразившийся холостяцкий чертог. «Завтра. Все дела завтра», — пробормотала Эрна. Она открыла чемодан, достала туалетные принадлежности, нижнее бельё и литровую бутылку кальвадоса. Кальвадос нравился Рихарду, и «сбежавшая невеста» каждый раз старалась привезти с собой пару пузатых бутылок, как и несколько упаковок настоящего кофе. Увы, подавляющему большинству немцев приходилось довольствоваться суррогатом из цикория или желудей, так называемому, эрзац-кофе. Плеснув немного напитка на дно широкого стакана, Эрна «чокнулась» с плюшевым котом

и опрокинула в себя содержимое. Этого дымчатого зверюгу с хитрой ухмылкой и шикарными усищами из конского волоса Рихард подарил ей в первый год их знакомства. Он купил

его по случаю на ярмарке в Берлине. Долго выбирал и вглядывался пристально в выражение игрушечной мордашки.

—
Берите
и
не
сомневайтесь,

—
сказала
ему
тогда
молоденькая
продавщица.

—
Шикарный кот. Даю слово, что понравится вашей дочери!

—
Дочери?

—
А
вы
разве
не
дочери
покупаете?

—
Нет, но... тоже очень хорошей девочке,

—
произнёс Рихард, чувствуя, как его наполняет внутри что-то озорное и теплое.

На тот момент Эрна не могла забрать подарок к себе домой, дабы избежать ненужных вопросов о его происхождении. Так, кот и обрёл своё законное место в углу дивана напротив камина. Было ощущение, что кот, наравне с хозяином квартиры, тоже ждал и радовался её новому появлению.

Ни в силах более сопротивляться усталости, Эрна свернулась кала-чиком на кожаном диванчике, накрылась пледом, положила под голову любимого плюшевого кота и отключилась.

Она проснулась в восьмом часу вечера. Угли в камине давно потухли, но очаг ещё продолжал отдавать тепло. В беспорядочных обрывках её сна мелькали пейзажи за окнами вагона, населённые пункты и станции, чудился монотонный перестук колес. Оттого Эрна не сразу поняла, где находится. В комнате с плотно задёрнутыми гардинами было сумрачно и необыкновенно тихо, только массивный часовой маятник без устали пересчитывал минуты. Эрна по-кошачьи выгнулась и, сладко зевая, потянулась под пледом. Только теперь она поняла, насколько голодна. Терпеть такое положение вещей было решительно невозможно. Она быстро привела себя в порядок, поправила макияж, вынула из коробки любимую шляпку и вскоре вышла из дома.

На улице было свежо, впрочем, дождя вроде бы не ожидалось. Пожалуй, Эрна была несколько легко одета, но ей хотелось эффектно продефилировать до места назначения. И, раз уж так сегодня по-дурацки всё сложилось, что некуда спешить, то пусть встречаются на пути знакомые. Так и быть, она готова всем любопытствующим дать питательную среду для новостей, слухов и сплетен о себе, лишь бы каким-то образом скрасить, ускорить время вынужденного одиночества. Для этой цели маршрут намеренно был выбран витиеватый. Она не спеша

прошла по Хаммервег, свернула на Бузольт-штрассе¹⁶ и в конце концов оказалась на Хаген-штрассе¹⁷. Но, как назло, среди немногочисленных прохожих

¹⁶ ул. Ермака

¹⁷ ул. Карла Маркса

так и не мелькнуло знакомое лицо. И, тем не менее, даже перед самой собой хотелось выглядеть яркой загадочной и слегка надменной. Как ни крути, но несколько лет столичной жизни давали некую женскую привилегию – казаться (именно казаться) уже не той, какой была она прежде. Эрна держала путь в один небольшой уютный кабачок, который они с Рихардом когда-то давно облюбовали как тихое, не изобилующее публикой место вдали от центра города. Кабачок находился в районе Штегеманн-штрассе¹⁸ в цокольном помещении трехэтажного дома и назывался «Ковчег». Простая, подчеркнута непритязательная обстановка с лихвой компенсировалась радушием хозяев и потрясающим наваристым флэком, чей аромат можно было услышать чуть ли не за целый квартал. Воистину виват тому, кто придумал говяжий и свиной рубец превращать в это незатейливое сытное демократичное, по сути своей, яство! Именно этот, приятно будоражащий воображение аромат вперемешку с запахом пива и табачного дыма, призывно влетел в ноздри, как только Эрна потянула на себя массивную дверь. Очень знакомо, как привет из прошлого, негромко звякнул дверной колокольчик. Внутри было, как всегда, немногочленно; пожилая пара в самом углу зала, два человека возле стойки и трое солдат, облюбовавших столик возле окна, которые моментально прекратили свою оживлённую беседу и разом усталились, словно стадо коров, на вошедшую «дамочку с шармом». Хозяин – пожилой габаритный человек находился за стойкой и сосредоточенно проти-рал полотенцем пивные бокалы.

—

Добрый вечер, Клаус, – произнесла Эрна, приближаясь к нему. Тот оторвался от своего важного занятия и поверх круглых очков,

которые смотрелись на его широком рыхлом лице подобием стекляшек величиной с пуговицу, глянул на посетительницу.

—

Ба-а-а!

Пусть

лопнут

мои

глаза,

если

это

не

вы,

Эрна!

—

Это

я.

И

очень

рада

вас

видеть.

—

А-а-а-а, — широко улыбаясь, протянул хозяин. — Мне-то как радостно,
что

не

забыли

дорогу

к

старiku

Клаусу!

Давненько...

давненько не видно вас было. И господин Вернер теперь редкий гость. Да, что говорить...
всё

теперь

изменилось,

—

в

его

голосе

прозвучали

грустные

нотки.

—

Как

поживаете

Клаус?

Как

Роз-Мари?

Мужчина неопределённо пожал плечами и посмотрел на Эрну так, словно она спросила
о чём-то таком, что давно было известно всему свету, и покачал головой.

—

Моя голубка покинула меня три месяца назад. Да. Такие дела... Даже во время войны
человек имеет право умереть своей смертью. Чёрт бы их всех побрал...

¹⁸ ул. Чернышевского

Лицо хозяина моментально осунулось, и он часто заморгал, как удивлённый или испу-
ганный ребёнок.

Эрна невольно прижала ладонь к груди.

—

Господи! Простите. Мне очень жаль Клаус, очень жаль... Про-
стите.

Она сразу представила себе жену хозяина — бойкую долговязую женщину, которая редко
улыбалась и много работала, вращалась как белка в колесе между кухней и залом. Она сильно
сдала за последний год после того, как пришло известие о гибели единственного сына на
восточном фронте. Завсегдатаи заведения собрали тогда для этой четы посильную помощь.

—

Что предложить вам, Эрна? Флек

¹⁹

сегодня только из свиного рубца, с говядиной сейчас туго. Надеюсь, вы ещё не совсем успели пристраститься к лягушачьим лапкам в белом вине и не забыли вкус настоящей еды?

Старина Клаус был в курсе миграционных фортелей этой милой женщины.

—

Дорогой мой, — искренне улыбнулась Эрна, — я здесь — и этим всё сказано. А лягушек я пойду ловить сачком завтра утром на Цвиллингсзее

20

.

Откровенно говоря, настроение визитёрши немного подпортилось, ведь и этот кабачок, и эти простые, гостеприимные люди являлись частью её воспоминаний о прошедших временах. Впрочем, она явилась сюда не только ностальгировать, но и подкрепиться.

—

Да,

—

задумчиво
произнесла
Эрна,

—

ещё,
пожалуй,
клопсы

21

с вашим чудным соусом и пиво. Как же вы теперь со всем управля-
етесь?

«Паула! — крикнул хозяин в открытую дверь, и вскоре из проёма показалась голова, а затем половина туловища девушки. — Флек и клопсы!»

—

Племянница... Теперь мы вместе управляемся со всем этим хозяйством, — пояснил Клаус. — Без неё мне никак. Хорошая девочка, расторопная,

только
болтает
чересчур
много
с
посетителями,
особенно с
молодыми
офицерами.

Глаз

да

глаз.

На

мне

пригляд

и

вся

ответственность. Из чего соткана эта жизнь, Эрна? Куда всё катится?! И за что мне всё это наказание, можете вы мне объяснить?

¹⁹ Кёнигсбергский флек – это восточно-прусское горячее блюдо, густой суп из говяжьего рубца с картофелем, морковью, маринованными огурцами и зеленью

²⁰ Озеро «Поплавок» или «Хлебное озеро», перекрёсток улиц Каштановая аллея, проспект Мира и улица Энгельса

²¹ Кёнигсбергские клопсы – это мясное блюдо в виде небольших тефтелек, политых белым соусом с добавлением каперсов

Эрна огляделась по сторонам. Их с Рихардом любимый столик в самом тёмном, наименее просматриваемом закутке зала, был занят пожилой парой, отчего она ревниво бросила туда недовольный взгляд. Хозяин наполнил светлым «остмарком» бокал и поставил перед ней, как только было выбрано место.

–

Приятного
аппетита!

–

Спасибо
Клаус.

А

давно,

вы

говорите,

видели

Рихарда?

Эрна сама не поняла, зачем озвучила этот вопрос. Что-то необъяснимое словно подтолкнуло её в бок. Хозяин приподнял кустистые брови, напрягая память.

–

Точно не скажу, кажется, недели две назад, может, больше. Он заходил с одной... – владеец кабачка споткнулся на полуслове и тут же крикнул в сторону кухонной двери:

–

Паула, ну, сколько можно возиться?! Неси же флек!

Кровь, насыщенная пузырьками ревности, на мгновение ударила в голову. Лицо Эрны покраснело, что в полумраке заведения всё равно осталось никем незамеченным. Тем не менее, она быстро овладела собой, порывшись в сумочке, вынула из пачки тонкую сигарету, вставила в янтарный мундштук и безуспешно несколько раз прокрутила колесико зажигалки. Неожиданно перед её лицом вспыхнул фитиль. «Прошу», – с любезной улыбкой протянул ей огниво заправившийся пивом ефрейтор. Для полного счастья ей не хватало сейчас только любезно-забоченных юнцов! «Благодарю», – процедила Эрна с интонацией, которая ставила в известность, что следующий подход к ней будет сродни расстрелу из спаренного зенитного орудия, и ефрейтор тут же ретировался.

«Сколько в этот раз меня не было... около шести месяцев? И, что же ты хочешь, моя дорогая? – выпуская в потолок облачко дыма, спросила себя беглянка. – Ты возомнила себе, что из-за твоих амбиций и душевных вывертов нормальный здоровый мужчина должен теперь по утрам сыпать на голову пепел и хоронить себя заживо? «Он заходил с одной... Очень мило! Как он смел приводить именно сюда какую-то...!? Наверное, ты фатальная идеалистка. Нет, бери выше – законченная эгоистка и полная дура!» – изводила себя Эрна.

В тот момент, когда столь категорическим выпадом Эрны прервала беседу с собой, ей внезапно привиделось, как из дубового шкафа возле барной стойки, где хранилась посуда, вывалился скелет и грохнулся костями о пол, да так громко, что все присутствующие, включая

хозяина, вздрогнули и разом обратили на неё любопытствующий взор. У каждого есть или непременно ещё будет в жизни минута, поступок, а может, и целый период, о котором отчаянно не хочется вспоминать. Отрицать подобное утверждение вправе только святые люди, а именно – младенцы и иногда умалишённые.

Эрна тщетно старалась забыть один мимолетный фрагмент своей парижской жизни – ту минутную слабость, наваждение, за которое настойчиво продолжала грызть себя вместе с жалкими попытками найти оправдание в собственных глазах. Как итог: периодически возникал шкаф со скрипучей дверцей, откуда то и дело с блаженной улыбкой

«Весёлого Роджера» показывалась некая психологическая сущность, как напоминание о случившемся, а попытки затолкать это обратно неизменно огорчали несостоятельностью таких устремлений. Безумно хотелось вычеркнуть из памяти канун Рождества, тот промозглый вечер, когда, закончив дела в лавке, она торопливым шагом приближалась к своему дому; как вдруг с противоположной стороны улицы её окликнул капитан люфтваффе, который, по всей вероятности, заблудился в узких тёмных переулках. Лицо офицера расплылось в широкой удивлённой улыбке, когда на свои потуги объяснить на ломаном французском, получил исчерпывающий ответ на родном языке. Разговорились. Беседа завязалась как-то сама собой легко и непринуждённо, в ходе которой выяснилась даже такая деталь, что в детстве несколько лет подряд его на месяц-другой родители привозили к бабушке в Лабиау²² на берег Куршского залива.

Надо сказать, что лётчик буквально с первой минуты произвёл впечатление как внешнее, так и манерой изъясняться с не наигранным любезным достоинством. Высокий брюнет с чертами лица, словно вырезанными рукой античного мастера, волевой подбородок с небольшой ямочкой, пронизательный, слегка насмешливый взгляд и подогнанная идеально к ладной фигуре офицерская форма. Подобный типаж, как правило, не оставляет женщинам шанса на равнодушие. Он, словно фотография из глянцевого журнала, нечаянно выпал на мостовую из рук проходящей мимо модистки, как роковая случайность или намеренная провокация со стороны потерянных жизненных ориентиров. Дом – работа, работа – дом, переживания, ночные страхи и отчуждённость. Эрна почувствовала, что хочет воспротивиться привычной тяжести своих мыслей и душевной неразберихе хоть на минуту. Курт (так звали её нового знакомого) рассказал, что их полк срочно перебрасывают на восток и, скорее всего, это его последний вечер в Париже.

–
Никто
не
знает,
что
будет
с
нами
завтра,
–
произнёс
капитан.
–

Не хочется думать о плохом, но... Одним словом, будет чертовски жаль, если больше не представится иной возможности пригласить на ужин красивую женщину.

Эрна на секунду вспыхнула, как свеча, но сделала вид, что не поняла и пропустила мимо ушей недвусмысленный намёк.

²² г. Полесск

—

Было
очень
приятно
с
вами
пообщаться,
Курт.
Всего
вам

доброе и берегите себя. А до Монмартра вам идти примерно минут двадцать-двадцать пять в ту сторону.

Эрна указала рукой на улицу, которая должна была служить ориентиром. А чтобы подчеркнуть свою строгость, добавила с некоторой язвинкой:

—

До
площади
Пигаль
и
бульвара
Клиши
будет
ещё
ближе,
но
идти нужно чуть левее.

Теперь, определённое смущение появилось на лице капитана.

—

Вы
не
так
поняли
меня.
Я
только...

—

Курт,
я
уже
очень
взрослая
девочка,
к
сожалению.
И
вполне

могу представить естественные желания полноценного мужчины в его последний вечер в Париже, которому завтра предстоит отправиться в самое пекло.

—

И, для которого, это могут быть последние светлые прижизненные воспоминания

перед

тем,

как

его

горящий

самолет

воткнётся

в

землю

где-то

в

России.

Я

прошу

вас,

Эрна,

просто

поужинать

со

мной. И никто никому ничем не обязан.

—

Да

вы

прямо

на

жалость

бьёте.

—

Скорее,

на

понимание.

Они на такси добрались до центра, где шикарный ресторан

«Монпарнас» на несколько часов приютил их, окунув в свою изысканную атмосферу с не менее изысканной кухней. В подобном заведении за всё время своей столичной жизни Эрна никогда не была по той банальной причине, что не могла себе этого позволить, а чьи-либо приглашения отвергала сразу, хотя ей и казалось приятным, что такие предложения время от времени поступают. Она никому не хотела давать повода и обнадёживать возможностью продолжить общение.

В какой-то момент оба почувствовали, как исчезают условности и барьеры. Неожиданно сработал эффект «случайного попутчика в купе», которого никогда, скорее всего, больше не встретишь, но перед кем можно вытряхнуть из души, как из пыльного мешка всё, что порой и близкому человеку не расскажешь. Ненамеренно, но так и произошло – нечто схожее с взаимной исповедью под ненавязчивую музыку, устриц, касуле и чудное «шато». Пару раз они танцевали. Эрна даже не могла припомнить, когда танцевала последний раз.

Холодная рябь Сены дробила отблески тусклых фонарей. Над раскрытыми куполами зонтов хныкал мелкий дождь, больше напоми-навший водяную пыль, а сырой ветер забирался под складки одежды, усиливая неуютную, затянувшуюся паузу; тот момент, когда всё уже сказано, и говорить больше не о чём.

—

Знаешь,
мне
кажется,
что
я
сегодня
заблудился
не
случайно. Я
даже

в
этом
больше,
чем
уверен.
Может
быть,
только
для
того,
чтобы
в
этом
чудесном
городе
встретить
тебя.

И
пусть
вот
так,
спонтанно
и
все

го на один вечер. Зато какой... Наверное, этому суждено было случиться,
как ты думаешь?

В ответ женщина неопределённо повела плечами.

—

Я думаю... мне пора,

—

глядя куда-то в сторону, сказала Эрна.

—Спасибо тебе большое за всё. Было очень...

В этот момент Курт взял её руку и нежно сжал ладонь.

Утром всё выглядело и ощущалось совсем иначе. Эрна проснулась чуть свет. Стараясь не издать ни малейшего шума, выскользнула из постели; так же тихо оделась, бросила мимолётный взгляд на спящего лётчика и, крадучись, словно воровка, покинула номер отеля. В тот же день, сославшись на недомогание, она не пошла в лавку, закрылась дома, чтобы в одиночестве и тишине попытаться не съесть себя заживо и принять всё как есть.

Наконец подали флек. Паула, выпорхнув из недр кухни, вынесла на подносе приборы, маленькую плетёную корзинку с пресными булочками и дымящийся глиняный горшочек. Пару минут посетительница отрешённо ковыряла в нём ложкой. Взгляд её устремился куда-то на самое дно посуды, как во чрево океанской впадины. Со стороны это выглядело так, будто бы она пытается извлечь из блюда попавшую туда муху. Чувство голода как-то само собой отошло на задний план. Неожиданно подкралась мысль о том, что может, зря она приехала сюда со своими сюрпризами, покаяниями и последними надеждами? Может это никому уже и не нужно? Особенно комично и жутко теперь осознание того, что пути назад нет, как в психологическом, так и в физическом смысле. Пусть... Пусть даже так. И, что с того? Да, чёрт с ним со всем! Рихард, видимо, вернётся дня через два-три; она дождётся его, а там... будь, как будет. Как ещё прожить эти два-три дня наедине с собой? Но, как говорится, лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас. В конце концов у всякой неопределённости должны быть вполне определённые сроки и пределы.

—

Что-то не так? — неожиданно раздался голос, на который Эрна не сразу среагировала, а когда подняла голову, увидела, что перед ней с обеспокоенным видом стоит хозяин заведения.

—

Нет,
нет,
всё
прекрасно,
Клаус.
Очень
вкусно...
как
всегда.

—

Но,
вы
даже
не
попробовали.

С

вами
всё
в
порядке?

—

Да,
—
с
виноватой
улыбкой
пробормотала

Эрна

—

Просто

немного устала. Наверное, ещё никак не отойду от долгой дороги.

Спустя четверть часа, опустошив горшочек с флеком, допив пиво, Эрна покинула любимый кабачок. Клаус провожал её радушно, но вы-

глядел несколько разочарованным. Может быть, он расстроился, что давнишняя знакомая так и не притронулась к клопсам, а может, ещё больше утвердился в мысли, что всё действительно изменилось в этой жизни и не в лучшую сторону. На прощание хозяин заведения, вручая свёрток из пищевой бумаги с клопами, поинтересовался, мол, не жалко ли ей было покидать Париж насовсем? В ответ Эрна неопределённо пожала плечами, отводя в сторону глаза, словно отворачиваясь от неуместного, неуютного вопроса, на который сама не могла вразумительно дать ответ.

Домой идти не очень хотелось, тем не менее, она задумчиво и неторопливо брела в сторону Харденбергштрассе. Сумерки сгущались, становилось прохладно. Ей подумалось о том, что в Париже в это время фонари уже освещают улицы и бульвары. Кёнигсберг как город, находящийся на военном положении, постепенно погружался во мрак. Улицы и дома казались серыми и безжизненными. Город становился похожим на муравейник, обитатели которого, после захода солнца старательно закупорили все входы и выходы. И лишь там, где светомаскировка недостаточно плотно прилегала к окнам, пробивались тонкие полоски света как доказательство того, что за этим искусственным затемнением продолжается обычная жизнь.

Внезапный нарастающий протяжный звук в клочья разорвал вечернюю тишину и кажущееся спокойствие. Сирены воздушной тревоги одна за другой завывали в разных частях города, сливаясь многоголосьем в единый жутковатый хор. В ту же минуту на небе появились движущиеся световые пятна. Десятки прожекторов ощупывали воздушное пространство над городом. От неожиданности у Эрны на мгновение перехватило дыхание, сердце ёкнуло и учащённо забилося. Она, конечно же, знала, где находится бомбоубежище рядом с домом Рихарда – буквально через дорогу возле остановки «Луизенваль», но бежать до него было далековато, да и оценить вот так сходу, насколько велика и реальна опасность, не представлялось возможным. На минуту ею овладели растерянность и паника, как будто она нежданно-негаданно оказалась на поляне в ночном лесу, окружённая со всех сторон волчьей стаей. Тем удивительнее было наблюдать, как пара – мужчина и женщина вполне обыденно и спокойно идут в противоположном направлении по другой стороне улицы. Эрна поддалась естественному порыву и кинулась через дорогу. От них она узнала, что воздушную тревогу последнее время объявляют по несколько раз за сутки, особенно в вечерние и ночные часы, многие стали относиться к этому, как гипертрофированному проявлению бдительности. И действительно, самолёты, приближаясь к Кёнигсбергу, всякий раз огибали его стороной и несли свой страшный груз дальше на запад. Парочка оказалась любезной и словоохот-

ливой. Эрну спросили: не нужно ли чем-нибудь помочь, далеко ли ей добираться до места, а заодно поинтересовались, откуда она приехала.

«Неужели я действительно так изменилась, что за «свою» меня больше не принимают?» – подумала Эрна.

«Да-а-а, – протянул мужчина, – нервишки порой щекочет эта ночная симфония, но... Нас, Бог даст, это не коснётся. У «этих» сейчас другие задачи, – незнакомец неопределённо махнул рукой куда-то в сторону, где, по его мнению, очевидно должен был находиться Берлин. – Слышали новость? Англичане уже в Париже хозяйничают».

Заметно успокоившись, но, тем не менее, ускоренным шагом Эрна добралась до дома. К тому времени прекратился и мерзкий вой сирен. Её основательно знобило от прохладного вечера и внезапных переживаний. Пришлось повторить всё заново: камин, кофе, кальвадос. Две неуёмные, когтистые сущности – тревога и одиночество назойливо продолжали царапать душу. Снова захлестнула досада, хотелось капризничать и топтать ногами. Она неосознанно злилась на Рихарда и на его дядю из Кобленца, которому так не вовремя приспичило отойти в мир иной. Вот бы сейчас просто уткнуться лицом в любимое плечо, почувствовать себя маленькой и защищённой от всего и от всех! Ладно, завтра она найдёт, чем занять руки и голову, а сейчас необходимо заставить себя уснуть. Эрна зашла в спальню, включила ночник. Раздевшись, не сразу легла в постель, а досконально, как ищейка, обнюхала подушки и пододеяльник с целью обнаружения всё тех же следов чужого присутствия. Когда таковых обнаружить не удалось, от сердца в очередной раз отлегло. Она нырнула под одеяло, немного поворочалась, прижалась мысленно к любимому мужчине и закрыла глаза.

Было уже за полночь, когда в спальню ворвались уже знакомые завывания сирен воздушной тревоги. Эрна приподнялась на локте и машинально, не открывая глаз, нащупала клавишу выключателя. Затор-моженное, полусонное состояние упорно не торопилось покинуть её. И это состояние тут же нашло лазейку. Она припомнила встречу с парой накануне вечером по пути домой, от которой невольно почерпнула определённую долю самонадеянности. «Так, всё... никакой паники! Всё будет хорошо!» – убедительно заявила она самой себе и, не выключая бра, снова припала к подушке, накрывшись с головой одеялом. Вой сирен не прекращался. Оттого, что это длилось уже нестерпи-

мо долго, по спине волнами бежал холодок. Вскоре от сонливости не осталось и следа, теперь доминировала всё нарастающая тревога. Эти минуты ей приходилось переживать в одиночестве, в пустой квартире, в городе, притаившемся за чёрными шторами. Липкое, навязчивое предчувствие чего-то страшного и «без трёх минут» свершившегося,

овладевало стремительно, вытаскивая из глубины души и сознания животный страх. Эрна на секунду закрыла глаза и представила, как представляла когда-то в детстве в минуты неуверенности или страха, что сейчас распахнётся дверь и явится перед ней некто большой и сильный, кто в два счёта всё исправит, всё решит и спасёт.

Грёзы о сильном сказочном рыцаре разлетелись осколками вместе с первым, упавшим на город фугасом. Летающая армада, состоящая почти из двух сотен бомбардировщиков, принялась утюжить восточную часть Кёнигсберга. Вера и надежда во «всё хорошее» улетучилась быстрее, чем Эрна успела об этом подумать. В мгновение ока она слетела со своего уютного ложа, как потревоженная курица с насеста. Никогда ещё не приходилось ей с такой скоростью облачаться в одежду, словно солдат, поднятый по команде «в ружьё!». «Рихард, где же ты, Рихард!?» – всё время повторяла она про себя как мантру.

На разном удалении постоянно слышались глухие разрывы бомб. Стёкла окон дребезжали, им вторила посуда в буфете. Внезапно погасло бра, затем, свет появился вновь. Эрна схватила сумочку, в которой были документы и деньги, и быстро сбежала вниз по лестнице, едва не подвернув на ступеньке ногу. Она распахнула входную дверь и оказалась на площадке перед крыльцом. Теперь грохот бомбёжки был слышен отчетливой. Эхо взрывов металось в лабиринте тёмных улиц, билось волнами о стены домов, точно в поисках выхода, а затем стремительно взмывало вверх, где небо озаряли вспышки, а лучи прожекторов сходились и расходились вновь. Неподалёку мелькнули чьи-то тени, послышался топот ног. В отблеске зарева на короткое время стало видно, как несколько человек с такой же запоздалой реакцией на опасность или опрометчивой надеждой что пронесёт, бежали в панике к убежищу. Эрна непроизвольно рванулась за ними, но не смогла даже сдвинуться с места. Бронзовая львиная лапа дверной ручки намертво впилась, словно когтями, в руку. Женщина с такой силой стиснула её

ладонью, как будто боялась сорваться со ступенек во внезапно открывшуюся перед ней бездну. Тело не подчинялось воле разума, а страх оторваться от места, где она психологически ощущала себя в большей безопасности, чем где-либо, и шагнуть в грохочущую взрывами темноту, оказался сильнее всего на свете. Она застыла в оцепенении, точно на границе, разделяющей две реальности, два мира. Из этого ступора её вывел мощный взрыв, который прозвучал, как показалось, совсем неподалёку. Эрна тут же юркнула назад в квартиру, с силой захлопнула за собой дверь, машинально заперла её на все замки и даже на дверную цепочку. Но, если бы падающие с неба фугасы можно было просто не пустить к себе в дом, как непрошеного ночного визитёра, закрывшись на все замки и засовы!

Эрна нащупала клавишу выключателя и несколько раз безуспешно попыталась включить свет; пошарила в темноте и обнаружила на полке под лестницей, рядом с узкой дверью, ведущей в подвал, карманный фонарик. Луч скользнул вниз по ступенькам. В иной ситуации она ни за что не полезла бы в тёмное подземелье, да ещё одна из-за опасения увидеть мышь или, не дай Бог, наткнуться на страшного зверя под названием крыса. Но теперь это всё не имело значения. Там, наверху, поблизости сейчас рвались бомбы, рушились здания, гибли люди.

Она впервые оказалась в этом помещении, впрочем, особой необходимости бывать здесь раньше тоже не было. Эрна просто знала, что подвал существует, что из его недр по особым случаям и датам Рихард извлекал покрытые пылью бутылки с коллекционным вином. Эту коллекцию много лет собирал его отец. Сын не стал последователем отцовского увлечения, видя в коллекционировании книг и редких изданий куда больший смысл. Поэтому использовал благородные напитки по их прямому назначению, но сугубо в исключительных случаях. Эрна не могла знать, что исключительные случаи в последнее время стали происходить чаще, чем того бы хотелось владельцу сокровищ Бахуса. Когда в материальном плане Рихарду становилось совсем туго, а финансовой подпитки ждать было неоткуда, он, с чувством стыдливой неловкости, доставал со стеллажей одну-две бутылки, клал в портфель и направлялся в «Блютгерихт»²³. После этого несколько дней избегал смотреть на портрет отца, который висел в гостиной рядом с портретом матери, из опасения уловить нотки порицания в отеческом взгляде.

«Блютгерихт» – знаменитый винный погреб, что располагался в самой старой части северного крыла Королевского замка – в том самом месте, где во времена инквизиции была тюрьма с пыточными камерами и всеми сопутствующими атрибутами. Торговаться Рихард не умел, считая это дело для себя постыдным и, как правило, соглашался на ту сумму, которую предлагали, тем паче, что о предмете торга он имел весьма дилетантское представление. Как-то раз один из совладельцев

«намоленного» погреба, оценивая профессиональным взглядом бутылку «Ле Корню», сказал: «Не берусь утверждать, но мне кажется, что главные ваши козыри ещё находятся в колоде». У Рихарда имелись подозрения, основанные ещё на детских воспоминаниях, что эти козыри под слоем пыли покоятся на отдельно стоящем стеллаже в самом углу подвала, куда отец запрещал всем домочадцам даже приближаться.

И без того неяркий свет карманного фонаря постепенно тускнел; старые батарейки были на последнем издыхании. Эрна забилась в узкое пространство между стеллажом и плательным шкафом, впечатала себя в стену, от которой помимо холода шла лёгкая вибрация, как при

²³ «Кровавый суд»

землетрясении. Какие к чёрту мыши?! Едва ли нашёлся бы в эти страшные минуты человек, который не почувствовал себя загнанным в угол, перепуганным до смерти! Милая, уютная квартирка в тихом квартале Парижа, с бледно-розовыми ставнями и цветами на подоконниках, возникла перед глазами внезапно, как нечто волшебное, веющее теплом и спокойствием. Безмерно далёким и нереальным выглядело теперь всё это в каменном мешке подвала! Душевные

эмоции и мысли, гудев-шие осиным роем, противостояли друг другу, как мощные, но разные по своей природе стихии. «Зачем? Для чего ты здесь?», – вопрошал здравый смысл. «Ты же заранее знала, что ничего хорошего из этой затеи не получится, что всё, так или иначе, выйдет скверно! Все тебе твердили об этом!» «А как? По-другому как?! Я должна...», – упрямо стоял на своем порыв.

Фонарик окончательно погас в тот момент, когда снаружи всё стихло. Для тех, кто бомбит и для тех, кого бомбят, ход времени не одинаков. Это разные измерения для одних и тех же человеческих существ. Чуть менее десяти минут хватило на то, чтобы отнять жизнь у тысячи мирных жителей и десятки тысяч оставить без крова и надежды в ближайшем будущем обрести его вновь.

Во внезапно наступившей тишине не было привычных ассоциаций и созвучий, присущих этому состоянию. Зато в избытке смешались тревога, страх и осознание беды, которую глазами ещё не довелось увидеть, но в чём не было ни малейшего повода сомневаться. Воображение безжалостно рисовало клубы едкого дыма, висевшую пыль над рухнувшими зданиями, ужас в глазах, стоны раненых и в довершение – растерянню мечущиеся души тех, кто был жив ещё несколько минут назад.

Эрна не знала, сколько времени она просидела вот так, обхватив руками колени. Кирпичная стена всасывала в себя тепло её тела, отчего стало ныть в пояснице. Враждебные звуки больше не носились над городом, как трубный глас апокалиптических потрясений. Но вдруг куда более мирный звук, а точнее, шорох и характерный писк в непосредственной близости от её ног оказался не менее впечатляющим. Женщину словно подбросило. В крошечной тьме она ринулась в направлении выхода, больно ударилась локтем о какой-то предмет. Что-то звякнуло и через мгновение разбилось о бетонный пол.

Магическое свойство камина – одновременно производить свет и тепло постепенно делали своё дело. Тем более что в нынешней ситуации источником света могли быть только тлеющие угли и зажжённые свечи. Пока человеку доступна эта бытовая ипостась, он чувствует себя защищённым, даже несмотря на то, что где-то в непосредственной близости творится чёрт-те что. Человеческое существо хватается за эту иллюзию, самообман в надежде, что ему или тем, кто бесконечно ему

дорог, не придётся переступить грань между личным благополучием и общей бедой.

Бокал с кальвадосом дрожал в руке. Так сложилось, что порхающий мотылёк на конце фитиля всегда незримо сопровождал в этом доме романтике, душевному теплу и тихой радости. Истинная, непо-казная радость, по своей природе тиха, немногочудна, немногословна и так же тихо входит босиком на кончиках пальцев к тем, кто способен это услышать и распознать. Теперь же сбегаящие вниз капли воска и мерцающие отблески в зеркалах будто аккомпанировали реквиему. Что она могла сейчас сделать? Чем помочь себе и остальным?

Видимо, Эрна задремала незаметно для себя, а когда очнулась, то увидела, что из спальни льётся мягкий свет от ночника. Восстановили подачу электричества. Ну, хоть какое-то радостное событие. Часы показывали почти три часа ночи. Она торопливо поднялась с дивана, откинув в сторону плед. Подошла к резной дубовой консоли в углу комнаты, на которой покоился телефонный аппарат. Из трубки доносился мерный гудок. «Живой» телефонный гудок, такой обыденный и доступный прозвучал как нечто ободряющее в сложившихся условиях. Она какое-то время вслушивалась в этот монотонный звук, пока её не осенила мысль о том, что с большой вероятностью Рихард мог оставить соседке номер телефона дяди в Кобленце, на всякий случай. Господи! Ну, почему эта простая, логичная мысль не достучалась до неё днём?! Конечно же, так и должно быть!

Она торопливо выдернула из подсвечника оплавленную свечу, спустилась вниз по лестнице, прошла через переднюю, отперла входную дверь и снова очутилась на улице.

«Как же её...? Вот же, дьявол...» – огибая угол дома, пыталась вспомнить Эрна имя пожилой женщины, а оно, как назло, напрочь вылетело из головы. Лёгкое дуновение ветра погасило свечу, как только она приблизилась вплотную к соседской двери. Эрна постучала и, скорее, почувствовала, чем увидела, что дверь слегка приоткрыта. Она осторожно взялась за ручку и слегка толкнула её. «Мадам! – негромко крикнула Эрна в тёмную щель. – Фрау... Фрау Хартманн! Вы дома? Фрау Хартманн! Э-э-й-й!». Спустя пару минут, она повторила попытку докричаться до человека, который ей сейчас был необходим до зарезу.

«Старая сплетница давно уже в убежище и наверняка проторчит там до самого утра. Торопилась так, что даже дверь не закрыла», – с досадой рассудила Эрна, присев на холодную ступеньку, тревожно вслушиваясь в эту трагическую кёнигсбергскую ночь. Перед тем, как уйти, она с досадой захлопнула соседскую дверь. До Хуфена ²⁴ долетал звук сирен пожарных машин и карет «скорой помощи».

²⁴ Центральный район города

Вернувшись, она снова подошла к телефонному аппарату. Взяла справочник и механически стала перелистывать страницы, на которых не было ни пометок, ни записей, сделанных рукой, ни иных подсказок. Записную книжечку с телефонами и адресами Рихард всегда носил с собой. Попытаться вспомнить или найти номера немногих общих знакомых было тоже занятием бесполезным. Во-первых, до этого ли сейчас кому-то? А во-вторых, она настолько преуспела в том, чтобы вытравить из сознания прошлую жизнь, что в памяти существовал только один телефон и единственный адрес, имевший в этом городе значение, и всё это значимое, но совершенно бесполезное, сейчас было при ней.

Эрна открыла потяжелевшие веки. Узкая полоска дневного света, пробиваясь сквозь светомаскировку, возвестила о том, что в этот проти-воречивый мир пришёл новый день. В чём-то страшный, но неизменно подающий надежду. Он возник как величайшее явление природы, неподвластное, слава Богу, доселе человеческим амбициям, чтобы многое продолжить или многое начать с нулевой отметки. После всего пережитого раздеться и снова лечь в постель Эрна так и не решилась и облю-бовала в гостиной диванчик в тандеме с плюшевым котом. Собираясь с мыслями, она несколько минут разглядывала потолок, постепенно отходя ото сна, больше похожего не на сон, а на болезненное забытие. Со вчерашнего дня, как изошрённое издевательство над реальностью, в голове звучала весёлая рождественская песенка – совершенно неуместный фрагмент из детских воспоминаний. Какое Рождество? Что за бред?! Такая нелепость вносила понятное раздражение. Но самым досадным оказалось то, что невозможно было с этим ничего поделать. Задорная и умирительно беспечная мелодия засела в мозгу, словно заноза, а может быть, неосознанно она выступила в роли оберега.

Эрна быстро умылась, наспех привела себя в порядок, поставила кофейник на огонь и прямо в домашних туфлях, накинув поверх халата пальто, выскочила на улицу. Если с минувшей ночи в окружающем мире и произошли какие-то изменения, то они всё равно остались незамеченными. Всё, что сейчас ей было нужно, так это выпытать у соседки вожаемый номер «кобленецкого дяди», если, конечно, у того вообще имелся телефон.

Палец машинально жал на кнопку звонка. Несколько таких попыток не увенчались успехом. Минуту поколебавшись, Эрна надавила на дверную ручку. Как ни странно, но дверь легко поддавалась. «Неужели ещё не вернулась?»

—

Фрау Хартманн, вы дома?! Извините, я только хотела вас спросить...

Вдруг из проёма приоткрывшейся двери наружу вылетел белоснежный кот с синим бантом на шее. Он отбежал в сторону на несколько

шагов, на секунду обернулся, метнул в женщину обезумевший взгляд и бросился прямо через дорогу, куда глаза глядят. Волна холода и неприятного предчувствия прокатилась от горла к низу живота.

—

Фрау Хартманн!

—

ещё раз позвала Эрна, открывая дверь шире, пока та не упёрлась в невидимое препятствие. Как оказалось, препятствием

служила

нога

самой

фрау

Хартманн.

Эрна

сделала

усилие

и

толкнула дверь, чтобы протиснуться и попасть внутрь. Соседка лежала ничком, подмяв под себя обе руки. Рядом с ней на полу находились сумка, плащ и зонт. Ключи от входной двери лежали на полу немного в стороне. Сердце ёкнуло и словно скакнуло с вершины куда-то вниз. Незваная гостья машинально перекрестилась. Сомнений в происшедшем не было. Лишённое жизни тело не столь определяется осязаемо, сколько безошибочно ощущается энергетически. Тем не менее, пре-возмогая естественный страх, она наклонилась и потрясла покойницу за плечо. «Даже во время войны человек имеет право умереть своей смертью»,

—

эти

слова

доброго

старого

Клауса

сейчас

пришлись

исключительно к месту. Точнее и не придумать. Вероятнее всего во время авианалёта пожилой, одинокой дамой банально овладела паника, что спровоцировало сердечный приступ, который настиг её возле самого порога. Не случись этого, хозяйка сейчас собственноручно отперла

бы дверь и, ведомая эмоциональной волной, делилась вздохом своими переживаниями с первым встречным. Вот так всё быстро и просто...

Неожиданный и резкий телефонный звонок разорвал гнетущую тишину в квартире умершей хозяйки в тот момент, когда Эрна пыталась сообразить, что ей сейчас следует предпринять. Она вздрогнула всем телом, но всё же направилась к массивной тумбе, на которой стоял аппарат. Может быть, это родственники или знакомые фрау Хартманн пытаются узнать, не пострадала ли она. Тем более, что новость о ночном налёте на Кёнигсберг, несомненно, попала в радиосводки и в утренние газеты по всей Германии. Кто бы это ни был, звонивший наверняка знал, кому сейчас звонит.

—

Аллё! Аллё!!! – раздался в трубке взволнованный мужской голос.

—

Фрау

Хартманн,

это

Рихард

Вернер.

Что

там

у

нас?

Вы

сами в порядке? Что с домом? Что там вообще?

В который раз за сегодняшнее утро сердечная мышца образно совершила неописуемый кульбит от горла к низу живота и обратно.

—

Рихард!!!

Рихард!

Это

я...

Секундная, но невероятно долгая пауза затерялась в сотни километрах проводов. Слезные каналы, или как там это в официальной медицине принято называть, внезапно разверзлись ниагарским водопадом со всей своей непредсказуемой мощью.

—

Любимый...

это

я!

Она...она

мертва...

Рихард...

—

Эрна... Эрна, это ты?! Господи!!! Как это?! О, Боже!!! С тобой всё хорошо?! Эрна...

И снова ничтожный по времени, но вековой по ощущениям промежуток повис в пространстве между двух городов.

—

Мне страшно, — Эрна шмыгнула носом, как обиженный ребёнок. — Когда ты вернёшься? В её голосе был не столько вопрос, сколько угадывалась мольба.

—

Сначала

скажи,

с

тобой

всё

в

порядке?!

Ты

не

пострадала?

—

Пока

только

морально.

—

Господи, любимая! Я завтра до конца улажу дела здесь и сразу назад.

Прямо

сейчас,

слышишь?

Немедленно

бегу

на

вокзал

за

билетом. Оставайся

дома

и

ничего

не

бойся.

Я

думаю,

я

уверен,

бомбить

больше не станут. Я скоро приеду. Всё будет хорошо, слышишь?!

Голос Рихарда звучал уверенно, убедительно, но в тоже время, словно между строк, в нём читалась растерянность.

—

Скажи

мне

свой

номер

телефона,

мне

так

спокойнее

будет.

—

Я с телеграфа звоню. Здесь очередь огромная и соединяют долго. У дяди нет телефона и его самого тоже больше нет. У меня сейчас время закончится. Эрна всё будет хорошо! Самое главное...

Будто, в надежде узнать, что же «самое главное», она ещё какое-то время держала возле уха «плакающую» трубку. Несмотря ни на что, краткое общение с любимым, сама возможность услышать его голос, ослабило внутреннее напряжение. Наверное, это и было сейчас самым главным. Эрна положила трубку на рычаг и быстро покинула квартиру, переступив возле двери через ноги фрау Хартманн.

Дозвониться до полиции оказалось делом безнадежным, хотя и предсказуемым в нынешней ситуации. Телефоны отделений были постоянно заняты, либо на другом конце линии никто не брал трубку. Оставался лишь единственный способ сообщить о кончине соседки — лично отправиться в ближайший полицейский участок.

Эрна ополоснула холодной водой лицо, глянула на себя в зеркало и тут же недовольно отвернулась, обнаружив припухлость вокруг глаз, как следствие недавних слёз.

Полицейский участок находился всего в двух кварталах от Харденбергштрассе ²⁵. Возле входа и внутри небольшого душного помещения толпились примерно два десятка человек. Дежурный обречённо «висел на телефоне», а его помощник, не поднимая головы, отрывистыми движениями делал записи на листах бумаги, периодически выкрикивая:

«Следующий!» Эрна невольно всматривалась в тревожные, потерянные лица людей, которые явились сюда каждый со своей бедой или проблемой. Впрочем, в это августовское утро, в той или иной степени,

²⁵ Ул. Пугачёва

беда пришлась одна на всех. Одному тучному господину стало плохо. Его усадили на стул и принесли воды. На руках у молодой женщины истошно завопил ребёнок, и её пропустили к столу без очереди.

—
Слушаю
вас,
—
пробормотал
полицейский,
не
отрываясь
от
бумаг.

—
У меня соседка по дому умерла сегодня ночью, – торопливо произнесла Эрна – Она вроде бы одинокая. Есть ли у неё родственники, я...

—
Фамилия.
—
Хартманн.
Имени
я
не
знаю.

—
Адрес.
Эрна назвала адрес и так же торопливо, словно её сейчас оттеснят в сторону, спросила:

—
Скажите,
а
когда
за
ней
приедут?
Дело
в
том,

что...

—

Когда
будет
возможность,

—

оборвал
полицейский.

—

Но
это
будет
сегодня,
я
надеюсь?

Помощник дежурного поднял на женщину красные, воспалённые глаза. В его тяжёлом взгляде уже не осталось места для участия или сожаления, только зверская усталость и раздражение.

—

Даже если она очень торопится, ей всё равно придётся подождать. Вы что, с Луны свалились? Не видите, что творится кругом?!

Следующий!

О том, что творится кругом, Эрна, к счастью, могла лишь догадываться. Её ночные страхи так и остались всего лишь страхами, в отличие от тех, для кого минувшая ночь стала самым жутким кошмаром в жизни или её заключительным эпизодом. Присутствовало странное чувство вины, словно она случайно, на короткое время перенеслась сюда из безоблачного, благоухающего цветами и спокойствием мира и вот-вот должна снова отбыть назад, а всем остальным придётся остаться.

Ноги сами вели туда, откуда предположительно раздавался ночью грохот бомбовых разрывов. Чувство сопричастности, а не отрешённое любопытство зеваки, охочего до зрелищ, влекло вперёд, заставляя смотреть по сторонам; смотреть на людей и неизбежно впитывать обнажёнными нервами изменившуюся в одночасье энергетику.

Недалеко от Генерал–Лицманштрассе ²⁶ начиналось оцепление, за которое полицейские не пропускали посторонних. Посторонними считались и те, кто с отчаянием и надеждой сейчас находились поблизости, в стремлении хоть что-то узнать о судьбе пропавших родных, друзьях и близких. Но что они могли узнать в результате своего бесполезного стояния там? Один полицейский объяснял какой-то напористой фрау, что оцепление снимут только тогда, когда полностью потушат очаги возгорания и обследуют территорию на наличие неразорвавшихся-

²⁶ Советский проспект

ся бомб и никак не раньше. В некоторых местах на стенах домов уже появились импровизированные «доски объявлений» с записками о том, кто и кого ищет.

За то недолгое время, что Эрна находилась там, через оцепление в сторону Росгартена, Обертайха и Марауненхофа ²⁷ проехали два бортовых грузовика с военнопленными. Вероятно, они являлись дополнением или сменой тем, кто трудился ещё с поздней ночи, разбирая завалы. В обратном направлении проследовала одна машина, тоже грузовая. То, что находилось в ней, укрывал брезент, как поленицу дров. Задний борт оставался незакрытым, видимо,

из-за того, что боковины кузова распёр-ло от давящего на них груза. Холодная, омерзительная дрожь пробежала по спине у всех, кто находился рядом. Да, в подобных случаях обходятся без эстетики. С торцевой стороны кузова, как раз там, где брезентовое полотно заканчивалось, виднелись фрагменты одежды и человеческих тел. Каждый, кто явился сюда с надеждой узнать о судьбе близких, с не меньшей надеждой и содроганием старался отвести мысль, что в этом

«братском катафалке» сейчас находятся родные люди. Машину несколько раз тряхнуло на выбоинах дороги. В какой-то момент из открытой части кузова выпал миниатюрный предмет и слегка подпрыгнул при ударе о мостовую. Это был детский ботиночек бордового цвета с беле-сыми шнурками. Наверное, мало кто обратил внимание на это. Но для Эрны как для человека, способного по своей природе из общей картины выделить значимые детали, этот эпизод оказался сродни удару ножом в сердце. Она прикрыла ладонью рот, а из глаз тот час брызнули слезы. Ничего более символичного и ужасного ей не приходилось видеть и переживать. В этом крохотном, детском ботинке, лежащем на брусчатке, молниеносно сконцентрировались и боль, и вселенская несправедливость, и отчаяние, и злость, и чья-то маленькая отобранная жизнь, и глухая, увесистая оплеуха вконец свихнувшемуся миру.

Уже на следующий день в большинстве районов, подвергшихся удару, будет снято оцепление. Тысячи горожан, оставшихся без крыши над головой и имущества, придут к своим разрушенным домам, к пепелищам. Они будут рыться в горах мусора и среди обломков пытаться найти что-то уцелевшее из предметов обихода и всё, что так или иначе может пригодиться в неопределённом будущем и горьком настоящем. Весь обратный путь домой Эрна проделала, как сомнамбула, не поднимая глаз. Куда бы она ни взглянула, на чём бы ни пыталась сконцентрироваться, точно отпечаток в мозгу перед глазами возникал бор-довый ботиночек, на котором она увидела и за мгновение запомнила все царапины, потёртости, словно фотографию, что из памяти и созна-

ния невозможно вытравить временем.

²⁷ Районы города

Белый кот с синим бантом сидел на крыльце возле родной двери. Эрна сразу увидела его, подходя к дому. Но, как только приблизилась, ополоумевшее животное, никогда не имевшее столько свободы и столько же неопределённости, рвануло наутёк за угол дома и скрылось. «Голодный, бедняга. Мышей, наверное, и в глаза не видел, – подумала женщина. – Мы тоже много чего раньше не видели и не знали». Проверять на месте соседка или нет, не было смысла. Вряд ли за это время что-то могло измениться.

Она поднялась наверх в гостиную и плюхнулась в кресло. Опустошённость, усталость, жуткие впечатления, нервы, бессонная ночь сгрудились кучей в душе и сознании. Стало безумно одиноко. Призыв-ные взгляды в сторону телефонного аппарата только усиливали эти чувства. Не хотелось оставаться одной, впрочем, и общаться с кем-то тоже не хотелось, ведь тема для разговоров в этом городе сейчас могла быть тоже только одна. Чтобы создать хоть какую-то видимость живого присутствия, Эрна включила радиоприёмник. Она сразу, не без раздражения, «ушла» с волны новостей, где снова передавали истеричную речь министра пропаганды Геббельса, относительно неминуемой расплаты врагов рейха за варварские бомбардировки немецких городов и тому подобное. На музыкальной волне звучали фортепианные пьесы Эдварда Грига, среди которых были и те, что Эрна и её сестра играли когда-то во времена юности в четыре руки. Затем она искала на книжных полках, чтобы такое почитать для «отвлечения головы», пила кофе и пускала в топку камина облака табачного дыма.

Телефон внезапно ожил через два дня – в полдень двадцать девятого августа. Раздосадованный Рихард сообщил, что застрял в Лейп-циге, куда он добрался на перекладных. Теперь нужно было попасть на берлинский поезд, что тоже оказалось делом непростым, чтобы уже из столицы вернуться домой. Оставалось только ждать.

Накануне вечером к дому подкатил катафалк. Эрна увидела машину из окна и, выдохнув с облегчением, вышла на крыльцо, чтобы указать на дверь в нужную квартиру. Полицейский, который прибыл вместе с печальным эскортом, задал ей несколько вопросов относительно личности соседки, обстоятельств её смерти и о том, не располагает ли она какими-либо сведениями о родственниках. Квартиру закрыли, а дверь опечатали.

* * *

За несколько дней до отъезда из Парижа Эрна имела непростой, но необходимый разговор с сестрой. Они намеренно встретились на нейтральной территории, чтобы имелась возможность без лишних ушей

поговорить о проблемах и делах насущных. Когда Эрна вышла из метро на станции рю Монмартр, то сразу увидела Грету, сидящую на лавочке. По бульвару мимо них прогрохотали несколько грузовиков с солдатами. Сёстры направились в сторону от бульвара в поисках спокойного, немногочисленного места.

К слову сказать, обстановка в Париже кардинально изменилась за последнее время. По вечерам на улицах уже не было видно вальяжно прогуливающихся немецких офицеров. Кабаре, кафе, рестораны и даже публичные дома, коих значилось более трёх десятков по городу, заметно опустели, а некоторые просто закрылись. В воздухе повисло тревожное напряжение вместе с каким-то пророческим предчувствием, ощущением, что совсем скоро «Галльский петух» вновь горделиво вскинет голову и захлопает крыльями. Недавние триумфаторы, сбросив с себя ореол непобедимости, заметно поджали хвост в ожидании команды к отступлению из города, в котором несколько лет так вольготно себя чувствовали. Скромное, маленькое кафе без единого посетителя – это то, что их устроило и то, что они нашли в конце узкого переулка. Сёстры заняли столик возле окна, из которого был виден главный белоснежный купол базилики Сакре-Кер, напоминающий вязанную спортивную шапочку. Казалось, что хозяина кафе вовсе не огорчало отсутствие клиентов. Он был учтив, весел и словоохотлив, и это невольно наводило на мысль, что месье, должно быть, принял хорошую дозу горячительного. Это явно позволяло ему воспринимать мир в более светлых тонах, чем он того заслуживал. Видимо, от нарастающего волнения Эрна почувствовала лёгкий голод, поэтому заказала к кофе кусок лоранского ²⁸ пирога с курицей и грибами. Грета ограничилась капучино с миндальным печеньем.

Хозяин принёс кофе. Он буквально расплылся в широкой улыбке и подмигнул женщинам, словно заговорщик.

—

Ну, что, дамочки, ещё день-другой и Адольф окончательно упа-кует чемоданы! Ха-ха!

—

при этом он кивнул куда-то неопределённо.

—Как думаете?

Сёстры переглянулись. Напористый и откровенно фривольный тон совершенно не уязвлялся с их деловым настроением.

—

Только
представьте
себе,

—

бесцеремонно
продолжал
месье,

—я

и
мой
брат,
мы
заключили
сделку
века,
представляете?
Мы
всегда с ним заключаем пари, чуть ли не с самого детства. Соперничество – это
у
нас
в
крови,
и
ничего
с
этим
не
поделать.
Такими
уж
мы
родились с
ним.
А
нынче
очень
серьёзно
побились
об
заклад
и
представляете, о
чём?
Ха!
Вы
и
представить
не
можете!
О
том,
к
кому
первому
в
заведение
наведается

английский

или

американский

пехотинец

пропустить стаканчик. Как вам такое?

²⁸ Открытый французский слоёный пирог с разными начинками

—

Любопытно, — отреагировала Грета, отпивая из чашки. — И как это можно достоверно выяснить?

—

А-а-а-а!

—

протянул ещё более оживившийся хозяин кафе.

—

Всё просто на самом деле. Проще и не может быть. Видите, через дорогу вывеску? Вон ту, что левее. Это заведение брата. Я наблюдаю за ним,

а

Жюль

смотрит

за

мной.

Уж

мы-то

этот

момент

истины

не

пропустим, будьте уверены!

—

Удачи

вам,

—

сказала

Грета,

которой

совершенно

не

хотелось

слу

шать это дальше.

Но, весёлый человек не унимался.

—

До

этого

дня

самое

важное

пари

я
у
брата
выиграл
много
лет

назад. Пари заключалось в том, кто у кого уведёт невесту. Но нынешний спор затмит всё, что было прежде. Это я вам точно говорю!

—
попытожил он, радостно потирая руки.

—
Вот так, иностранный пехотинец в итоге оказался значимей невесты и будущей жены, — не удержалась Эрна.

Хозяин кафе с глуповатой улыбкой сначала застыл на короткое время, пытаясь вникнуть в суть реплики. Потом постепенно изменился в лице, будто вместе с горстью малины съел жука и тут же удалился с заметным разочарованием.

Грета, прикрыв лицо ладонью, отвернулась к окну, чтобы не демонстрировать свой откровенный смех.

—
Ты в своём репертуаре,
—
с улыбкой сказала она сестре,
—

всегда завидовала твоей способности вставить в нужный момент что-нибудь эдакое.

Но Эрна была серьёзна и без всякого перехода, точно шрапнелью, выпалила сестре всё, о чём собиралась сказать. Теперь и той стало откровенно не до смеха. Грета прекратила жевать, театрально воздела руки к небу и закатила глаза.

—
Боже мой! Бо-оже мой! Чему я удивляюсь?! Я, конечно, всегда знала,
что
ты
ненормальная,
но
не
до
такой
же
степени!!!
Слушай,

вот, ты старшая, да? По статусу старшей сестры, по всем житейским канонам, это ты должна в чём-то поучить, где-то подсказать, поделиться мудрым словом, дельным советом. Так ведь? Откуда же такая фатальная ошибка, что фактически старшей всё время являюсь я?! Ну, не до такой же степени! Господи-и-и-и!!! Для чего мне это всё, объясни?! Где? В чём я, чёрт возьми, провинилась?! И главное же, всё напрасно. Определённо,

что
напрасно!
Ты
же,

один
чёрт,
никого
не
слушаешь и делаешь только то, что в голову тебе взбредёт!

—

Такая
тебе
выпала
доля,
мучайся
теперь!

—

надув
губы,
вспылила
Эрна.

—

Вот
сейчас
это
было
совершенно
не
к
месту!

—

Да?

—

Да!
Сёстры дали себе минуту, чтобы немного остыть и успокоиться.

—

Как,
скажи
на
милость,
такое
тебе
могло
прийти
в
голову
именно сейчас? – продолжила Грета уже в более сдержанном тоне. – Ни три года
назад,
ни
два,
ни
год

В
конце
концов?!

А
ведь
он
(Грета
не

слишком явно указала пальцем на хозяина кафе), он прав во всём. Практически во
всём!

Совсем
скоро
здесь
будет
всё
по-другому.

Как
именно
не

знает никто, но явно, что не хуже. Многие так думают и даже уверены. Мы
с

Марселем
тоже
думаем
так.

И
кто
может
остаться
здесь,

остаются, а не лезут добровольно в пекло! Конечно, будут какие-то разбирательства,
выяснения, гонения и прочие «охоты на ведьм». Но, нам-то что до этого? Мы – мирные, тихие
люди. С оккупационным режимом не сотрудничали,

евреев
нацистам
не
выдавали
и
так
далее.

Нам
ничего в будущем не угрожает,

—

Грета, наклонилась ближе к сестре.

—

Война не будет продолжаться бесконечно. Ещё год, другой – и войне конец. Германии
не
выстоять.

И

когда
до
неё
основательно
доберутся
русские или англичане, неважно, — там камня на камне не останется! А ещё, сколько
людей за это время погибнет непонятно за что! Просто ни —за — что! Ты туда собралась, скажи?!
И ради чего?!

—

Грета!

—

Что Грета?! Неужели ты главного не понимаешь, что для Франции, для Парижа, для всех
нас война уже может дней через десять закончиться? А там, куда ты

—

Джюльетта шекспировская собралась, ещё может ничего и не начиналось по большому
счёту. И попробуй только сказать, что я не права!

—

Ты
знаешь,
зачем
я
собралась.

И

я

думаю,
что
смогу
его
убедить.

—

Убедить?!

Судя

по

всему,

он

такой

же

упёртый,

как

и

ты.

Нашли друг

друга...

Да

и

не

в

убеждении

теперь

дело.
Даже
если
убедишь,
назад
возвращаться
как
будете?
Примкнёте
по
осени
к
журавлиной
стае?! Ты
об
этом-то
подумала?
У
вас
у
обоих
документы
граждан
Германии. Вас никто никуда не выпустит, и это ясно даже умалишённым вроде тебя.
Это
билет
в
одну
сторону,
Эрна.
Билет
в
ад!
У
тебя
здесь
есть
своя крыша
над
головой,
работа,
какое-то
будущее
в
конце
концов.
А
там... Глаза Эрны стали влажными и, едва сдерживая слёзы, она упрямо
парировала:

—

А там — мой человек, без которого ничего не мило, с которым хочется
и
крышу
над
головой
делить,
и
о
будущем
вместе

думать. И я боюсь его потерять, если честно. Знаешь, достаточно было времени и всяких там событий, чтобы понять, что в моём сердце есть место только для него. А просто «какое-то будущее», как ты говоришь, мне не нужно.

—

А
до
этого
дня,
значит,
потерять
не
боялась?

—

Боялась,
но...

—

Послушай, милая моя старшая сестра, — Грета намеренно сделала акцент на слове «старшая». — Во-первых, я тоже боюсь тебя потерять. Очень боюсь. Не забывай, что как кровно родные, мы с тобой одни на этом свете. Но это так, философия. А во-вторых... Прозвучит, может быть, жестоко, но кому тебе это ещё сказать прямо, без купюр, как не мне? С человеком, без которого жизнь не мила, нужно было разбираться раньше. Раньше, понимаешь? А не играть с ним в кошки-мышки и в любовь на расстоянии.

—

Зачем ты так?! С чувствами играть я не умею. И ты знаешь это. Сестра эти слова пропустила мимо ушей и продолжила:

—

Время
упущено.
У
тебя
столько
было
возможности

выяснить с ним всё, разобраться, к чему-то прийти или остаться каждый при своём. Но, нет! Не-е-е-т! У тебя же обязательно должно быть всё не как у нормальных людей. Без ненужных жертв и страданий просто не обойтись, правда?!

Это
же
прямо
классика
жанра!

—

Грета,
при
последнем слогe так приложилаcь чашкой к блюду, что едва не разнесла его вдребезги.

—

Да и представь, ты идёшь на такой безумный шаг, свали-ваешься
как
снег
на
голову
мужчине,
которому
столько
времени
моро-чишь
голову,
выкладываешь
ему
всю
подноготную,
хлопаешь
ладонью о стол, требуешь от него чего-то и ставишь вопрос ребром! О-у-у-у!!!

—

И
что?

—

А вот что... Представь, он говорит тебе: «Знаешь, дорогая... Хочешь быть со мной, так будь со мной здесь». И точка! Тогда как?

—

Ты
что,
провидица?
Тебя
послушать,
так...

—

Я не провидица, но я живу, в отличие от тебя, реальными категориями. Да, сестричка, реальными. Пусть я другая. Может быть, более прагматичная и менее романтическая. Мы не обязаны быть с тобой одинаково мыслящими и чувствующими, впрочем, я всегда знала, чего именно хочу, что мне нужно для этого делать и в какую сторону двигаться.

—

Как
же

некоторым

в

жизни

повезло!

—

Повезло, не повезло, но у меня есть то, к чему я стремилась — дом, ребёнок и муж, который нас обеспечивает, кстати! — Грета, многозначительно подняла вверх указательный палец. — А ты и твой ска-зочник как будете жить до конца войны, если эта дьявольская бойня закончится когда-нибудь? На какие средства? Голодать и нищенство-вать? Совершать утренний и вечерний моцион вдоль помоек?! Отлично! Великолепно! Очень жизнеутверждающие перспективы!

Эрна, поджав губы, в упор уставилась на сестру.

—

А

мне,

значит,

ничего

этого

было

не

нужно?

Особенно

ребёнок.

—

Эрна,

я

не

так

хотела

выразиться,

прости,

—

подчёркнуто

мягким тоном сказала Грета.

—

Ты, наверное, тоже считаешь, что мой брак с Георгом распался из-за меня. Из-за того, что я не могу иметь детей. Или в этом я тоже виновата? Скажи прямо, чего уж там!

—

Не

передёргивай,

я

совсем

не

это

хотела

сказать.

—

Семья

без

детей

—

это

неполноценный

союз,

я

понимаю.

И,

видимо, поэтому он искал утешение на стороне? Интересно, чем это могло помочь нашей... моей бездетности?

Грета положила ладонь на руку сестры.

—

Эрна, милая, давай закроем эту тему. Прошу тебя. Всё. Хватит. Успокоились. Сейчас мы обсуждаем совсем другие вещи. Я знаю, что ты не отступишься и, к сожалению, моё мнение и советы так при мне

и

останутся.

Разумные

доводы

здесь

слушать

некому,

насколько

я

понимаю

и

знаю

тебя.

Ты

взрослый

человек

и

вправе

поступать,

как

счтёшь нужным.

Просто

я

очень

беспокоюсь

за

тебя

и

за

последствия

всей

этой канители, которую ты придумала на свою голову. Неизвестно, чем всё обернётся. А ещё,

—

Грета посмотрела в окно задумчиво и, как показалось Эрне, с грустинкой,

—

хотелось бы верить, что он того стоит. Что ты

не

разочаруешься

в

человеке,

ради

которого

совершаешь

безумства.

В противном случае...

—

Спасибо

тебе, — Эрна

быстро

встала

из-за

стола,

приблизилась к сестре, и они со слезами обнялись.

Хозяин кафе, едва заметно покачивая головой, осоловелым взглядом смотрел на этих двух женщин, как на странных существ, которых природа фатально обделила какой-либо пользой и пониманием.

В кафе они провели ещё некоторое время.

—

Я поговорю с Марселем по поводу возможности сесть на поезд. Надеюсь, он поможет. Сейчас и для него это, наверное, будет не так просто, сама понимаешь. Ах, Эрна, Эрна... Что же я могу ещё сделать для тебя?

Та в ответ пожала плечами.

—

Наверное, попытаться понять меня. Но я хочу, видимо, слишком многого. Тогда просто прости свою безалаберную, сумасшедшую сестрицу.

Через несколько дней в обстановке общей суматохи и нервозности Грета провожала Эрну на вокзале Gare du Nord ²⁹. Войдя под его гул-кие арочные своды, сёстры, пожалуй, только теперь явно почувствовали всю серьёзность момента. Они расположились у одной из колонн неподалёку от главного входа. Специфические запахи, звуки, суета, сама энергетика, присущая вокзалу, как бы напоминали всем и каждому

²⁹ Северный вокзал в Париже

в отдельности банальную истину, что вся жизнь, по сути, есть череда встреч и расставаний.

—

Марселю иногда частично платили за работу рейхсмарками, — сказала Грета, вынимая из сумочки маленький свёрток. — Скоро они станут

здесь

просто

бумагой,

а
там
они
действительно
тебе
понадобятся. Не мотай головой. Это не подлежит обсуждению. Это наше с ним совместное решение. В этом смысле я какое-то время буду спокойна
за тебя. Хотя, какое тут, к чёрту, спокойствие!

—
Спасибо. Я буду очень скучать по вам. За всё вам безмерное спасибо! – произнесла Эрна, прижимая к себе сестру.

—
Буду за тебя молиться. Что ещё остаётся... Ты извини, что была резка с тобой.

—
Забудь
про
это.
Ты
во
многом
права.

—
Я
уже
не
понимаю,
где
права,
а
где
нет.
Ночью
сегодня
практически не спала. Мысли всякие в голову лезли, устала от них отбиваться. А
уже
под
утро,
сама
не
знаю,
зачем,
вдруг
спросила
себя:
«А
ты
смогла
бы
ради

кого-то
вот
так...
очертя
голову,
наплевать
на
благоразумие, бросить всё и сорваться, словно в бездну, полагаясь лишь на удачу?»

—

Слава Богу, у вас всё замечательно и причин срываться нет. Грета, кивнула, но как-то не совсем уверенно.

—

И
знаешь,
что
я
сама
себе
честно
ответила?

—

?

—

«Нет».

Я
умею,
наверное,
жить
правильно,
как
принято,
как
нужно. В определённых рамках и границах. Поступать именно так, как подсказывает разум,

а

не
душевный
порыв.

Признаюсь,
что

немножечко тебе завидую, как человеку, у которого нет препятствий и тормозов для его порыва.

Мне,
видимо,
не
дано
испытать
в

жизни
такую
степень свободы. Храни тебя Бог!

Грета, ещё долго стояла на перроне и смотрела вслед поезду, исчезающему постепенно в облаках паровозного дыма, в котором её родная сестра отправилась испытывать на прочность судьбу.

* * *

В назначенный день Лорена Девис подъехала на такси по указанному адресу неподалёку от рынка Сен-Мартен. До встречи с Вернером оставалось ещё минут сорок. Она специально явилась заранее, чтобы в непосредственной близости к дому, где обитал нелюдимый писатель, собраться с мыслями и настроиться на нужный лад. Разумеется, невозможно было предположить, как именно всё пройдет, что при этом удастся, с чем она справится, а с чем – нет. Но данная встреча может стать судьбоносной – первое, что укоренилось в мозгу и лейтмотивом

звучало последние пару дней. А ещё давила внезапно налившаяся ответственность перед мэтром Дювалем и теми из его команды, кто, имея необходимые знания и опыт, приложили усилия, чтобы всё теоретически выглядело вполне достойно. В распоряжении были подробные инструкции и методологии проведения таких встреч. Ударить в грязь лицом – означало бы испытать сильнейшее разочарование в себе и своих способностях. Пожалуй, её немного перегрузили информацией, отчего голова походила на упакованный наспех чемодан, из которого безошибочно требовалось достать что-то конкретное и необходимое к месту и времени. Две бессонные ночи, отданные изучению отдельных произведений, биографии и прочих вех в творчестве интервьюируемого, так же дополнили этот багаж. Но самым поразительным лично для неё оказался тот самый «роман без названия». Читая его, Лорена чувствовала, как постепенно погружаясь в текст и сюжет книги, всё чаще натывается на что-то близкое ей, особенно в каких-то мелочах. Её внешнее и, отчасти, внутреннее сходство с главной героиней действительно вызывало недоумение и даже оторопь. Словно кто-то, тайно подглядывая, рисовал её внешний и психологический портрет и затем выставил его на всеобщее обозрение без её ведома и согласия. В этом и заключалась главная и пока неразрешимая загадка, сколько бы она об этом ни думала и какие бы предположения ни строила. И наконец в качестве самого неожиданного и бесплатного приложения ко всем этим потугам – на нижней губе предательски выскочил герпес, что вызывало понятную досаду и беспокойство, эмоционально сравнимое, пожалуй, лишь с предстоящим заданием.

Девушка расположилась за столиком на улице у входа в маленькое кафе. Попросив гарсона принести эспрессо и стакан воды, она принялась гипнотизировать окна дома, в который через полчаса предстояло войти. Откровенно говоря, она ожидала увидеть иным то место и окружающую обстановку, где, по её представлениям, мог бы жить Вернер. Это не обязательно должен быть квартал Марэ, улица Риволи или, наконец, Монмартр. Но, во всяком случае, в этих представлениях, точно, не фигурировал десятый округ Парижа, чрезмерно нашпигованный выходцами из стран Африки и Ближнего Востока.

Лорена перешла дорогу и приблизилась вплотную к двери подъезда. Прежде чем надавить на кнопку домофона, она, как профессиональный спортсмен перед прыжком или исполнением пенальти, несколько секунд собирала волю в кулак и сосредотачивалась.

Дверь открыла темнокожая женщина лет пятидесяти. Лорена представилась, и они поднялись по лестнице на третий этаж. Ей казалось, что в квартире, где живёт именитый человек творчества, непременно должна присутствовать особая, неповторимая аура. И стоит лишь пере-

ступить порог, как сразу окажешься во власти воображаемых событий, фантазий и страстей. Ничего подобного на уровне ощущений не случилось. Обычная небольшая квартира с миниатюрной прихожей и узким коридором, ведущим в кухню и комнату. Непритязательная, однако, не лишённая вкуса обстановка, без какой-либо вычурности и намёков на ту самую «особую» атмосферу.

Лорена оказалась в одной из комнат, где, расположившись в кресле, с любопытством стала оглядываться по сторонам. Одна стена помещения представляла собой сплошной книжный стеллаж, к которому примыкал рабочий стол. Стеллаж от пола до потолка забитый книгами, пишущая машинка на столе, монитор и компьютерная клавиатура смотрелись в общем интерьере органично и предсказуемо. Комната объединяла в себе гостиную и кабинет. На полу, практически по центру, лежал средних размеров марокканский ковёр сдержанной расцветки. Традиционный орнамент ковра местами был тусклым, а где-то и вовсе прерывался, переходя в небольшие проплешины, что указывало на его почтенный возраст. Декоративный каминный портал из пористого травертина, внутри которого стояли свечи разной высоты и диаметра, создавал иллюзорное восприятие тепла и покоя. Лорена обратила внимание на женский портрет в раме под стеклом, что стоял на полке фальшь-камина между бронзовыми часами и статуэткой. С пожелтевшего листа ватмана смотрела интересная женщина тридцати семи-со-рока лет, с очень глубоким и живым взглядом. Очевидным было то, что этот портрет, выполненный карандашом и помещённый на самое видное место, очень дорог хозяину квартиры.

Многим, вероятно, случалось подмечать, что в доме, где живёт старый человек, патина времени, кажется, лежит на всём: на вещах, мебели, предметах обихода, незримо витает в воздухе. Она въедается в штукатурку стен и потолка, как табачный дым, а свет, проникающий с улицы через окна, не кажется достаточно ярким. Живо представлялось, что с минуты на минуту, темнокожая женщина прикатит коляску, в которой будет сидеть древний старик с выцветшими, слезящимися глазами и трясущейся головой, а его речь будет выхолощенной и не-связной. И если бы такое на самом деле произошло, то не вызвало бы ни малейшего удивления или разочарования. Вскоре в коридоре раздались едва слышные, неторопливые шаги. Девушка напряглась. Сердце забилось чаще, и она приказала себе: «Соберись, девочка и не трусь! Трусить уже поздно!»

Слегка опираясь на трость, в комнату вошёл Вернер. Высокий, сухощавый человек, с завидной для своего возраста осанкой. Лёгкий шерстяной костюм цвета топлёного молока и синяя, накрахмаленная рубашка ладно сидели на нём и никак не ассоциировались с образом

немогущего старца. Лорена поднялась из кресла и с улыбкой сделала шаг навстречу.

—

Добрый день, господин Вернер. Меня зовут Лорена Девис. Спасибо, что нашли время и...

—

Я знаю, кто вы и как вас зовут,

—

прервал писатель краткий, заранее отрепетированный приветственный спич. — Вы не станете возражать, если мы с вами поменяемся местами? Я сяду в кресло спиной к окну, а вы сюда.

—

Конечно,
как вам будет
удобно.

—

Говорят,
что

яркий
солнечный
свет
вреден
для
моих
глаз.
А
я
по наивности
думал,
что
мне
давно
уже
всё
полезно.
Скорее
всего,
просто завершается
цикл
моего
окончательного
превращения
в
вурдалака.
Как вы думаете?

—

поинтересовался Вернер, медленно опускаясь в кресло. Лорена никак не думала. Она чётко помнила наставление своего патрона,

что
должна
быть
готовой
к
любим
неожиданным
поворотам.

—

Надеюсь,
что
это
не
так.
Но,
на
всякий
случай,
в

сумочке

я

всегда ношу флакон со святой водой и серебряные пули.

Она сама испугалась того, что сейчас произнесла. Эта смелая фраза с претензией на юмор, как-то неожиданно сама собой выскочила. Вернер внимательно смотрел на неё через узкие линзы очков. Смотрел изучающе. Но это был не тот подозрительный взгляд поверх очков, полный сомнений и недоверия, каким накануне её «сканировал» Дюваль. У неё отлегло от сердца, когда увидела, как опущенные вниз уголки губ писателя постепенно расходятся в сдержанной улыбке.

—

Лорена,

можно

я

буду

так

обращаться

к

вам?

Расскажите

что-ни-будь о себе. Откуда вы родом, сколько вам лет, кто ваши родители?

—

Мне недавно исполнилось двадцать девять. Родилась в Тулузе. Мама

родом

из

Ирландии,

отец

—

американец.

Родители

развелись,

когда мне было пять лет. Отец уехал в Штаты, и я никогда его больше не видела. Мама второй раз вышла замуж. Мы переехали в Париж. С тех пор я живу здесь.

—

А

вы

сами

замужем?

—

Пока

нет.

—

Но

у

вас

наверняка

есть

отношения.

—

Отношения были и довольно долго. Но... в общем, не сложи

лось.

—

Ещё сложится. Всему своё время. Можно вас попросить об одном одолжении?

—

Разумеется.

—

Распустите,
пожалуйста,
волосы.

—

Простите...

—

Я
прошу
вас
распустить
волосы,
если
вас
не
затруднит.

«Вот и начались странности», – подумала девушка. Внемля просьбе, она отстегнула заколку и мотнула головой из стороны в сторону. Тотчас густые, тяжёлые пряди каскадами рассыпались по её плечам и груди.

Вернер расплылся в улыбке и несколько раз кивнул.

—

Да, да. Именно так. Похоже, что вы и есть та самая женщина. Девушка, у которой погожим осенним днём запутались в волосах солнечные лучики. Я не ошибся в вас.

Теперь стала очевидной рокировка с креслами. Хитрый старик намеренно посадил гостью лицом к окну, чтобы разглядеть её получше или увидеть то, в чём хотел убедиться. Лорена ощутила себя неким экс-понатом для пристального изучения. В иной ситуации это бы раздражало, но не теперь. Она по-прежнему мало что понимала. А главное, пока не могла уловить момент, когда будет уместно перейти непосредственно к интервью.

—

Я
помню
такое
описание
из
вашего
романа.

—

Это не я придумал, – сказал Вернер, поправляя в ухе слуховой аппарат. – У вас усталый вид и покрасневшие глаза. Это ваше первое задание такого плана?

—

Да.
Это
мой

дебют,

—

улыбнулась

девушка.

—

Понимаю.

Чувствуется,

нелегко

вам

пришлось.

Ваше

начальство поставило

перед

вами

определённые

задачи,

хотя

сами

не

совсем

понимают, что можно добиться от такого ископаемого, как я, —

хрипловато рассмеялся Вернер.

Девушке показалось, что наступил момент, когда следует перейти непосредственно к цели визита, тем более что писатель сам подвёл разговор к этому. Но, не тут-то было.

—

А что это там у вас?

—

поинтересовался мастодонт, заметив, как Лорена достаёт из сумки диктофон и какие-то бумаги. — Не нужно. Оставьте это всё в покое. Привыкайте без подсказок выделять главное из любого общения.

Или,

как

говорил

Иммануил

Кант:

«Имей

мужество использовать

свой

собственный

разум».

До

него

подобную

мысль

изрёк ещё Гораций. Так что, давайте прислушиваться к советам мудрых.

В глазах Лорены появилась с трудом скрываемая растерянность. У неё отсутствовал необходимый опыт, чтобы не запаниковать. Вернер недвусмысленно давал понять, что на его территории нужно придерживаться его правил и пусть, даже если это будет истолковано как нали-

чие странностей в столь «нежном» возрасте. Он протянул руку к журнальному столику, взял находившийся там колокольчик и позвонил.

—

Сейчас

попросим

Адель

сварить

нам

кофе.

У

неё

это

превосходно получается.

Когда темнокожая Адель поставила поднос с кофе и удалилась, Вернер заговорщицки подмигнул Лорене.

—

Кофе

придаёт

бодрость,

а

арманьяк

—

уверенность.

И

с

этим не поспоришь. Я попрошу вас, Лорена, подкатить к нам поближе вон ту волшебную тележку, — он кивнул в сторону мини-бара на колёсиках.

—

Вы, как я понимаю, никуда особенно не спешите? Вот и славно. А мне торопиться некуда по определению. Будем во всём последовательны.

Лорена и правда, почувствовала себя иначе после чашки кофе и глотка ароматного напитка, который постепенно разливался внутри тёплой, живой волной. Она редко пила что-то крепкое, но отказаться именно сейчас шансов не было.

—

Вы

любите

ромашки?

—

спросил

Вернер.

—

Я

люблю

все

цветы,

но

моя

слабость

—

ирисы.

Лорена как-то сразу поняла, что с её стороны не должно быть никакой фальши, притворства, желания подыграть в нужный момент, искусственно казаться обтекаемой и лицепритной, да и цели такой изначально не было. Умудрённый жизненным опытом литератор на раз-два, моментально раскусил бы любую неискренность.

—

А как насчёт деревьев? У вас бывает желание влезть на дерево? Она не сразу ответила. Не потому, что не сумела быстро подобрать необходимые

слова.

Задумчивый

взгляд,

казалось,

говорил

о

том,

что

она на несколько секунд перенеслась в какие-то воспоминания.

—

Помню, в детстве и, даже когда я уже была подростком, — неторопливо

начала

Лорена, — мы

часто

ездили

гулять

в

Булонский

лес к озеру. Всегда ждала этого, как какое-то волшебство. Кем только там я себя

не

представляла!

А

ещё

я

была

на

сто

процентов

уверена,

что

на верхушках

старых

дубов

живут

эльфы.

Жутко

хотелось

взобраться

туда и
хоть
одним
глазком
их
увидеть.

Я
думала,
что
жёлуди
падают
именно потому, что это эльфы резвятся на ветках и нарочно бросают их под ноги
прохожих.

С
годами,
конечно,
желание
влезть
на
верхушку

дерева как-то поутихло, но... до сих пор, сознаюсь, проскакивает мысль, что насчёт эльфов я в чём-то была права. Всё это глупо звучит, наверное. Иногда я кажусь себе странной, незрелой что ли, неполноценной. Боюсь, что и личные отношения у меня из-за этого не клеятся. И, если честно, я этим никогда, ни с кем не делилась. Думаю, что невзирая на возраст,

нельзя
до
конца
отпускать
детские
фантазии.

Хотя
бы

потому, что в этих воспоминаниях почему-то так много света и красок. Может быть, это только детям дано видеть мир таким нереально цветным, не знаю.

Но
эти
фантазии,
они,
как
эхо,
как
воздушный
шар
в
руке.

И

тонкая, незримая нить удерживает их где-то рядом с тобой, как что-то тайное, святое, согревающее. Только твоё и на всю жизнь.

На испещрённом морщинами лице Вернера появилось умиро-творённое, благостное выражение.

—

Вы абсолютно правы. И спасибо за искренность. Знаете, с годами всё сложнее жить настоящим. Но вам ещё рано об этом задумываться. Вы пробовали писать?

—

Пробовала,

—

смущённо произнесла Лорена.

—

Сначала это были коротенькие
эссе,
потом
подсела
на
сказки.

В
том
смысле,
что
пыталась их сочинять и записывать.

—

Что
в
них
было?

—

Если честно, в них была я, в той или иной ипостаси. Мои фантазии.

—

Можете
что-нибудь
припомнить?
Девушка слегка опустила глаза и улыбнулась.

—

Да
многое
было.
То
представляла
себя
девчонкой,
проснувшейся рано утром. В окно влетели три маленькие феи. Я притворилась, что сплю,
а
они
рассыпали
надо
мною

золотую
пыльцу
каких-то
сказочных цветов,
которая
навсегда
пристала
к
моим
волосам.
Вот
так
я
теперь и
живу
с
ними.
В
смысле,
с
рыжими,
то
есть,
с
золотыми
волосами. То
описывала
себя
в образе
принцессы,
с которой
то
одно
случится,
то другое. В общем, какие-то такие девчоночьи фантазии.

—

И
вы,
конечно,
ничего,
никому
не
показывали.

—

Не показывала. Мне было неловко, не знаю... стыдно, что ли. Боялась критики и насмешек. Я и сейчас очень боюсь критики, хотя, понимаю, что она необходима.

—

Да. В том-то и беда наша, что часто боимся испытать конфуз

там, где его не должно возникать по определению. Зато в чём-то другом – пошлом и приземлённо-житейском, чего действительно стоило бы опасаться, о чём было бы стыдно с кем-то говорить... это мы запросто.

Порой

уже

не

способны

сопротивляться

фальши

и лицемерию. Ведь нужно же быть стандартными и понятными для всех. А по сути, просто боимся быть настоящими. Н-н-да. Простите, старика понесло. У

вас

ко

мне,

вероятно,

есть

вопросы,

но

не

знаете,

как

к ним

перейти.

Она и правда, не знала, как это сделать, так как вопросы сыпались только в её сторону.

—

Скорее,

жду

удобного

момента,

когда

это

будет

уместно.

—

Я

вас

немного

заболтал,

но

чуть

позже

вы

поймёте,

что

у

меня

на то имелись свои причины, а непросто потому, что впавший в детство дедушка

решил

поспрашивать

о
ромашках
и
деревьях.
Главный

вопрос, который вас действительно волнует, находится не в списке, а в вашей голове.
Почему именно вы сидите сейчас напротив меня, а не кто-то другой. Верно?

—
Именно
так,
признаюсь.
А
если
совсем
откровенно,
то,
как
бы я ни старалась, он всё равно всплывает поверх всего остального, более
важного.

Старик махнул рукой.

—
Нет
ничего
важнее
того,
что
волнует
и
касается
именно
вас,

дитя моё. Всё остальное – обязанность или обязательства. Видимо, у вас имеется и то и
другое. А что больше вам по душе – дарить подарки
или получать?

—
Дарить, пожалуй. Это ни с чем несравнимые эмоции, когда видишь в глазах небезраз-
личного тебе человека удивление и восторг.

—
А
если
это
совершенно
незнакомый
человек?

—
прищурился
Вер-

нер.

Девушка задумалась.

—

Даже

не

знаю,

что

ответить.

Копаюсь

в

памяти,

но

ничего

не

могу из неё выудить. Наверное, у меня в жизни не было такого опыта. Но, могу предположить, что это тоже достаточно круто.

—

Круто,

—

согласился

писатель.

—

Итак,

почему

же

вы

здесь.

Можно назвать это «случайной не случайностью». Адель как-то принесла с собой журнал, к которому вы имеете отношение, и забыла на этом столе. Я не любитель подобного рода чтива. Меня мало интересует светская мишура, хотя не вижу ничего крамольного, если это кому-то нравится. Машинально открыл журнал, стал бегло просматривать, пока

под

конец

не

увидел

ваше

маленькое

фото

и

статью,

кажется, о каких-то декоративных свинках.

—

Наверное,

статью

о

мини

пигах?

—

Может быть. Неважно. Имя

—

это первое, что бросилось в глаза. Затем внешность и ваши роскошные волосы. Я сейчас это описываю, ну прямо, как «любовь с первого взгляда», — Вернер широко улыбнулся. — А что? В истории немало таких примеров. Угрозило же

Гёте в его семьдесят два года вспылать нежными чувствами к сем-надцатилетней девушке Ульрике, которая стала его последней музой. Надеюсь,

вас

не

слишком

насторожил

такой

пример?

Ну,

я

не

Гёте и потом семидесятилетний муж в сравнении со мной — просто сопливый мальчишка, — Тут Вернер от души расхохотался. — И последний важный момент. Вы всё же принадлежите к людям пера и творче-ского склада. И пусть сегодня это статьи про свинок, а завтра... всё изменчиво, Лорена. Всё изменчиво. Не нужно торопиться занимать место в очереди за сча-стьем, любовью и успехом. При определённых стараниях и стремлении к праведности каждому в своё время что-то

да перепадёт из рук Господа. Вот и мне неожиданно перепала удача под самый занавес, в виде вас.

—

А причём тут я, месье Вернер? Не понимаю, — смущённо произнесла девушка.

—

Вы действительно ни при чём. И даже ваши родители, дай Бог им

здоровья

и

долгих

лет,

ни

при

чём.

Моя

жена

здесь

причём.

И

то

обещание, которое я дал ей однажды. Это она «придумала» вас и ваш образ уйму лет тому назад, когда и родителей ваших не было в помине.

* * *

Всё время находиться дома в одном лишь томительном ожидании было совершенно невыносимо. Последний звонок Рихарда всё-таки прибавил оптимизма, ведь он двигался в её сторону, пусть и не так быстро, как бы того хотелось. К тому же, по счастью, Главный вок-

зал Кёнигсберга практически не пострадал, и железнодорожное сообщение по-прежнему осуществлялось. А это означало, что запастись терпением ещё нужно на пару дней. Поэтому Эрна решила использовать время с пользой и, образно говоря, очень по-женски. Она вымыла голову, накрутила из полотенца чалму и принялась за уборку. Отдраила и вычистила до стерильности весь дом. Заглянула с веником и тряпкой в каждый угол, за каждый предмет. Вытерла пыль со всего, на чём пыль могла осесть. Разобрала вещи и расставила предметы и книги по местам и на свой вкус. Настолько увлеклась процессом, что свою одержимость чистотой обратила даже в сторону подвального помещения, где так же навела порядок и на всякий случай оставила там пару свечей и коробок спичек.

Закончив с домашними делами, она вышла на улицу, чтобы отправиться пообедать в любимый кабачок, узнать какие-то новости, а заодно на обратном пути пополнить запас провизии. Город постепенно пытался прийти в себя после недавнего ночного налёта. Но естественный, животный страх и психологический надлом невозможно было так быстро убрать из души и голов людей, как груды битого кирпича с улиц. Район Амалиенау, как и прилегающие к нему районы города, практически не коснулись последствия бомбардировки. Создавалось ощущение, что Кёнигсберг теперь разделён на два мира, на две проти-воположные реальности, границы между которыми проходят в пешей доступности, и люди, населяющие эти две реальности, теперь столь же различны. «Намоленный» кабачок на удивление был почти заполнен посетителями. Сюда потянулись те, кому переживать события в одиночку или в масштабе семьи казалось занятием скучным или не совсем правильным. С некоторыми завсегдатаями Эрна перекинулась словом. Клаус был энергичен и словоохотлив. Он сейчас напоминал толстого паука, к которому, как по нитям к центру, стекались все последние новости и слухи с разной степенью достоверности и эмоционального окраса. Сам же хозяин охотно делился всем этим с посетителями, наполняя кружки пивом. Присутствовало ощущение единения и вза-

имного участия тех, кого занесло сюда в этот час. И не случайно Эрна провела там больше времени, чем предполагала.

Хотелось пораньше улечься в постель и попытаться заснуть. Прошедшей ночью это практически не удалось, так как около десяти часов вечера снова завывли сирены и, хотя тревога оказалась ложной, ни о каком нормальном сне уже не могло быть и речи. Только в пятом часу утра наступило наконец какое-то нервное полузабытьё. Теперь же она дала себе установку, что назло всем страхам выпится сегодня, как младенец. Не хватало ещё перед Рихардом предстать с бледным лицом и красными глазами в обрамлении синюшных мешков! Заклинание действовало. Как только голова коснулась подушки, сон быстро и с лёгкостью овладел утомлённым, перенасыщенным событиями сознанием. За окном накрапывал мелкий дождь. Густые сумерки словно плащом накрывали старинный город, постепенно погружая его в ночь вместе с тревогами, страхами и надеждами. В ту самую ночь с 29-го на 30-е августа 1944 года, когда привычный облик Кёнигсберга изменится до неузнаваемости, канет навсегда в прошлое, как и более четырёх тысяч его обитателей. До этого момента оставалось всего несколько часов. Это непродолжительное время Эрна будет крепко спать без снов и волнений в обнимку с плюшевым котом, которого она временно пере-селила в спальню. А в гостиной маятник старых часов «перелистывал»

минуты, как страницы из книги Бытия, приближая роковые события. Из глубокого погружения её не смогли сразу вывести ни звук си-

рен воздушной тревоги, ни первые минуты бомбардировки. Когда же Эрна наконец поняла, что происходит, над центром города небо раз-верзлось рукотворными грозами и молниями. Воздушная армада выполняла приказ, а точнее, исполняла приговор. То, что было накануне, не шло ни в какое сравнение с нынешним грохотом и интенсивностью разрывов. Всё это происходило практически без пауз, на одном дыхании. Неистовство сливалось в еди-

ный страшный гул. Эрна была готова, если не психологически, то в плане понимания того, что следует предпринять незамедлительно. Она быстро оделась, схватила сумочку с документами и деньгами, бутылку с водой и тёплый свитер Рихарда, чтобы не стучать зубами от холода в подполье. Сбежала с лестницы вниз и вскоре оказалась в подвале. Зажгла свечи и уселась на табурет, который заранее принесла сюда. Всё повторялось снова: дрожь в теле и в душе, вибрация в стенах дома и перекрытиях, провокационные мысли о затерянном среди парижских улиц своём тихом чертоге, и жуткое одиночество. Слух пытался уловить хоть какой-то намёк на то, что этот кошмар сейчас должен закончиться, но... ни единого намёка. Казалось, что конца этому нет. Прошло примерно минут десять. Бомбёжка не прекращалась. Эрна ощутила, что ей сейчас больше все-

го в этой ситуации не хочется быть одной. Её своеобразный оберег – любимый кот остался в спальне на кровати. Возникла непреодолимая потребность обхватить его плюшевое тело и прижать к себе, словно это в мгновение ока решит всё. Она колебалась. «Я же мигом, только туда и сразу назад», – убедила себя Эрна и ринулась вверх по ступенькам. Мягкий свет от ночника падал на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Она пулей влетела в спальню, схватила за лапу кота и, как только снова побежала по ступенькам к своему убежищу, раздался такой оглушительный взрыв, что он сотряс не только дом, но и, казалось, всю землю. Всё произошло молниеносно. Она не успела ничего понять и почувствовать. Раздался треск. Какая-то чудовищная сила молниеносно сбила её с ног и, словно невесомую пылинку, швырнула вниз.

Все эти события пронесли перед глазами беспорядочно и стремительно. Беспомощная, выпачканная в серой пыли с ног до головы Эрна сидела возле решётки забора, глядя в одну точку. Конечно, ей необходима была помощь. Голова гудела, повреждённая рука постоянно ныла и немела. Через дорогу из соседнего трехэтажного дома вышли несколько человек. Эрна сейчас с трудом могла различить только их размытые фигуры. Они что-то обсуждали, указывая на красивый фасад этого дома. Вероятно, на нём имелись какие-то повреждения, а скорее всего, у фронтальной части здания взрывной волной выбило стёкла. Определённо, эти люди были жильцами дома, которому настолько повезло, что речь шла только о том, где теперь найти стёкла и стекольщи-ка. Почему они не замечают её? Нужно позвать. Она собралась с силами и уже было напрягла связки, как вдруг возле пожарного гидранта, который продолжал по-прежнему фонтанировать, появилось нечто такое, на чём она невольно остановила замутнённый взгляд. Большая чёрная птица, перепачканная в пыли, как и она сама, боковыми прыжками приблизилась к источнику воды. Одно крыло у птицы явно было повреждено, так как неплотно прилегалo к туловищу, и краем свисало почти до земли. Это был крупный ворон, оказавшийся здесь неизвестно какими судьбами. В его внезапном появлении было нечто символичное, какое-то жутковатое знамение. Не обращая внимания на женщину, находящуюся в непосредственной близости, пернатый стал утолять жажду, подставляя себя под водяные брызги. Постепенно, он принял свой естественный вид, смыв с себя грязь, а перья его вновь обрели характерный матовый отблеск. Ворон отряхнулся, как это делают все птицы, слегка растопырив крылья, сделал два полупрыжка в сторону Эрны, повернувшись к ней боком, словно разглядывая в упор. «Dreck mit Pfeffer! ...mit Pfeffer!!!», – громко и отчётливо прозвучал грубова-тый мужской голос, после чего он произвёл (теперь уже на птичьем языке) глухой гортанный звук. Оттолкнувшись от мостовой, медленно

и тяжело стал взлетать, поднимаясь всё выше и выше над черепичными скатами крыш. Со стороны могло показаться, что бедная женщина сейчас видела не птицу, а ангела смерти, который спустился к ней, чтобы убедиться, мол, не пора ли ещё? Эрна сделала слабый жест рукой, словно отгоняя от себя химеру, запрокинула голову и лишилась сознания.

* * *

«Выброшу-ка я из гнезда этот бессмысленный осколок вместе с отражением в нём. Отвратительно смотреть. Кр-р-р... Кр-р-р-р! И без этой зеркальной изжоги знаю, что жалок, омерзителен. Так, всё это ненужное барахло – вниз! Что у меня тут ещё? Пуговицы, глянцевые обёртки, серёжка с поддельным бриллиантом. Всю эту дешёвку –к чертям вниз! Там подберут. «Чё-е-рный во-о-рон, что-о ты въё...» До чего же я долетался, а?! От меня прежнего ничего не осталось. Курам на смех. Кр-р-р-р! Устал я, братцы, безмерно. «А-а над мое-е-ю голово-о-ой». Чувствую себя... Да, препаршиво чувствую, чего там говорить! Мухи перед глазами роятся, круги разноцветные, облака вверх тормашками плывут. Куда уж дальше-то? Не иначе, поми-раю, братцы. Едрит твою... А что в том удивительного? Наш брат, в крайнем случае, лет шесть-десять-семьдесят живёт, я же девятый десяток добиваю. Ха! Пора, стало быть. Наверное, скоро отойду. Dreck mit Pfeffer! Кр-р-рух!

...mit Pfeffer! Хватки в когтях не чувствую, лапы онемели. Того гляди, к вечеру навернусь с этого дуба клювом в песочницу. Окоченело, недвижно пролежу ночь подле грибка на детской площадке, а утром дворничиха закинет меня в пластиковый мешок вместе с мусором и листвой, да поворчит ещё, мол, ничего себе, вороньё отожралось! Невежды. Скверно, братцы. «Иль добы-ы чу-у себе ча-а-аешь...» Неужели вот так всё и закончится?! Эй, полюбуйтесь! Гляньте же на меня, граждане обыватели! Вот он я, весь перед вами, в полнейшем упадке. И раз уж вы покинули свои бетонные гнёзда, несётесь куда-то, волочёте за собой своих орущих птенцов, удостойте толикой внимания, умирающего старожилы этого города! Эй! Какое право имеете не замечать? Не слышать?! Че-ло-ве-ки!!! Кр-р-р-р!!!».

—

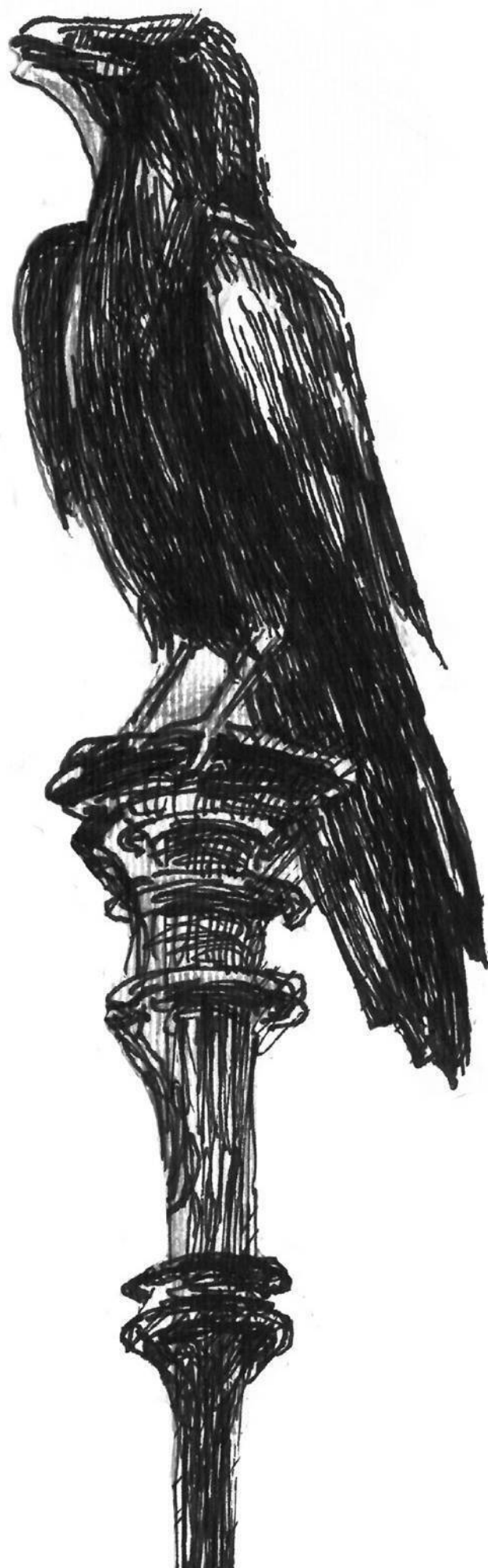
Мам...
Мама,
смотри,
какая
большая
ворона
сидит.

—

Ты
сама,
как
ворона,
мы
уже
в
садик
с
тобой
опоздали.

Шевелись быстрее! И не ворона это, а грач.

«Ну вот, здрас-с-с-те... Viele danke! Грачи прилетели, встречайте! Кр-р-рух! Дура вы, мамаша. И птенца своего ничему путному, кроме невежества, не научите. Обозвать ворона грачом!!! Да известно ли тебе, человеческой самке, что у меня размах крыльев полтора метра?! И вешу я на голодный желудок кило шестьсот! Это вам как? Кр-р-р-р».

«Кр-р-расная книга» прямо о том и говорит. Чему вас только учили на природоведении? Corvus corax – отряд воробьинообразных. Лишить бы глаза того, кто присовокупил меня к этому клоповьему отродью! Чего ж себя-то поленились отнести к подвиду: «Примат Твердолобий»? А-а-а... пустое всё. «Чё-ёрный во-о рон, я-я не тво-о-ой». Нет, нет... раз уж перестали в клюв узнавать, пора помирать, довольно строгать крыльями седое Кёнигсбергское небо! Сколько же раз приходилось умирающим тварям в глаза смотреть, а в себя боязно. Противостественно как-то. Да-а, вовремя я зеркальный осколок выкинул. И чёрт с ним! Что же это получается, теперь, по всем канонам передо мною должна вся жизнь промелькнуть? Неужто вся?! О-о-о, птичьи боги! Что я в ней только ни видел? Что ни испытал? Кого не отведал?! Кр-р-р-р! Где точно находилось родовое гнездо, ответить затрудняюсь. Ско-

рее всего, где-то здесь, в городской черте. Для меня по сей день остаётся загадкой, почему родители мои выбрали столь несвойственное для воронов место обитания. Врождённая скрытность, недоверие и предвзятое отношение к людям заставляет моих сородичей искать уединение в местах, где царствует природа, а не человек. Я так подозреваю, что мои предки в пух и прах разругались с родственниками или стали изгоями из-за каких-то крамольных убеждений. Иначе не представляю, что могло заставить их оторваться от родных пенатов. Мало того, свои убеждения относительно города они умудрились передать и мне, когда я ещё был в утробе желтком и соплевидной субстанцией. С младенческой скорлупы меня окружал иной мир, с другими звуками и запахами, которые воспринимались, как естественный фон, ибо другого я попросту не знал. Ещё в утробном состоянии я слышал и впитывал в себя шум города. А ещё до меня часто долетал мерный приглушённый звук, что периодически пробивался через стенки яйца. Поначалу это немного пугало, и я нервно сучил будущими крыльями в родной вязкой среде. Глупыш. Я не знал ещё тогда, что это была музыка старинного города, создаваемая соборными колоколами и не-стройным хором кирх. Музыка, что станет потом привычной и неотъемлемой частью жизни, но которая исчезнет однажды в испепелённом, оглохшем, убитом войной городе на многие десятилетия.

Всего в кладке было четыре яйца. Вылупились лишь трое птенцов, один из которых две недели спустя нелепо вывалился из гнезда, несомненно, на радость двум оставшимся. И этим несчастным оказался я. Когда ваш покорный слуга с растопыренными крыльями барахтался в траве, родителей не оказалось дома, а мои брат и сестра пугливо тарасились сверху на обречённого родственника. Я отчаянно зывал к помощи и жалобными воплями оглашал пространство возле монолитного ствола дуба. Вопреки ожиданиям, на мой призывный писк прилетели

не мама с папой, а явилось невесть откуда чудовище с зеленоватыми глазами. Несмотря на то, что чудовище было на вид мягкое и изящное, внутренний голос вполне убедительно известил меня, что именно так выглядит смерть. В этом я убедился незамедлительно, когда почувствовал, как хрустнула лучевая кость крыла. Грაციозный ангел смерти понёс меня на бесшумных лапах между кустов и тропинок напрямик на

«тот свет». Я видел воочию конец своей едва начавшейся жизни и всё же, не желая так просто сдаваться, отчаянно бился в острых зубах, теряя младенческие пёрышки, приумножая свои страдания. При этом я голосил, что было мочи. Неожиданно чудовище взвизгнуло, перекувырнулось вместе со мной через голову, и разжало страшные челюсти, после чего исчезло так же внезапно, как и появилось. Громогласно и недобро звучал рядом голос незнакомого существа, обращённый к сбежавшему монстру, благодаря которому я узнал, что его (монстра) зовут «Schaisse Kater». Большие тёплые лапы подняли меня с земли и поднесли к большой округлой голове, на которой обозначились странной формы глаза и пасть, напоминающая щель. Опасения, что мне немедленно откусят голову, не оправдались. Вместо этого я оказался

спрятанным под одеждой огромного существа, где было сумрачно и тепло. Меня долго держали там и куда-то перемещали. Я слышал только мощное дыхание и тяжёлую поступь ног, напоминающих стволы деревьев. Так я познакомился с «Человеком». Это случилось пасмурным днём в конце мая 1925 года».

* * *

– Ирма! Ирма, чёрт тебя подери! Если ты не прогонишь Гинденбурга со стеллажей в конце концов, я пришибу киянкой вас обоих! Эта птица способна обгадить не только мастерскую, но и всю Веймарскую республику! Что и так давно пора сделать, – привычно ворчал мастеровой Фридрих Геккель.

Желтоватые, пахнущие хвоей колечки падали с верстака на пол под ноги этого тучного пожилого господина в сером, запylённом фартуке. То, что именовалось мастерской, на самом деле была одна из двух ком-натурек квартиры, где проживал он сам и его жена Ирма – женщина почтенных лет и внушительных объемов тела под стать супругу. Они занимали низ маленького двухэтажного дома, что находился на не-приметной улочке в районе Ротенштайн³⁰. Фрау Ирма вела хозяйство и попутно помогала мужу в основном в качестве «принеси-подай». Сам же Фридрих специализировался на изготовлении ортопедической обуви, деревянных протезов и костылей. Несмотря на ощутимую кон-

³⁰ станция Кутузово

курению, это ремесло худо-бедно кормило, позволяло решать житейские проблемы и сопротивляться наступающей старости. Минувшая мировая война предоставила вполне достаточно искалеченного человеческого материала. Так что никаких сомнений в востребованности профессии в обозримом будущем не было.

–

Фриц! Ты не забыл, что сегодня придёт Хорст за своей ногой?

–кричала в проём комнаты-мастерской фрау Геккель.

–

Это
какой
ещё
Хорст?

С

Кведнау

³¹

?

–

Да
нет же, долговязый Хорст с Альбрехт-аллее

³²

. Ты что... забыл?

Что

ты

молчишь,

Фриц?

Фриц,

я

кого

спрашиваю,

Гинденбурга?! Проклятый пьянчуга!!! Пивной бочонок!!! Тыпустишь нас по миру со своей дырявой башкой! Немедленно... слышишь? Сейчас же строгай Хорсту ногу, старый осёл! Dreck mit Pfeffer! ...mit Pfeffer!

Бездетная чета вечно находила на свою голову постоянные заботы, подбирая на улице хромых собак, обездоленных кошек, голубей,

«недоеденных» теми же кошками, чтобы в дальнейшем выходить и пристроить их в добрые руки. Те же, кто в такие руки не попадал, находили приют и скромное содержание во дворе за домом, а именно – в сарае и небольшом вольере. Порой тихая улочка отдалённого района Кёнигсберга наполнялась невообразимой какофонией разнородных звуков. Соседей это несколько раздражало, но именно они проявляли участие и приносили к крыльцу аккуратные свёртки и мешочки с пи-щевыми отходами. У иных соседей даже были свои любимцы. Поэтому к некоторым свёрточкам были приколоты записки с кличкой животного, которому был предназначен гостинец. Однако всем без исключения нравился недавно появившийся птенец ворона, которого почему-то называли Гинденбургом. В отличие от другой живности Гинденбурга хозяева держали в доме, где он рос и воспитывался. Это давалось им весьма непросто, но именно такая забота вносила в жизнь пожилой пары неоспоримую живинку.

Подозреваю, что первое время я был совершенно несносен. Не удивлюсь, если моим новым родителям иногда хотелось свернуть мне голову, дабы воцарилась ненадолго тишина. Орал я безбожно и по всякому поводу. А как они себе думали? Птичий младенец оказался под человеческим патронатом. Я пищал, когда хотел есть. И когда не хотел, тоже пищал, потому что меня заставляли. А ещё, когда поили из пипет-ки или перебинтовывали покалеченное крыло. Мне жутко не хватало родительского тепла и понимания.

Со временем, я вполне обвыкся и окреп. Перестал беспричинно вопить и устраивать всевозможные демарши. Но главное, я понял, что

³¹ район Северная гора

³² ул. Тельмана

из этого просторного гнезда меня никто гнать не собирается, вполне прилично кормят, относятся душевно, хотя, и ругают из-за сущих мелочей. Интересно, где и как, по человеческому разумению, я должен опорожнять кишечник?! К чему столько шума вокруг этой тривиальной ерунды? Если что-то не устраивает, на то вы и родители. Придумайте что-нибудь, найдите выход или смиритесь уже!

Постепенно я приступил к изучению человеческого языка. Языка

«двуногих». Это действие было, скорее, вынужденное, чем идущее от потребности душевной. Язык птиц люди не понимают и категорически понимать не хотят, поэтому остаются глухи и слепы относительно многих вещей, а общаться всё же необходимо – в одном гнезде всё-таки живём. Donner Wetter ³³! ...mit Pfeffer. Речь двуногих довольно безала-берна, невнятна и груба на слух. Я, конечно, и сам не соловей, но... То, что порой вылетает из человеческого клюва – это в высшей степени похабно! Но, в первую очередь, именно этот словесный мусор почему-то застревает в голове напрочь. Странное свойство ошалелых звуков. Мои родители явно восхищались успехами приёмного сына. Я бы даже сказал, что они мною гордились. Ирма и Фриц кичились перед знакомыми, наблюдая с умилением, как те бурно реагируют на каждое новое словцо или фразу, что я выдавал в эфир. Со временем стало понятно, что для общения с людьми не нужен слишком большой словарный запас, достаточно было ограничиться ключевыми выраже-ниями. Я старался не просто выговаривать слова правильно и отчётливо, но и копировать интонацию голоса того, кто их изрекал. Особенно мне удава-

лось подражать папаше Фридриху, его хрипловато-тягучей манере выдавливать из себя звуки, что, казалось, исходили не из горла, а из недр необъятной утробы бочкообразного живота. Крайний восторг у всех вызывало подражание звуков, которые он действительно вольно или невольно выдавливал, отведав основательно любимого «понарт-ского» пива и швабских колбасок с тушёной квашеной капустой. Но я терпеть не мог, когда меня начинали просить, нудно канючить и за-искивать. «Гинденбу-у-ург, ну пожа-а-алуйста, хороший... Повтори для Гюнтера и Эльзы, они ещё не слышали. Скажи: «Спок-о-ойной но-о-очи!» Тьфу!!! Я замолкал принципиально, и разговорить меня не удавалось никому. Нечего потакать человеческим прихотям. Дашь слабинку, потом вообще не слезут. Недаром одни в неволе не поют, другие – не размножаются, третьи –дохнут. Я же, как экземпляр природой одарённый, по чьей-то пустой прихоти талантами своими, как бисером рассыпаться, не намерен! Я не какой-нибудь там: «папский петух»!

Тогда я слышал только немецкую речь и не знал, что есть другая. И кто же мог подумать, что много лет спустя мне придётся осваивать

³³ Чёрт побери!

иной язык из-за того, что весь привычный мир перевернётся вверх ногами и рухнет к птичьей матери!

Когда у меня имелся интерес к общению, я покидал мастерскую, являлся в кухню, запрыгивал на подоконник и слушал бесконечную болтовню мамыши Ирмы, которая возилась у плиты. Ах, добрая моя, толстая, неугомонная и ворчливая мамаша Ирма! Она не умела молчать в принципе. Все свои действия и бездействие тоже всегда сопровождала обязательными комментариями и причитаниями. И не беда, что новый рецепт штруделя неожиданно, вопреки всякой логической связи, соседствовал с проблемами нарастающей урбанизации, запретом на продажу противозачаточных средств и курсом немецкой марки. В моём распоряжении был целый калейдоскоп новостей и слухов. Казалось, что эта почтенная фрау собственноручно варит сплетни в объёмных кастрюлях на плите, затем солит их, приправляет специями и щедро раздаёт по сторонам из половника. Разобраться в этом сумбуре не представлялось возможным. Что за потребность была у мамыши Ирмы извергать потоки несвязанной информации? Кроме меня, её всё равно никто не слушал. Полагаю, что и моего присутствия ей хватало вполне. Достойно поддерживать такую беседу можно было, только наклевав-шись до одури пареного гороха. Зато я впитывал молодым цепким умом всё противоречивое многообразие человеческой жизни. Сначала я даже делал попытки рассортировать услышанное, разложить по веточкам. Но, едва начав, бросил это неблагодарное занятие. Чащоба непролазная! Только за одну неполную четверть часа можно было узнать, что, оказывается, мой тёзка – фельдмаршал и рейх-президент Гинденбург –старый осёл, которому, дай Бог, управиться бы с собственными кальсонами, а не управлять страной; что старая Хельга, которая живёт на Луизен-аллее ³⁴, вчера похоронила дочь. Она умерла от криминального аборта. И раз Хельга сама направила её туда, как же теперь она сможет жить с таким грехом на душе? Далее: долгое описание адских мучений старой Хельги в преисподней. А «Дом техники» ³⁵, что недавно открылся на территории Восточной ярмарки – сооружение уродливое, похожее на гигантский склад, где место всякому хламу, а не техническим но-винкам. Далее: обстоятельная критика строения, которое лично фрау Ирма увидеть в законченном виде ещё не успела, а руководствовалась лишь сторонними рассказами. И так продолжалось до бесконечности. Дни, месяцы, годы...

К концу второго года жизни вообще и моего пребывания в доме в частности появилась тоска. Она старательно выклеивала мне мозг, принимая необходимость спокойного, сытого благополучия. Вдруг сде-

³⁴ Ул. Комсомольская

35 Торговый центр «Эпицентр» ул. Горького

лалось муторно и безумно тесно. В этом своём благополучии я стал нищать. Мои крылья перестали принадлежать мне. Неподвластные никому они мятежно расправлялись сами собой, неистово хлопали, создавая ветер, который сметал с верстака папаши Фридриха пахучую стружку, ударялся волнами о стёкла окон. Мне казалось, что если я распахну крылья во всю ширь, то непременно пробью стены мастерской, дом, весь неизвестный мне мир. Я немного боялся этого, но, более всего, жаждал. И однажды такой день настал.

Невидимая связь с двуногими родителями во мне ещё жила, как и потребность иногда прилетать к родительскому гнезду, где меня неизменно ждали и всегда были рады видеть. Нужно отдать должное, Ирма и Фридрих мудро восприняли тот факт, что тяга к свободе всепобеждающе сильна, что всё равно рано или поздно я покинул бы их. И не важно, была бы это неплотно прикрытая входная дверь, или, как в моём случае – окно кухни.

Оставаясь городским жителем, я определил себе местом постоянного обитания тихий, уютный парк в северо-восточной части города. Парк начинался в самом начале Кранце-аллее ³⁶ и тянулся вдоль Литовского вала к Закхаймским воротам, вполне гармонично соседствуя с большим кладбищем. Что ещё нужно молодому образованному ворону для нормального, размеренного существования? Многим сородичам были непонятны мои странные привязанности и оседлость в городской черте. Да, несвойственно это нашему брату, несвойственно... Но, что поделать... Бытие определило во многом мою сущность. Я парил над родным городом с той же лёгкостью и восторгом, с каким другие летали над полями и лесом. Они видели и знали под собой каждое дерево и куст, я же мог без труда распознать любой фонарный столб, всякий дом и переулок Кёнигсберга – этого человеческого муравейника, к которому я неосознанно и безнадежно прирос.

Однажды, после довольно долгого перерыва, я навестил своих стариков и обнаружил папашу Фридриха в одиночестве и в весьма плачевном состоянии. Он сидел на кухне, уткнувшись своим мясистым клювом в крошки на столе. Кругом царил хаос. На подоконнике и на полу выстроилась порожняя бутылочная армия. Тотальный беспорядок, запустение и равнодушие виделись во всём, тарасились из каждого угла. Куда только смотрит... И тут я понял, почувствовал – мамы Ирма больше нет в этом доме. Больше нет. Родительское гнездо опустело и умерло вместе с ней. Чем же мог ворон помочь старому стро-гальщику костылей, этому прусскому папе Карло? Разве что из соли-дарности окунуться в бесполезную тоску и, следуя примеру бедного Фрица, нырнуть с головой в «поварское» и шнапс? Прощаясь, я нежно

³⁶ Ул. А. Невского

клюнул папашу Фридриха в широкий, лоснящийся затылок и улетел навсегда. Dreck mit Pfeffer! ... mit Pfeffer!»

* * *

«Холодный белый пух неторопливо опускался на очарованную землю. В этом зрелище смешалось удивительное, неестественное, сиюминутное и пугающее. В один из майских дней тридцать четвёртого года в Кёнигсберге повалил густой снег. Он ложился на крыши и про-вода с такой нагловатой самонадеянностью, словно собирался задержаться здесь, как минимум, на неделю. Зелёные кроны деревьев, оказавшись под снежными шапками, выглядели нелепо, почти комично. Многие ветки не выдерживали тяжести ледяных панцирей, ломались у оснований и с треском летели вниз. Тот несуразный день оказался невероятно значимым, ибо совершенно неожиданно он подарил мне встречу с судьбой.

Неподалёку от Королевских ворот я восседал на вершине старого вяза и забавлял себя созерцанием природной вакханалии. Вокруг слышались жалобный хруст ломающихся ветвей и испуганный воробьиный писк. Глупая паника глупых существ (это о воробьях, разумеется). Я не сразу заметил Её близкое присутствие. А когда заметил, то принял за наваждение, которое способно возникнуть вот так, спонтанно в воображении молодого, уверенного в себе самца. Если бы вы только могли видеть, как она была прекрасна в то далёкое, заснеженное майское утро! С какой утончённой грацией она чистила о ветку совершенный изгиб своего клюва. Я не мог шевельнуться. Просто замер, затаил дыхание, хотя первым естественным позывом было немедленно рвануться навстречу. Я не думал, не представлял, что могу быть отвергнут, не понят, не оценён во всех своих неоспоримых достоинствах. И всё же медлил, опасаясь своим напором вспугнуть это прелестное создание. Никогда больше – ни до, ни после того дня я не испытывал такого ветра чувств. О, птичьи боги! Как, наверное, я был неуклюж, смешон и глуп в своих потугах изобразить перед ней нечто значимое и серьёзное! Я готов был выдрать все перья из хвоста, лишь бы произвести впечатление! С лёгкой надменностью она внимала моим попыткам ухаживать. Перелетала с одного дерева на другое, поворачивалась ко мне хвостом, демонстрируя, что моё общество её слегка утомило. Перемещаясь таким образом, мы оказались на самой окраине города, где мне недвусмысленно дали понять, что надеяться особо не на что. Но, разве такие мелочи могут быть препятствием для молодости и, присущей ей, самоуверенности. Впрочем, забегаю вперёд скажу, что победители неподсудны, так как в итоге я завоевал снисхождение, рас-

положение и новую жизнь, в которой теперь появилась и безраздельно властвовала моим сердцем Она.

Свой холостяцкий чертог я считал если не шикарным, то вполне пригодным для жизни, но ей почему-то он не пришёлся по вкусу. Она мягко, но настойчиво настаивала на перелёте куда-нибудь подальше от города. Я понимал её, конечно. Никто не виноват, что мы родились и выросли в разной социальной среде. Так сложилось. Кому-то всё равно пришлось бы уступить. Покинуть облюбованный старый парк, да ещё с чудным видом на кладбище я отказался наотрез. Это уже было бы слишком. Мы слегка повздорили, но дальше этого не пошло. Семейная жизнь, как известно, не обходится без столкновения интересов. В итоге ограничились лишь сменой дерева, прогнав прочь с великим скандалом сорочье семейство. И всё же, периодически, не в силах слететь с этой навязчивой идеи, она продолжала выклеивать мне мозг, особенно когда была раздражена или находилась в дурном душевном расположении. Потекла неспешная, размеренная, вполне счастливая семейная жизнь. Сейчас, взирая сквозь непролазную чащобу времени, совершенно очевидно, что те несколько довоенных лет были самыми счастливыми в нашей совместной судьбе. Мы были молоды, сильны и бесконечно

наивны, полагая, что так должно быть и всегда будет.

У неё оказался не самый покладистый характер. При всей своей внешней мягкости и очаровании моя фрау Ворон была принципиальна и тверда, когда это казалось ей необходимым. Порой мы ссорились, вскоре мирились, а после снова сходились в лёгком сражении принципов. Но, чего никогда между нами не случалось, так это откровенного неприятия, абордажного состояния и злобных выходок. Мы умели до-рожить главным, что ниспослала нам судьба.

Каждый год мы обзавоидились новым потомством, которое вскарм-ливали, лелеяли, оберегали от врагов, ставили на крыло. Мы радовались тому, как росли и крепили наши птенцы и огорчались трагическим, но, наверное, неизбежным потерям. Мы оба любили время, когда свежестью разбавлялось дневное тепло и осень, робко ступая, на цыпочках, заглядывала к нам в парк, чтобы вернуться немного позже и, вооружившись маковицей, размалевать отработанными движениями зыбкую органику. Мы любили слушать листья и их прощальный шёпот, наблюдать, как нехотя осыпается в ночи шатёр под нашим гнездом. Мы просто любили и жаж-

дали быть вместе. Это, пожалуй, единственная стоящая потребность и ощущение, ради которого стоило однажды вылупиться из яйца.

Мне доставляло огромное удовольствие баловать мою пассивность разными приятными мелочами. Она имела пристрастие к рыбе, и я не упускал случая подобрать для неё на берегу Преголя ароматную ры-

бёшку «с душком» или, на худой конец, мышь возле помойки. А как-то раз я принёс любимой изящные женские часики. Они так соблазнительно играли на солнце кругляшом циферблата, что я не удержался и умыкнул их по дороге домой с подоконника открытого окна одной из палат Лёбенихтского госпиталя ³⁷ на Хайдеманн-штрассе ³⁸.

Приходилось прикладывать немало усилий, чтобы убедить её, что жизнь в городе ничуть не хуже, чем за его пределами, куда она так рвалась. Главной же проблемой было травмированное в младенчестве крыло. Как мои приёмные родители ни старались, но кости срослись как-то не так, и летун из меня был неважнецкий, особенно на значительные расстояния. Город же давал кров и сносное пропитание, не требующее напряжённых поисков. Определённые усилия, конечно же, были неизбежны. Но мы же не какие-то «гульки», чтобы день-деньской снова у ног прохожих и тупо долбить клювом тротуары, подбирая дармовые крохи! Вопрос питания – вещь архисерьёзная.

Совместная идиллия была недолгой в сравнении с моей долгой жизнью. Тем значимей и дороже для меня впоследствии стали воспоминания о времени, где хотелось остаться навсегда. Только тогда я этого не мог понять, как понимаю теперь. И, возможно, не было бы запоздалых сожалений и отчаянных заламываний крыльев от бессилия что-либо изменить.

Чувствовалось, как год от года меняется энергетика нашего города, точнее говоря, человеческой стаи, что его населяет. Что-то однажды пошло не так. Несмотря на кажущееся спокойствие и относительное благополучие, в воздухе появилась неуютная напряжённость и необъяснимая тревога. Особенно сильно это ощущалось во время каких-то празднеств, торжеств, непременно сопровождаемых чеканным шагом по бульжнику и оголтелым грохотом маршей. Нездоровый восторг охватывал город. Когда дня не хватало, то продолжением торжеств становились факельные шествия. Огненные языки ползли по ночным улицам и площадям, облизывали дома, тротуары, лица людей. Чему радовались или восхищались горожане, мы не понимали. Но во всей этой веселухе чудилось нечто жутковатое, первобытно-звериное, то, что следовало бы удерживать на парфорсе всякий раз, когда это пыталось вспениться и продемонстрировать оскал. Где нам – птицам было понять глубинную сущность человеческой природы! Поразмыслив на досуге, я пришёл к выводу, что отсутствие крыльев явно не прибавляет ума. Эти бескрылые двуногие существа, похоже, сами плохо представляют, что могут сотворить в следующее мгновение. Тем более, непонятным и не логичным становится их способность

³⁷ ныне жилой дом

³⁸ ул. Черепичная

влиять на всё и вся. Маниакальное стремление над всем главенствовать, подчинять себе всех, в том числе, подобных – незамысловатый путь к вырождению вида.

По-настоящему переломный момент произошёл в ночь на десятое ноября тридцать восьмого, когда в ночном небе над городом вспыхнуло рукотворное зарево. Перезвон «хрустальной ночи», прокатившийся по всей Германии, долетел и до Кёнигсберга. Беснующаяся толпа идейно-агрессивных идиотов подожгла синагогу и разорила еврейский приют на острове Ломзе ³⁹».

* * *

Лакированный Мерседес-Бенц уверенно вписывался в зигзаги ночной дороги, двигаясь в сторону Кранца⁴⁰. На мягкой коже заднего сиденья расположились двое мужчин в штатском. Толстое стекло надёжно изолировало пассажирский салон от водителя.

—

Рихард, за те два года, что мы не виделись, ты стал ещё упрямей и несносней. Не будь ты моим старшим братом, я бы тебя отшлёпал. Не ухмыляйся. Скажи, долго ещё ты собираешься торчать в этой дыре?

—

Ты циник, Дитмар. Ну, в самом деле, имей хотя бы уважение к тому месту, где родился. Кёнигсберг, конечно, не Берлин, и вряд ли ты сделал бы здесь такую блестящую карьеру, но...

—

Рихард, дорогой мой! Ты со своим умом и способностями занимаешься бесполезными изысканиями в то время, когда мог бы внести реальный вклад в то, что действительно важно и значимо именно сейчас! И дивиденды не заставили бы себя долго ждать. А попутно занимался бы своей «детской» писаниной. Прости за прямоту.

Мужчина средних лет с благородными чертами лица снисходительно улыбнулся и смерил пронизательным взглядом собеседника.

—

Мероприятие, на которое мы сейчас едем, а, проще сказать... оккультное собрание, и есть то самое важное и значимое?

Нет,

Дитмар, я старый книжный червь и участвую в этом только по твоей настоя-тельной просьбе. Хотя и сейчас совершенно не понимаю, для чего мне это нужно. К тому же для тебя не секрет, что я никогда не разделял твоих взглядов и до сих пор считаю, что процессы, кото-рые сейчас происходят

в

Германии,
да

и
не
только
в
ней,
опасны
и
отдают
каким-то сатанизмом. Прости и ты меня за прямоту.

—

Главное, чтобы ты свои близорукие убеждения не выставял напоказ и не распространял дальше своих мозгов. Не играй с огнём.

³⁹ район ул. Октябрьской

⁴⁰ г. Зеленоградск

Дитмар Вернер уже давно прилагал усилия, чтобы вытащить старшего брата в столицу, где имел планы использовать его опыт, знания и талант писателя.

—

Пойми, Рихард, на дворе тридцать девятый год! Ты не можешь не
знать,
не
понимать,
что
грядут
оглушительные
перемены
для

Германии и для всего мира! Выбор есть. Либо ты участвуешь в этих переменах на стороне сильных, либо... Рихард, сегодня нельзя быть слабым

и незрячим. Ты знаешь, что я никогда не бросаю слов на ветер. У меня есть для тебя один убедительный аргумент. Надеюсь, у тебя хватит мудрости, чтобы не отвергнуть очевидное и оценить мои старания, дорогой мой брат. После того, как там всё закончится, я представлю тебя самому рейхсфюреру.

Автомобиль тем временем сбавил ход, подъезжая к повороту на Рудау ⁴¹. Свет фар скользнул по окнам одиноко стоящего дома, заиграл на матовом глянце брусчатки и неожиданно упёрся в борт военного грузовика. Две тёмные фигуры выросли перед Мерседесом, точно из-под земли. После того, как Дитмар Вернер предъявил удостоверение оберфюрера СС, фигуры снова растворились во мраке, а грузовик по-пятился, освобождая дорогу. Ехать до пункта назначения оставалось совсем недолго. В багажнике машины послышалась возня и гортанные звуки, принадлежащие какому-то существу. Мужчины прервали серьёзную беседу.

—

Беспокоится, — заметил оберфюрер, кивая в сторону источника звуков.

—

Если бы тебя везли на заклание, и ты бы беспокоился, — заметил Рихард.

—

Скажи, кто придумал этот варварский, нелепый ритуал? Кому

это
нужно?
Неужели
ты
всерьёз
веришь
в
смысл
этой
дикости?
И даже сам...

—

Знаешь, когда племя молит богов о дожде во время засухи, совершая ритуалы и жертвоприношения, это нормально. Дождь пойдёт тогда, когда ему надлежит пойти, но племя – это общность, которая надеется на своих шаманов, и шаманы обеспечивают им веру, созидательно направленный вектор устремлений и создают единство. И тут хороши любые средства. Рудау, как ты знаешь, место интересное. Оно любопытно не только с исторической точки зрения. Ты сам когда-то рассказывал мне, что Король Оттокар в тринадцатом веке взял штурмом и разрушил прусскую крепость, что находилась на холме в Рудау. Позже там был построен орденский замок. Никому тогда не было дела до ритуалов самбийских язычников. Пройдя через подвалы и тоннели бывшего замка, попадаешь в древнее помещение, которое использо-

валось
пруссам
для
таинств.
Обычно
прусы
предпочитали
этим
за-

⁴¹ посёлок Мельниково

ниматься на свежем воздухе, где-нибудь на поляне возле дубов. Есть основание полагать, что в том месте сходятся некие энергетические потоки, которыми можно управлять посредством ритуалов. По задумке, этому мы сегодня и станем свидетелями.

—

О, Господи! А всё же... жаль его, – Рихард кивнул в сторону багажника, – Тот ещё экземпляр. Если бы я знал заранее истинный смысл

того,
что
будет,
отпустил
бы
его
на
все
четыре
стороны.

Дикость. Интересно, а если бы он вдруг заболел внезапно, исчез, окошел?

—
Не
волнуйся.
Его
место
занял
бы
другой,
какая
разница.

Возле самого Рудау Мерседес ещё раз остановили люди в штатском, и снова удостоверение оказало свою магическую силу. В небольшом дворе возле кирхи плотно друг к другу прижались несколько автомобилей. Освещение вокруг было намеренно тусклым, а едва различимые силуэты охранников, похожие на безмолвные тени, вносили в ситуацию таинственные нотки. Два человека, облачённые в одинаковые тёмные плащи, находились непосредственно возле дверей кирхи и напоминали воинственных близнецов. Несмотря на достаточное количество народа, соблюдалась полнейшая тишина. Разговаривали тихо, отрывисто, распоряжения так же отдавались бесшумно. Местные жители неприметного местечка, которые сейчас видели сны, чрезвычайно поразились, если бы узнали, какие события творятся у них под носом и какие значимые фигуры в них участвуют.

Некто, маячивший у входа, то и дело глядел на часы. Через несколько минут послышался звук моторов и вскоре два автомобиля подкатили вплотную к двери кирхи. «Воинственные близнецы», как по команде, вытянулись во фронт. Дитмар слегка толкнул старшего брата в бок и многозначительно кивнул. Это означало, что прибыли главные участники мероприятия. Из авто вышли несколько человек и быстро скрылись за дверью. Следом прошмыгнула ещё одна группа людей. Впотьмах невозможно было разглядеть лиц, но, вполне возможно, что среди них была женщина.

—
Теперь
будем
ждать,
—
сказал Дитмар.

—
Наш герой
должен
явить
ся на сцену в своё время.

Прошло минут сорок, прежде чем из двери выглянул распорядитель и сделал знак.

—
Идём,

—
скомандовал
брата
оберфюрер.

Из багажника извлекли большую куполообразную клетку, покрытую непрозрачной тканью.

Внутренность кирхи освещали две тусклые лампы. Неуютный густой полумрак впитал в себя свечной дым и какой-то тяжёлый под-вальный запах. Рихард и его брат с клеткой в руках быстрым шагом проследовали ближе к алтарю, где возле стены находился небольшой

лаз, ведущий в подземелье. Сразу стал понятен источник неприятного запаха. Из провала в полу тянуло холодом и сыростью. Они спустились вниз по крутым ступеням и оказались в узком тоннеле, где их ожидали два человека с факелами. Рихард внутренне ухмыльнулся, подметив, что для полноты ощущений не хватает рыцарей в доспехах.

Тоннель извивался и уходил всё ниже. Местами спуск был настолько крут, что приходилось хвататься руками за холодные, замшелые стены, чтобы не поскользнуться на влажных плитах пола. Наконец те, кто освещал факелами путь, остановились и пропустили братьев вперёд.

В небольшом помещении, практически круглой формы, находилось человек пятнадцать. Света факелов вполне хватало, чтобы разглядеть обстановку и присутствующих людей. Удивительно, но на древних стенах ритуальной комнаты сохранились вполне различные изображения и тайные знаки. В потолке зияло отверстие, дым от факелов всасывало в него точно пылесосом. Естественная вентиляция работала отменно. В середине залы возвышалась небольшая, гладкая плита, о назначении которой догадаться было несложно. Воображение невольно рисовало картины кровавых сборищ давних времен и проецировало их в настоящее время и место. Оставалось лишь гадать, сколько крови когда-то пролилось на эту отшлифованную гранитную плиту и застыло чёрными потеками на её боках.

Рихард стал бегло ощупывать взглядом лица собравшихся людей, пока не нашёл кого искал. Гиммлер стоял по левую сторону от входа в каких-то семи шагах от него. Рейсхфюрер неотрывно, сосредоточенно смотрел на жертвенный камень. Лицо его было неподвижно и спокойным, казалось, что он пребывает в трансе. Огонь плясал на кругляшках пенсне, за которым спрятался прищуренный холодный взгляд. Рихард медленно отвёл глаза и почувствовал, как что-то ледяное и отвратительно-неприятное пробежало колючими лапками вдоль позвоночника вниз. Он поднял глаза к закопчённому потолку, мысленно выругался в адрес брата и себя самого. Тайнодействие, даже с участием второго лица в рейхе, не только не прибавило торженности, но вызвало желание немедленно покинуть его, не дожидаясь кульминации. Но именно для того, чтобы обеспечить кульминацию, они и притащились сюда с этой чёртовой клеткой!

Только теперь Рихард обратил внимание на ветхий гобелен, который был натянут на стене позади гранитной плиты. «Быть его здесь раньше, явно, не могло, – подумал он. – Позаимствовали из какого-нибудь музея». Изображение на гобелене точь-в-точь напоминало ны-нешнюю обстановку. Похожее помещение, плита в середине комнаты, какие-то люди, жрецы в капюшонах без лиц. Недоставало лишь главных деталей... На гобелене светлым пятном на тёмном фоне стен и лю-

дей выделялась обнажённая фигура белокурой женщины, а скорее... девушки. Она находилась перед ритуальным камнем с окровавленным ножом в руке, а на плите лежала обезглавленная чёрная птица.

Тем временем, человек в тёмном балахоне приблизился к Дитмару, и тот молча передал ему клетку. На плите появился кованый нож с инкрустированной перламутром ручкой. Клетку водрузили на другой стороне камня. В помещении сгустилась напряжённость от ожидания развязки, которая должна была открыть собравшимся тайный смысл ритуала и возможности обретения сакральной силы. Огни на пенсне Гиммлера закружились в дьявольском хороводе. Несколько человек, что стояли впереди, расступились, и между ними протиснулась девушка. Её худощавое обнажённое тело было неестественно бледным. Она неуверенно сту-

пала босыми ногами по холодным плитам. От со-зерцания в мрачном сыром подземелье человеческой наготы Рихард инстинктивно поёжился. Прямые жидкие волосы выше плеч, тонкие, заострённые черты лица, бледность и худоба делали её похожей на восковую куклу. «Господи! Что я здесь делаю, идиот?! – вспыхнул Рихард гневом к самому себе. Если бы не брат, он ни на миг не остался бы здесь, среди этих напыщенных психопатов! – Нет, мир определённо сходит с ума!!! И, кажется, я вместе с ним».

Девушка взяла кинжал, зажала рукоять в вытянутых ладонях и стала что-то шептать. Было видно, как её слегка трясёт, то ли от волнения, а может, и от холода. В нужный момент «ассистент» в балахоне или, точнее сказать – жрец сдёрнул с клетки покрывало. Тотчас матовый холодный отблеск отразился от перьев крупного ворона. Птица, явно, не была в восторге от происходящего. Наклонённая вперёд шея, раскрытый клюв и растопыренные крылья говорили о решительности. Всем своим видом ворон давал понять, что победа над ним лёгкой не будет. Не без труда, но его всё же удалось вытащить из клетки. Ворон отчаянно бил мощным клювом руки в кожаных перчатках, что тянулись к нему, упирался крыльями в проволочные стены своей камеры, издавал воинственный клёкот и пытался вырваться. Новоявленный жрец в одной руке держал шнурок, который был привязан к ноге птицы, другой рукой он придавливал жертву к плите. «Восковой кукле» оставалось лишь в нужный момент отделить голову.

В тот миг, когда девушка занесла над птицей лезвие, произошло то, чего не мог ожидать никто. В напряжённой тишине, в трепетном ожидании развязки, внезапно раздался очень громкий, грубый мужской голос: «Halt, teufelin Schlampe! Gute Nacht! ⁴²». Синюшная блондинка мигом отпрянула в сторону. Ритуальный нож выскользнул из её руки и звякнул о каменный пол. Все присутствующие замерли в полнейшем

⁴² Стой, чёртова шлюха! Спокойной ночи! (нем.)

оцепенении. Не было человека, который бы не ощутил в то мгновение ледяную волну страха. Одной секунды всеобщей растерянности было достаточно, чтобы говорящий ворон рванулся с плахи прочь.

Шнурок в руке жреца натянулся струной. Мощной, когтистой ла-пой ворон дотянулся до девушки и мёртвой хваткой впился в грудь. Высокой, срывающейся нотой мрачное помещение прорезал женский вопль. Жрец машинально выпустил из руки шнурок. Высвобождая когти из человеческой плоти, птица сильно ударила клювом блондинку в лицо, едва не лишив глаза. Та зажала ладонью раненое место и, неимоверно страдая, рухнула на колени перед жертвенным камнем. Из глубокой раны рассечённой брови хлынула кровь. Тайный ритуал можно было бы считать условно состоявшимся, если б внезапно палач и жертва не поменялись местами.

Когда люди опомнились, ворон хлопал крыльями под потолком и бился о стены в поисках выхода. Его не пытались ловить, так как все понимали, что тайнодействие безнадёжно сорвано. Перед тем, как пропасть в тёмном овале тоннеля, который вёл наверх, ворон совершил свой личный ритуал. Он сделал заключительный круг и щедро окропил экскрементами неразумные человеческие головы. Высокопоставленные оккультисты были растеряны и злы. В пенсне рейхсфюрера Гиммлера, заляпанного птичьим помётом, потухли огненные мистические отблески. Рихард Вернер, внутренне торжествуя, облегчённо выдохнул и едва сдержал саркастическую ухмылку, когда из темноты тоннеля гулкое зловещее эхо, похожее на хохот привидения, многократно от-разило от стен: «Dreck met Pfeffer! ...mit Pfeffer! ⁴³»

* * *

«Недоумки проклятые!!! Полудурки! Вот же, забаву себе придумали – в беззащитную птицу ножиком тыкать! Чем бы ещё в жизни таким заняться, а?! А этот, очкастый индюк, какой сволочью оказался, не ожидал! Хотя, что я тут раскудахтался, как тупая курица, сам во всём

виноват. Бдительность потерял. С людьми такие послабления добром не кончаются. Покину я город! Покину! Улечу отсюда, к птичьей матери, куда клюв кажет!

И понёс же меня чёрт средь бела дня за рыбой к причалам возле двухъярусного моста! Не сиделось же мне спокойно возле гнезда. Хотелось сюрприз любимой преподнести. Преподнёс, сказать нечего. Ума не приложу, как угораздило ногами запутаться в обрывках лески? Это всё человеческая безответственность стреножила и выставила меня на всеобщее посмеище. Безумные чайки кружили над моей головой, на-

⁴³ Гадкий медовый перец (нем.)

дрываясь в истерическом хохоте. Голуби толпились рядом и не скрывали глупого восторга от беспомощности сильного. На порядок хуже голубей оказались подростки человеческие птенцы. Иначе бы я не оказался на следующий день на птичьем рынке возле Троммельплатц⁴⁴. Подобие клетки, наспех сплетённой из нескольких ржавых прутьев, стало местом временного пребывания. В этой невероятной тесноте практически невозможно было пошевелиться. Травмированное крыло затекло и ныло, но более всего страдало униженное самолюбие. Оно не просто страдало, оно рвалось и вопило на весь свет, только до этого никому не было дела. Затолкали в клетку и продают, как несущку! Ничтожества!

Ближе к полудню явился какой-то импозантный господин в чёрной шляпе и долго рассматривал меня, словно потенциальное жаркое. Негг, вы обратили бы лучше внимание на гуся, что на двадцать шагов левее. Этому, заплывшему жиром тупице, самое место на противне. Я-то вам зачем?

Раздольные мальчишки получили от мужчины несколько монет и тут же упорхнули с площади. Интересно, во что оценили меня малолетние балбесы? Эй, народ! Наро-о-о-д!!! Почём нынче вороны в розницу?!

Да-а-а... обстановочка! Не сравнить с конурой папаши Фрица. Здесь павлинов в пору разводить, а не пленённых воронов. Вот так, по воле судьбы или идиотских обстоятельств, я оказался в шикарном человеческом гнезде на Харденбергштрассе⁴⁵. Здесь было спокойно, тихо, изысканно. В каждой вещице, в любом предмете интерьера угадывался вкус, благополучие и сдержанная роскошь. В объёмных комнатах отсутствовал тяжёлый кисловатый запах кухни, не отдавало стружкой, клеем, мускусом и котами.

Я разместился (точнее меня разместили) в гостиной возле окна с видом на палисадник. Теперь у меня была большая куполообразная клетка, питание строго по часам, словно церковная служба, внимание и уход, но по-прежнему не было самого главного. Будь я котом или собакой, то до последних дней своих лизал бы руки хозяевам за рай-скую жизнь. Наличие крыльев многое объясняет и столь же многое не позволяет принять как благо – это сила и слабость рождённых летать. Неутолимую жажду простора, глоток свободы одомашненные звёрушки однажды променяли на миску похлёбки и право день-деньской дрыхнуть возле камина или у ног своих благодетелей. Этого уже не поправить никак и ничем. Jedem das seine⁴⁶... Я же за свою оплошность теперь платил наивысшую цену, которая только существует для птиц.

⁴⁴ Между ул. Театральная и Ленинский проспект

⁴⁵ ул. Пугачёва

⁴⁶ Каждому своё (нам.)

Справедливости ради, нужно сказать, что камин здесь, правда, был шикарный, с великолепными изразцами и ажурной кованой решёткой. На широкой дубовой каминной полке уютно расположились чьи-то благородно позеленевшие бронзовые головы «до плеч» и столь же бла-

городно патинированные канделябры. Впрочем, все предметы интерьера гостиной не уступали камину в добротности и изяществе исполнения. Такая мебель, вероятно, передаётся по наследству, переходит от одного поколения к другому не только как память, но и, чтобы подчеркнуть стиль жизни и статус. Скажем, комод, увитый виноградом, резными вставками с амурчиками даже визуально весил столько, что сдвинуть его с места не по силам было бы и двум здоровым мужчинам. Правда, немного раздражали часы. И отнюдь не видом своим, с этим как раз было всё в порядке, а тем, что они вытворяли. Старинные напольные часы, казалось, жили своей тайной жизнью. Кроме мерного тиканья маятника, они периодически поскрипывали механическими суставами, «прокашливались» перед тем, как отбить полный час, и позволяли себе иные неожиданные выходы. Других помещений я видеть не мог, но полагаю, что и ванная комната, и спальня были на уровне. Вы, очевидно, спросите: откуда же этот пернатый может знать о таких тонкостях человеческого быта? Не утруждайте напрасно своё воображение, просто вдумайтесь, а много ли «двуногих» смогут отличить амбир от рококо?

Примерно раз в три-четыре дня, ровно в десять часов утра, в квартиру приходила пожилая полноватая женщина. Сначала она гремела посудой на кухне и, судя по запахам, готовила еду, затем принималась за уборку в комнатах. Когда очередь доходила до столика, где стояла клетка, она распахивала настежь окно и принималась ворчать на меня, а так же на мусор, который я создавал. Ну, чем не мамаша Ирма?! Забавно. Мне это даже нравилось в какой-то степени, на миг появлялись очень далёкие ностальгические нотки. Того и гляди сейчас раздастся родное до боли: «Dreck mit Pfeffer!» Потом она открывала дверцу, с опаской просовывала внутрь руку, чтобы вынуть старые газеты и расстелить на дно клетки новые. Я снисходительно позволял это делать, не предпринимая попыток ухватить её за палец, ничего не имея против поддержания надлежащего санитарного состояния места заточения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.